

Написанная на основе ранее неизвестных и нелубликованных материалов, эта книга – научная биография Н. А. Васильева (1880 – 1940), профессора Казанского университета, ученого-мыслителя, который считается родоначальником современной неклассической логики и интересы которого простирались до поэзии, философии и психологии. Рассматривается путь ученого к «воображаемой логике» и органическая связь его логических изысканий с исследованиями по психологии, философии, этике. Показываются как идеи, высказанные Н. А. Васильевым в начале XX века, были возрождены в 1960-х гг. и развиваются в настоящее время.

БАЖАНОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ —

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент Academie Internationale de Philosophie des Sciences (Брюссель), зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета, научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, член редколлегии Международного журнала "The Review of Modern Logic" (США), серии книг "Advanced Studies in Mathematics and Logic" (Швейцария), регионального редсовета журнала «Эпистемология и философия науки», редколлегии журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион».

Подготовил 13 кандидатов и докторов наук.

Родился в 1953 г. в Казани. В 1975 г. окончил Казанский университет и прошел путь от ассистента до профессора кафедры философии этого университета. С 1993 г. работал в филиале МГУ в Ульяновске (с 1996 г. Ульяновском университете).

Сфера интересов: история и философия науки (в особенности социальная история и философия логики и математики), эпистемология, история русской философии.

Автор более 300 научных трудов, опубликованных в нашей стране и за рубежом (Австрия, Великобритания, Индия, Испания, Италия, КНР, США, Швейцария и т.д.). Среди них монографии: Проблема полноты квантовой теории. Философский аспект (Казань, 1983), Николай Александрович Васильев (М., 1988), Наука как самопознающая система (Казань, 1991), История университетской философии и логики в России (М., 1995), Очерки социальной истории логики в России (Ульяновск, 2002), История логики в России и СССР (М., «Канон+», 2007).

Личная страница в Интернете:
<http://staff.ulsu.ru/bazhanov>

ISBN 978-5-88373-196-8

9 785883 731968

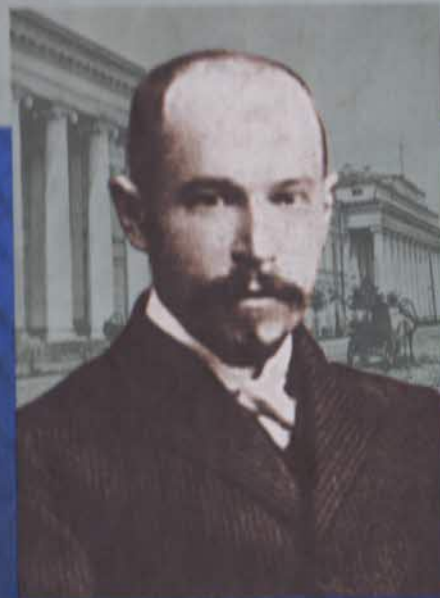
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАНОН-ПЛЮС

В. А. Бажанов

В. А. Бажанов

Н. А. ВАСИЛЬЕВ И ЕГО ВОООБРАЖАЕМАЯ ЛОГИКА

Воскрешение
одной
забытой идеи

Н. А. ВАСИЛЬЕВ И ЕГО ВОООБРАЖАЕМАЯ ЛОГИКА

В. А. БАЖАНОВ

ISBN 5-7133-0111-1
978-5-7133-0111-1

**Н. А. ВАСИЛЬЕВ
И ЕГО ВООБРАЖАЕМАЯ ЛОГИКА.
ВОСКРЕШЕНИЕ
ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ ИДЕИ**

Воскрешение одной забытой идеи. Н. А. Васильев. М.: Канон+, 2009. 128 с. ISBN 5-7133-0111-1. 978-5-7133-0111-1.

МОСКВА

2009

УДК 92
ББК 20г
Б 16

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований

по проекту № 08-06-07017 РРФИ

Бажанов В. А.
Б 16 **Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение
одной забытой идеи // В. А. Бажанов. — М.: «Канон⁺» РООИ
«Реабилитация», 2009. — 240 с.: ил.**

ISBN 978-5-88373-196-8.

Написанная на основе ранее неизвестных и не публиковавшихся материалов, эта книга — научная биография Н.А. Васильева (1880–1940), профессора Казанского университета, ученого-мыслителя, который считается родоначальником современной неклассической логики и интересы которого простирались до поэзии, философии и психологии. Рассматривается путь ученого к «воображаемой логике» и органическая связь его логических изысканий с исследованиями по психологии, философии, этике. Показывается, как идеи, высказанные Н.А. Васильевым в начале XX века, были возрождены в 1960-х гг. и развиваются в настоящее время.

УДК 92
ББК 20г

ISBN 978-5-88373-196-8

© Бажанов В. А., 2009
© Издательство «Канон⁺»
РООИ «Реабилитация», 2009

Мы быстро меркнущее пламя
И вновь пылающий пожар.

Н.А. Васильев

Прошлое науки — не кладбище с надгробными
плитами над навеки похороненными идеями,
а собрание недостроенных архитектурных ансамблей,
многие из которых не были закончены не из-за
несовершенства замысла, а из-за технической
и экономической несвоевременности.

А.А. Любищев

ОТ АВТОРА

Время – гениальный скульптор. От неоформленной массы разноречивых мнений, суждений и оценок, высказываемых людьми в тот или иной момент истории, оно безжалостно отсекает скороспелые, необъективные, пустые, не содержащие в себе зерно творческой уникальности, мощный заряд новаторских идей, способных осветить путь к новым высотам знания, к новым техническим решениям. Порой только время дает потомкам возможность оценить силу предвидения, масштабность идей и их направленность в будущее, роль и место ученого в интеллектуальной истории человечества. Как утверждает в одном афоризме, «у времени бывают трудные роды, но не бывает выкидышей» (Ф.Р. Ламенне). Время все отчетливее раскрывает оригинальность и значение логических работ (всего несколько статей!) профессора кафедры философии Казанского университета Николая Александровича Васильева.

Роль Н.А. Васильева в логике, по-видимому, в некотором смысле можно сравнить с ролью Н.И. Лобачевского в геометрии: идеи Лобачевского положили начало неевклидовой – и в этом плане неклассической – геометрии, а идеи Васильева лежат у истоков неаристотелевой – и в этом плане также неклассической – логики. Лобачевский свою геометрию называл «воображаемой»; Васильев также считал, что создал «воображаемую логику». Лобачевский открыл новые горизонты развития математического знания; Васильев же обозначил принципиально новые перспективы развития формальной логики¹. Им были высказаны идеи,

¹ Сравнивая Н.А. Васильева с Н.И. Лобачевским, автор отдает отчет в условности любого, в том числе и этого, сравнения. Когда-то В.Ф. Каган по поводу сравнения Клиффордом Лобачевского с Коперником ска-

которые современными логиками и математиками расцениваются как предвосхищение краугольных положений ныне интенсивно развивающихся, можно даже сказать новаторских, разделов неклассической математической логики.

Более пристальный взгляд на творческий путь этого выдающегося ученого позволяет со всем основанием сказать, что в его лице можно найти не только идейного предтечу ряда оригинальных систем современной неклассической формальной логики, но и мыслителя с весьма широкими интересами – философа, этика, психолога, историка, поэта и даже искусного переводчика. Если как логик Н.А. Васильев теперь достаточно популярен, то другие стороны его деятельности долгое время оставались в тени, а тем более почти ничего не было известно о нем как о человеке, о вехах его жизненного пути, о его исследовательской программе, которая была сформулирована им в исходной точке научной деятельности, – программе, даже в логической своей части в значительной степени подчи-

нал, что «легче было сдвинуть Землю, чем уменьшить сумму углов в треугольнике» [Каган, 1927, с. 60–61]. Высказывая эту мысль, В.Ф. Каган, конечно, не хотел принизить значение эпохального открытия гелиоцентрической системы Коперником. Он, на наш взгляд, хотел подчеркнуть то обстоятельство, что для открытия неевклидовой геометрии требовалась высшая степень интеллектуальной дерзости – высшая, поскольку она не исходила из каких-либо эмпирических соображений. В дерзости такого рода видится основание для сравнения Васильева с Лобачевским. Условность же этого сравнения заключается хотя бы в том, что существенно различны меры разработанности «воображаемой геометрии» и «воображаемой логики», логико-математических систем, у истоков которых они находятся, и их непосредственное влияние на развитие математики. Лобачевский заложил фундамент непрерывно строящегося здания, а Васильев заложил лишь один фундамент, но само здание, архитектуру которого он предвосхитил, осталось недостроенным. К нему вернулись десятилетия спустя. Между тем в плане «стратегической» перспективы развития математики и логики идеи Васильева и Лобачевского сопоставимы, на мой взгляд, соразмерны (см. также главу 11).

ненной стратегическим, весьма обширным научным и философским интересам ученого.

Долгое время казалось, что все биографические материалы, касающиеся Н.А. Васильева, безвозвратно утеряны. Все биографические сведения о нем, по сути, ограничивались данными, приведенными в очень краткой заметке «Васильев Николай Александрович» в Философской энциклопедии [Смирнов, Стяжкин, 1960, с. 228].

Достаточно продолжительный период – почти полвека – работы Васильева не находили должного резонанса в среде логиков и математиков, их объективная ценность не замечалась. Тем более никого не интересовала личность ученого. Время безжалостно разметало то, что некогда им было написано, но не увидело свет, развеяло в разные концы планеты когда-то тщательно собранную богатейшую библиотеку, переписку, исторические документы. Многое было уничтожено в вихре исторических перемен.

Между тем личность Н.А. Васильева не могла не привлекать к себе внимание тех ученых-логиков и математиков, которые самостоятельно пришли к высказанным некогда Васильевым идеям; тех, кому эти идеи были близки по духу, кто развивал теории, предвосхищенные Васильевым; наконец, тех, кому эти идеи были близки по духу, кто развивал теории, предвосхищенные Васильевым; наконец, тех, кто был знаком с историей психологии, этики или кого интересовало творчество русских поэтов начала XX в. Предпринимались поиски архива Н.А.Васильева. В частности, этим занимался выдающийся советский математик-алгебраист и логик академик А.И. Мальцев, но безвременная смерть прервала эти поиски (см.: [Мальцев, 1976, с. 320–321]).

Автор данной работы начиная с 1981 г. также делал попытки разыскать хотя бы некоторые материалы Н.А. Васильева. В 1982 г. поиск дал первые плоды: были найдены два рукописных «Отчета» ученого [Васильев Н.А., 1907н;

1912н], а чуть позже – часть его архива (дневник, письма, фотографии, книги с пометками и выписками, некоторые документы и т.д.)¹. Все это собиралось буквально по крупицам. Найденные материалы в совокупности с архивными документами позволяют уточнить многие факты жизни Н.А. Васильева, обнаруживают ранее неизвестные события, дают им объяснение. Таким образом, возникла возможность воссоздать реальный облик ученого, проследить становление и развитие его научных идей, увидеть ступени реализации научной программы и понять роль каждой из них в формировании мировоззрения и методологических установок ученого (см. также: [Бажанов, 1986; 1988; 2002, 2007]).

Внимание автора к творчеству Н.А. Васильева привлек В.А. Смирнов, которому он фактически обязан решимостью написать эту книгу.

Книга во многом основывается на неопубликованных и неизвестных ранее материалах и отчасти на беседах с теми, кому посчастливилось знать Николая Александровича Васильева, кто был близок семье Васильевых.

Автор благодарен В.И. Адо, А.П. Дажину и всем, кто оказывал помощь в поисках материалов, связанных с Н.А. Васильевым; Е.Ар. и Е.А. Кречетовым, Б.К. Мусину, Н.К. Григорьевой, А.Н. Хохлову за передачу ряда документов, Л.В., А.Л., Н.А., Н.Л. Крушинским за возможность познакомиться с семейными архивами.

Автор признателен И.И. Мочалову и Б.Л.Лаптеву за ценные замечания и всемерную поддержку; Ж.-И. Безье, Б.В. Бирюкову, О. Буэно, И.Н. Грифцовой, А.С. Карпенко, В.И. Маркину, Дж. Маркосу, Г.В. Сориной, Г. Присту, Н. Да Коста, И.С. Нарскому, М.М. Новоселову и А.Н. Шерстневу – за обсуждение различных аспектов логических

¹ Указанные материалы хранятся в личном архиве автора (ЛИА).

исследований Н.А. Васильева; Н.Б. Ильинскому и Н.В. Трунову – за горячий интерес, служивший дополнительным стимулом в работе над книгой; С. Петрову – за возможность познакомиться с редкими и неопубликованными материалами А.И. Арруды; Н.А. Егоровой – за критическое прочтение рукописи книги и большую помощь в подготовке гл.3.

В библиографии, приведенной в конце книги, содержатся только цитируемые или упоминаемые в тексте источники. Для удобства пользования библиография включает разделы: работы Н.А. Васильева; неопубликованные работы Н.А. Васильева; материалы Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) и Центрального государственного исторического архива РФ (РГИА) и неопубликованные материалы, касающиеся Н.А. Васильева и хранящиеся в личном архиве автора книги; литература, ссылки на которую имеются в тексте книги и которая затрагивает различные аспекты жизни и творчества Н.А. Васильева.

ГЛАВА 1

РОДОСЛОВНАЯ

Линия по отцу

Дед

Н.А. Васильев находился в родстве с теми людьми, имена которых прочно вошли в историю государства Российского, и многие из них записаны золотыми буквами в его культурной летописи.

Дед Н.А. Васильева, Василий Павлович Васильев (1818–1900), являлся известным русским китаеведом, академиком Петербургской Академии наук. Его книга «Буддизм, его догматы, история и литература» [Васильев В.П., 1857] составила, по общему признанию, эпоху в изучении буддизма (см.: [Васильев В.П., 1971, с. 324]).

В. П. Васильев

Василий Павлович происходил из семьи бедного нижегородского чиновника и уже с 14 лет был вынужден «зарабатывать себе и своим хлеб» [Васильев Н.В., 1931, с. 45]. Отец Василия Павловича, Павел Васильевич, был сыном священника села Чернуха Арзамасского уезда; мать, Анна Петровна, также проис-

ходила из духовного сословия [Хохлов, 1974, с. 29]. К моменту рождения Василия Павловича в семье уже было 5 детей. В 1827 г. он с похвальным листом окончил уездное училище, а в 1832 г. – гимназию. Поскольку в университет принимали с 16 лет, то Василий Павлович имел намерение устроиться писцом в канцелярию, но его «спас» недостаточно красивый почерк. Он подрабатывал репетиторством, частными уроками, а в 1834 г. В.П. Васильев покидает родной Нижний Новгород и поступает на медицинский факультет Казанского университета. Но на этом факультете нужно было платить за учебу и жилье, поэтому он подал прошение о переводе его на отделение словесных наук. Так В.П. Васильев начинал заниматься монгольским и китайским языками. По окончании университета он получил звание кандидата монгольской словесности, а после защиты диссертации на степень магистра «Об основаниях буддистской философии» в 1839 г. был командирован в составе русской миссии в Пекин, где пробыл десять лет, изучая китайскую культуру, религию, литературу, языки народов того региона, проводя географические исследования. В 1851 г. В.П. Васильев вернулся в Казань, получил профессуру китайской словесности при университете. В Казани в 1852 г. он женился на Софье Ивановне Симоновой, двадцатилетней дочери ректора университета Ивана Михайловича Симонова (1794–1855), известного астронома, члена-корреспондента Петербургской Академии наук, участника кругосветной экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, открывшей Антарктиду. В качестве приданого молодоженам было подарено село Каинки Свияжского уезда, в котором Васильевы, их дети и внуки жили летом [Крушинская А.А. 1968, с. 98]. У Василия Павловича и Софьи Ивановны было семеро детей. Софья Ивановна рано скончалась (ей было всего 36 лет), и заботы о воспитании детей легли на Василия Павловича.

В 1855 г. восточный факультет Казанского университета был закрыт. Весь его профессорско-преподавательский состав и часть студентов, а также библиотека и кое-что из имущества, были переведены в Петербург (см.: [Скачков, 1977, с. 198]). В.П. Васильев, переехав в Петербург, продолжил исследования в области китаеведения. 28 июля 1855 г. род Васильевых был утвержден в потомственном дворянстве [НА РТ, фонд 977, оп. 619, д.5, л. 161]. В 1866 г. В.П. Васильев был избран членом-корреспондентом, а в 1886 г. – академиком Петербургской Академии наук. Он умер 27 апреля 1900 г. и по завещанию был похоронен в Каинках, на высоком берегу Свияги вблизи Крестовоздвиженской церкви.

Один из сыновей В.П. Васильева, Николай (1857–1920), был студентом Земледельческого института в Петербурге, а за участие в революционной деятельности был сослан в Архангельскую губернию, откуда бежал в Швейцарию. Одно время Н.В. Васильев жил в Лондоне, где познакомился с К. Марксом (см.: [Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. с. 519, примеч.]¹. За границей Н.В. Васильев стал известен как видный социал-демократ и деятель швейцарского рабочего движения, профессиональный революционер. Н.В. Васильев во-

Н. В. Васильев

¹ Заметим, что здесь неточно указано, что Н.В. Васильев по профессии врач.

дил в число ближайших соратников Г.В. Плеханова. Последний написал предисловие к книге воспоминаний Н.В. Васильева о периоде революционно-народнического движения «В семидесятые годы» [Васильев Н.В., 1931].¹ В.И. Ленин вел активную дискуссию с представителями меньшевистской платформы учения Плеханова (после 1903 г.), в связи с чем неоднократно упоминал Н.В. Васильева (См.: [Ленин В.И. Плеханов и Васильев // Полн. собр. соч. Т. 14. с. 234–240]).

Н.В. Васильев не случайно встал на путь революционно-народнической борьбы. Этот шаг был, в известной степени, подготовлен атмосферой, царившей в семье Васильевых. «Отец мой, – писал Николай Васильевич, – привил мне любовь к народу и уважение к бедным людям» [Васильев Н.В., 1931, с. 45]. В 1905 г. Н.В. Васильев вернулся в Россию; после октябрьского переворота работал в союзе потребительских обществ и скончался в 1920 г. от тифа.

Отец

Старший сын В.П. Васильева, Александр (1853–1929), отец С.А. и Н.А. Васильевых, добился широкой известности на математическом поприще. По воспоминаниям его дочери А.А. Крушинской, в доме их деда часто бывали лица, принимавшие активное участие в реформах 1860-х годов. Близким другом В.П. Васильева был видный писатель П.П. Мельников (псевдоним – Андрей Печерский). Мельников был увлекательным собеседником. Беседы отца и его друзей, при которых постоянно присутствовал не по летам развитый мальчик, будущий профессор математики, были

¹ Впервые эти воспоминания были опубликованы в журнале «Вестник Европы» в 1907 г.

первыми впечатлениями, пробудившими интерес к общественным вопросам, – интерес, который он сохранил до конца жизни.

Учился А.В. Васильев в 5-й С.-Петербургской гимназии очень хорошо, находя время и для того, чтобы изучить книги по химии, купленные на сбережения от завтраков, и ставить химические опыты. Но увлечение химией благодаря В.П. Максимовичу быстро сменилось увлечением математикой.

Гимназический курс математики не удовлетворял мальчика, и он еще в седьмом классе изучал самостоятельно сочинения Штурма, посвященные дифференциальному исчислению. В 1870 г. А.В. Васильев поступил на математический факультет Петербургского университета, который окончил в 1874 г. с золотой медалью, и начал работать в качестве приват-доцента в Казанском университете с декабря того же года [Крушинская А.А., Архив автора].

В 1879 г. А.В. Васильев был командирован для подготовки магистерской диссертации за границу, где работал под руководством Л. Кронекера и К. Вейерштрасса [Дорофеева, Чернова, 1985]. «В лице Александра Васильевича, – писал профессор Н.Н. Парфентьев, – имелся молодой, но блестяще доведенный до уровня тогдашней науки математик, математик-энтузиаст, математик, всегда стремившийся охватить проблему виришь» [Парфентьев, 1930, с. 93]. Эта особенность ученого, в частности, выражалась в его исклю-

А. В. Васильев
(в молодости)

А. В. Васильев

чительно широких философских интересах, буквально энциклопедических знаниях, в его тяге к исторической стороне любого вопроса, «над коим он размышлял, ибо его интересовала эволюция идеи». При этом мирозерцанию Александра Васильевича был свойствен «чисто «античный» вкус к истине и к прекрасному» [Парфентьев, 1930, с. 98–99]. У него было «необыкновенное умение делать научные обобщения» [НА РТ, фонд 1337, оп. 18, Д. 9, Л. 30]. Не

случайно А.В. Васильев выступил инициатором активной пропаганды идей Н.И. Лобачевского, опубликовал его биографию и принял деятельное участие в издании его «Полного собрания сочинений по геометрии». А.В. Васильев явился пионером распространения теоретико-множественных представлений в России [Колмогоров, Юшкевич, 1985, с. 378].

В 1879 г. А.В. Васильев женился на Александре Павловне Максимович.

В 1899 г. А.В. Васильев стал заслуженным ординарным профессором Казанского университета по кафедре чистой математики. Надо сказать, что студенты очень любили А.В. Васильева. К 1890 г. курсы математического анализа в некоторых университетах России читались на самом современном уровне. «Первенство здесь принадлежало математикам Одессы (С.О. Шатуновский), Киева (Б.Я. Букреев) и Казани (А.В. Васильев)» [Демидов, 2000, с. 77].

Дом на Большом проспекте в С.-Петербурге, где жил А. В. Васильев

Помимо обычных занятий в стенах университета, он регулярно «по пятницам» приглашал к себе домой старшекурсников для собеседования. Среди учеников А.В. Васильева – целая плеяда талантливых математиков: А.П. Котельников, Д.М. Синцов, В.Л. Некрасов, Н.Н. Парфентьев, Е.И. Григорьев и др. К А.В. Васильеву иногда приходил и будущий поэт Велимир Хлебников, который впоследствии всюду носил с собой несколько книг А.В., одна из которых была «Введение в анализ» [НА РТ, фонд 977, Л/д, д. 34818; а также см.: Григорьев, 2000; 2005; Дуганов, 1990; Мир Велимира...]. В свои странствия В. Хлебников нередко брал некоторые математические книги А.В. Васильева. Один из учеников А.В. Васильева – профессор Н.Н. Парфентьев – являлся школьным учителем математики у В. Хлебникова [НА РТ, фонд 88, оп. 1, д. 1999, л. 196]. Об этом писал

и Н. Харджиев – один из наиболее глубоких исследователей творчества В. Хлебникова, который, в частности, слышал о влиянии А.В. Васильева на поэта от С.Я. Маршака [Харджиев, 1975, с. 201–202; 1997]. Хотя Николай Васильев, сын А.В. Васильева, также серьезно увлекался поэзией примерно, те же годы, когда Велимир Хлебников встречался с А.В. Васильевым, никаких свидетельств о знакомстве Николая и Велимира не сохранилось.

А.В. Васильев разделял умонастроения студенчества и принимал активное участие в выступлениях студентов и преподавателей. Так, в декабре 1887 г. он принял участие в сходке в Казанском университете, которая стала широко известной благодаря участию в ней молодого студента Владимира Ульянова. Понятно, что роль профессора и студента в этой сходке была существенно различна.

А.В. Васильев был хорошо знаком с А.И. Ульяновым и оставил весьма подробные воспоминания о периоде знакомства с ним. А.В. Васильев писал: «...самым наиболее крупным представителем революционной молодежи 80-х годов был Александр Ильич Ульянов. Мое знакомство с ним началось в 85 г. в Петербурге. Он был тогда на 3-м курсе естественного отделения физико-математического факультета. Студентом он был очень трудолюбивым и способным, успехи в науке оказывал блестящие... Рассказывать о себе он (А.И. Ульянов. – В.Б.) не любил. Однако об отце (И.Н. Ульянове. – В.Б.) он говорил, что это был «в высшей степени честный, всеми уважаемый человек. Обстановка в семье была благоприятной для умственного и нравственного развития» [РГИА, фонд 1606, оп. 1, д. 3, л. 10, 14]. Для многих ожидавших увидеть в лице А.И. Ульянова крупного ученого его шаг в революцию явился неожиданным. Сделав этот шаг, А.И. Ульянов отдался делу революции со всей страстью [РГИА, там же, л. 17]. Огромное влияние на А.И. Ульянова оказала история Добро-

любова [РГИА, там же л. 24]. В своих воспоминаниях А.В. Васильев касался и других участников покушения на царя 1 марта 1887 г.

А.В. Васильев оставил след не только как ученый, но и как талантливый организатор. Так, при его содействии в Казани были созданы высшие женские курсы; на физико-математическом отделении этих курсов он читал лекции по алгебре [Болгарский, 1966, с.144]. А.В. Васильева можно считать одним из основателей физико-математического общества при Казанском университете (1890 г.), которое имело обширные интернациональные связи. А.В. Васильев являлся председателем общества с его основания до 1905 г.¹ и был знаком с выдающимися математиками своего времени – К.Т. Вейерштрассом, Ф. Клейном, Ш. Эрмитом, М.Г. Миттаг-Леффлером, С.В. Ковалевской, Г. Вейлем, Д. Гильбертом, С. Ли, А. Пуанкаре, Г. Дарбу, Б. Леви, А. Уайтхедом, Б. Расселом и др.; с некоторыми он состоял в переписке, как, например, с Г. Кантором [Dauben, 1979, р. 339], Г. Миттаг-Леффлером [Демидов, Токарева, 1992] или С.В. Ковалевской². А.В. Васильев участвовал в работе первого и последующих международных конгрессов математиков и с 1900 г. в работе международных философских конгрессов (вплоть до VI конгресса в Бостоне в 1926 г., на который он не смог поехать. О глубине и обширности познаний А.В. Васильева в области философии можно судить, например, по его очерку «П.Л. Лавров – историк и

¹ В одной из своих публикаций А.В. Васильев выражает «благодарное воспоминание о работе в Обществе и свои надежды на плодотворную деятельность Общества для развития математического образования в России» [Васильев А.В., 1916, с. 1].

² Об этом говорят некоторые письма А.В. Васильева [ЛАА]. Известны письма А.В. Васильева к С.В. Ковалевской, с которой он, по видимому, познакомился в Берлине [Кочина, 1981, с. 133–134, 239–240]. В 1882 г. С.В. Ковалевская познакомила А.В. Васильева с П.Л. Лавровым [Крушинская А.А., Архив автора].

философ математики» [Васильев А.В., 1922, с. 373–384], в котором дается впечатляющая панорама философских и математических концепций в контексте воспоминаний о П.Л. Лаврове.

А.В. Васильев всячески способствовал развитию народного образования в России. Он выступал за желательность всеобщего образования.

В Каинках им было организовано и прекрасно оснащено училище. Как гласный Свяжского уезда он добился увеличения числа школ с 43 до 90, числа учащихся – с 1692 до 3100, создания воскресно-повторительных классов. Образовательная система Свяжского уезда занимала одно из первых мест в России. А.В. Васильеву удалось создать фонд в 80 000 рублей для строительства помещений школ и училищ в Казанской губернии [Государственный совет, 1915, с. 12–13]. За достаточно короткий период число учащихся возросло почти до 40 000 [Васильев А.В., 1895].

А.В. Васильев принимал участие и в работе международного конгресса по высшему образованию в Париже, осмысливал опыт лучших европейских и американских университетов и стремился распространить его на Россию.

Университеты, был убежден А.В. Васильев, должны занимать *особое место* в системе национального образования и воспитания. Преподавание педагогики является важной частью университетского образования. При этом будущие учителя обязательно должны прослушать курс истории своей науки; например, учителя математики – курс истории математики. Необходимы летние курсы для учителей школ, где они могли бы знакомиться с последними достижениями науки. «Вся система народного образования, – писал ученый, – нуждается в благотворном влиянии университета, в котором все науки... и все стремления должны быть направлены к выработке в слушате-

лях того философского мирозерцания и того гуманитарного направления, которое должно характеризовать умственную аристократию страны» [Васильев А.В., 1900, с. 80].

А.В. Васильев придерживался либерально-демократических воззрений (см., например: [РГИА, фонд 1606, оп. 1, д. 7]) и всю жизнь занимался общественно-политической деятельностью. В 1883–1890 гг. он принимал участие в земстве Свяжского уезда и в губернском земстве Казанской губернии, был членом училищного совета от земства Свяжской губернии. В 1906 г. он избирается членом 1-й Государственной Думы от Казанской губернии. Он принадлежал к фракции народной свободы и был избран Думою делегатом для участия в международной парламентской конференции в Лондоне, где делегация России собиралась поддержать идею парламента мира, главным назначением которой было бы разрешение международных споров мирным путем [Васильев А.В., 1908]. В момент прибытия делегации в Лондон Дума была распущена, что глубоко потрясло всех, в том числе А.В. Васильева.

В 1907 г. А.В. Васильев был избран от академии наук и университетов членом Государственного Совета, в котором состоял членом комиссии по народному образованию, финансовой и по законопроекту о волостном земстве. Здесь он придерживался платформы левой оппозиционной группы, которую возглавлял известный социолог профессор М.М. Ковалевский. Одновременно А.В. Васильев входил в ЦК партии конституционных демократов.

В 1907 г. А.В. Васильев переехал в Петербург и начал читать лекции на физико-математическом факультете Петербургского университета. Одновременно он вел занятия и на Высших женских курсах.

С 1910 г. в течение четырех лет А.В. Васильев являлся членом Санкт-Петербургской городской Думы.

Первого октября 1919 г. в послесловии к своей книге «Целое число» (Петроград, 1922, с.265) А.В. Васильев просит прощения у читателей за то, что ее завершающие главы написаны недостаточно обстоятельно. «Но в свое оправдание, — замечает А.В.Васильев, — автор должен указать, с одной стороны, на то состояние духовного и даже физического беспокойства, которое не мог не переживать весной и летом 1919 г., когда писалась эта книга, один из представителей русской интеллигенции (справедливость требует, впрочем, сказать, что автор не привлекался к выгрузке дров и даже получал «детский» паек), с другой — на недостаток бумаги у издателей».

В 1920 г. А.В. Васильев принял самое непосредственное участие в создании математического кружка, который спустя год был преобразован в Петроградское математическое общество [Юшкевич, 1979, с. 15].

А.В. Васильев в 1920 г. пишет о том, что «не только научная изоляция делает в последние годы жизнь профессора, русского ученого, суровой, почти невыносимой... Будущая зима обещает быть еще более пагубной» [Васильев А.В. 1992б, с. 54].

В письмах на имя руководителей страны он протестовал против изъятия ценностей из церквей [Письма советских ученых..., 1990, с. 110–111].

В начале 1922 г. Б. Рассел в письме к Г.Г. Харди выражал беспокойство судьбой А.В. Васильева и просил посоветовать, как можно было бы облегчить условия его работы: «Я встречал профессора Васильева в Петрограде, когда находился в России. Он, как и вся русская интеллигенция, находится в интеллектуальной блокаде, и, конечно же, страдает. Что можно было бы предпринять в этой ситуации?» [Russell, 1988, р. 285]. Еще в предисловии к английскому изданию книги А.В. Васильева «Пространство, время, движение» Б. Рассел отмечал, что познакомился с авто-

ром во время посещения России в 1920 г., и Васильев поразила его своей энергичной деятельностью, нацеленной на продолжение математических исследований в столь тяжелых для страны обстоятельствах [Russell, 1988, р. 286].

В конце 1922 г. А.В. Васильев отправляет своим коллегам в США письмо, в котором искренне благодарит за неоценимую деятельность зимой 1921–1922 гг., когда свирепствовал голод и АРА (American Relief Association), равно как и Американский комитет помощи ученым России, помогали продуктами, спасшими тысячи людей, посылали научную литературу. Это «доказательство солидарности и щедрости американского народа и американских коллег, — отмечал А.В. Васильев, — и оно не будет забыто русским народом» (цит. по: [Glendon]).

В том же самом письме, которое, видимо, предполагалось опубликовать в одном из ведущих научных журналов (оно написано на английском), А.В. Васильев пишет о незаслуженно малой известности идей российских ученых в англоязычных странах и предлагает перевести на английский язык труды наиболее выдающихся русских ученых (Чебышева, Маркова, Ляпунова, Крылова, Лебедева, Курнакова, Сеченова, Павлова и т.д.). Это, по его мнению, не только открыло бы научную мысль России остальному миру, но и во многом стимулировало бы к занятиям наукой молодежи в самой России, поскольку она была бы горда достижениями отечественной науки и это служило бы мощным фактором, который притягивал бы ее к научным занятиям.

В 1923 г. А.В. Васильев получил должность профессора Московского университета. В Московском университете А.В. Васильев общался с В.И. Вернадским, с которым был знаком раньше. Их сближали научные интересы, стремление к философскому осмыслению закономерностей развития науки. В.И. Вернадский в лице А.В. Васильева нашел

глубокого знатока общих проблем математики, которые смыкаются с философией. Известно, что интерес к проблемам такого рода зародился у В.И. Вернадского еще в последних классах гимназии и существенно возрос в 1920–1940 гг. [Мочалов И.И., 1982, с. 39]. В библиотеке В.И. Вернадского имеется работа А.В. Васильева «Математика» [Васильев А.В., 1916] с дарственной надписью: «Высокоуважаемому и дорогому товарищу В.И. Вернадскому от автора. 1 янв[аря] 1917 [г.]»¹. Эта небольшая книжечка содержит увлекательное описание развития математики от античности до начала XX в., причем на всей работе лежит отпечаток глубокого знания истории философской мысли.

В 1923 г. отмечался юбилей ученого. На торжественном заседании очень тепло (и как всегда красиво) говорил Н.Н. Лузин, которого А.В. Васильев потом искренне благодарил [Щелкачев, 1998].

А.В. Васильев пользовался большим уважением коллег и как математик, и как общественно-политический деятель. Так, в 1916 г. К.С. Мережковский – крупный биолог (брат писателя Д.С. Мережковского) – обращается к Александру Васильевичу с письмом, в котором он раскаивается перед «левыми» за свою антисемитскую выходку, просит простить его и допустить к коллекциям, чтобы он смог закончить фундаментальный труд по классификации в области ботаники [РГИА, фонд 1606, оп. 1, д. 39]. По-видимому, авторитет А.В. Васильева был настолько высок, что его «заступничество» могло бы помочь К.С. Мережковскому. Вообще, судя по всему, А.В. Васильев принимал активное участие в судьбах других людей. Сохранились свидетельства его стремления помочь в 1916 г. (через товарища министра внутренних дел) возвращению на родину студентов

¹ Об этом сообщил автору И.И. Мочалов.

Казанского университета, осужденных за политическую активность [РГИА, фонд 1606, оп. 1, д. 7]. Он постоянно обращался к министру и товарищу министра внутренних дел пересмотреть дела и приговоры тем или иным гражданам, восстановить справедливость и/или смягчить тяжесть наказания.

В 1927 г. А.В. Васильев обращается с просьбой к В.И. Вернадскому, помочь найти хотя бы работу библиотекаря Р.И. Иванову-Разумнику – видному литературоведу, философу, историку, который находился в бедственном положении. В.И. Вернадский обращался к академикам С.Ф. Ольденбургу и А.Е. Ферсману, но они не смогли выполнить его просьбу [Архив РАН, ф. 518, оп. 3, письмо от 12.01.1928].

Необходимо подчеркнуть, что А.В. Васильев являлся одним из зачинателей фундаментальных исследований по истории математики в России. «Первые глубокие исследования по истории математики в России до основания Петербургской Академии наук, – отмечает А.П. Юшкевич, – принадлежали В.В. Бобынину, а в 1920 г. их распространил на период с 1725 по 1863 г. А.В. Васильев» [Юшкевич, 1979, с. 43].

В 1927 г. А.В. Васильев выступил на съезде математиков в Москве с докладом «Нужно ли писать и изучать историю математики в России?» [Крушинская А.А., Архив автора]. Несмотря на это выступление, в последние годы жизни А.В. Васильев фактически оказался оторванным от привычной университетской среды; понятно, что не могло идти и речи о какой-либо общественной деятельности. Он сосредотачивается на переводах трудов зарубежных ученых. Так, А.В. Васильев просил В.И. Вернадского благословить его на перевод работ А. Дж. Лотки (в последние годы жизни А.В. Васильев очень интересовался проблемой применения математических методов в биологии), очень пе-

реживал, что невозможно издать его переводы работ А. Бергсона [Архив РАН, ф. 5186 оп. 36 письмо от 27.01.1928].

Коммунистическая идеология в Советской России не терпела какого-либо инакомыслия и культивировала пренебрежительное отношение к немарксистским воззрениям. Досталось и А.В. Васильеву. Так, например, В. Тер-Оганесян обвинял А.В. Васильева в том, что в своей книге «Целое число» (Пг., 1922) тот «нисходит до «мистической диалектики» Энгельса, совершенно не понимая сути вопроса» [Тер-Оганесян, 1922, с. 212]. В.Ф. Асмус обвинял в формализме Н.А. Васильева.

В конце 1928 г. началась интенсивная идеологическая кампания против Н.Н. Лузина, в ходе которой были затронуты и другие математики, получившие образование и известность еще до Октябрьской революции, в том числе и А.В. Васильев. «Группа безвестных и бездарных математиков, — замечал А.П. Юшкевич, — буквально терроризировала математиков политическими угрозами» [Юшкевич, 1991, с. 379].

А.В. Васильев скончался 6 ноября 1929 г. Печать — советская и зарубежная — откликнулась на эту утрату множеством некрологов. В одной из статей-некрологов писалось: «В лице А.В. Васильева ушел из нашего мира образованнейший человек — ученый и мыслитель, горевший вечной и ненасытной жадью и к математическим наукам, и к философским, и к истории наук физико-математических, и к истории философии вообще» [Парфентьев, 1930, с. 92]. Известный итальянский математик и историк математики Дж. Лория в своем некрологе характеризует А.В. Васильева как патриота России, много сделавшего для знакомства зарубежных математиков с достижениями русской математической мысли и установлению международных связей русских математиков [Logia, 1930, p. 47]. Известный историк науки Т. Райнов публикует некролог в журнале «Isis»

[Rainoff, 1930], Фер в «L'Enseignement Mathématique» [Fehr, 1929], а А. Коржибский — в журнале «Science» [Korzybski, 1929].

Линия по матери

Дед Н.А. Васильева по материнской линии, Павел Павлович Максимович, был видным деятелем народного образования в тверской губернии, организатором земских школ. В Твери он также создал женскую учительскую школу, впоследствии названную его именем [Сленевский, 1946]. П.П. Максимович известен и как автор книги для первоначального чтения, которая выдержала, в силу своей содержательности и популярности, более десяти изданий [Максимович П.П., 1878].

П. П. Максимович

Один из сыновей П.П. Максимовича — Владимир (брат матери Н.А. Васильева) (1850–1889), талантливый математик, доктор математических наук — был хорошо знаком с С.В. Ковалевской и поддерживал близкие отношения с П.С. Порецким, впервые в России начавшим заниматься математической логикой и читать соответствующий курс лекций (см.: [Бажанов, 2005]).

Бабушка Н.А. Васильева, Анна Андреевна Хлебникова, была потомком рода, корни которого уходят в глубь веков и знаменательны связью с крупными событиями в истории России. В 1545 г. из Пруссии (Ливонии) пришел на службу

в Россию барон фон Икскуль, приняв после крещения имя Федора Ивановича. Его сын, Василий Федорович, по прозвищу Соковня (позднее это дало основу для фамилии), был полковым воеводой. Сын Василия, Прокофий, носил титул калужского «наместника». Дети Прокофия известны активным участием в политической и религиозной жизни России петровских времен.

Сын Алексей, царский стольник, являлся одним из организаторов заговора с целью убийства Петра I, за что и был казнен в 1697 г. вместе с Иваном Цыклером и Ф. Пушкиным, предком А.С. Пушкина [Пушкин, 1965, с. 77], которому А.С. Пушкин посвятил следующие строки:

*Упрямства дух нам всем подгадил
В свою родню неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.*

Сёстры Алексея, Евдокия (княгиня Урусова) и Федосья (боярыня Морозова), известны своим упорным противодействием церковным нововведениям во времена патриарха Никона. Сыновья казненного стольника жили уже в провинции. Петр Алексеевич Соковнин служил действительным статским советником в Симбирске, а затем в Казани; Сергей Алексеевич поселился в Каширском уезде, где учредил общественную библиотеку (об этом упоминается и в дневнике Н.А. Васильева). Его внучка, Татьяна Тertiевна Борноволокна, вышла замуж за Андрея Ильича Хлебникова, штурмана шлюпа «Диана», который в 1807 г. был снаряжен под командованием В.М. Головина для «географических открытий и описей в северной части Великого океана» [Крушинская А.А. 1968, с. 100]. Дочь Хлебниковых, Анна Андреевна, стала женой П.П. Максимовича, дав жизнь дочери Александре, будущей матери Н.А. Васильева.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

29 июня 1880 г. в Казани у Александры Павловны Максимова и Александра Васильевича Васильева родился первенец – Николай [НА РТ, фонд 977, оп. 619, д. 5, л. 11]. 17 июля в Крестовоздвиженской церкви села Каинки он был крещен. Год спустя у Николая появился брат Сергей, двумя годами позже – сестра Анна, а тремя – сестра Елена.

Юношей Николай был среднего роста, поджарый. От матери он унаследовал не совсем правильные черты лица. Николая отличала редкая память и живой острый ум. В своем дневнике Николай Васильев писал, что в раннем детстве он был очень больным ребенком, а «на втором году чуть не умер». Его спасла только самоотверженность матери. Поправившись, Коля все-таки остался худым и болезненным ребенком, начал говорить поздно – на третьем году¹.

Николай Васильев

На четвертом или пятом году жизни Коля выучился читать, а в шесть лет прочел «Одиссею» Гомера. «Я рос, – вспоминал Николай, – капризным, своенравным и даже сомнительным, но развитым ребенком. Этому способствовали как и серьезность книг, которые читал, так и вообще та умственная атмосфера»

¹ Описание детства, отрочества и юношества Н.А. Васильева дается по его дневнику «Мемуары Николая Васильева» [ЛАА].

ра, которая меня окружала. Папа не чаял во мне души и разговаривал со мной почти как со взрослым. Еще четырехлетнему ребенку он показывал построение равноугольного треугольника, и многое из того, что с трудом дается другим, я приобрел шутя. До семилетнего возраста папа даже учил меня сам».

Когда Коле исполнилось восемь лет, ему выписали журнал «Родник», которым он зачитывался. Самое высокое наслаждение он получил от чтения в «Роднике» отрывков романа Ш. Бронте «Джейн Эйр в чужой семье и школе». Долгое время этот журнал был любимым изданием Коли.

Моя автобиография. Воспоминания
 Я родился 28 июля 1880 года. В раннем детстве я был очень болел. У меня была туберкулезная инфекция и на втором году жизни я умер. Меня спасла только сильная вакцинация, которая мне и пока ходила за мной. Я выдержал но всетаки остался худшим и болел почти все время. Говорят я стал очень поздно, чуть ли не в третьем году. Я не помню когда я выучился читать; но в всей Европе почти это случилось на четвертом или на пятом году моей жизни. На одном из самых ранних моих воспоминаний принадлежат воспоминания о моей прогулке с папой, которую мы сделали тогда и купили хорошие игрушки, в которых мы украшали домик в какой-то церкви.

Страница дневника Николая Васильева

К ярким воспоминаниям детства относится путешествие с матерью по Волге и Каспийскому морю на Кавказ. Впечатления от моря, освещенного лучами заходящего

солнца, навсегда остались в душе мальчика. Такое же неизгладимое впечатление произвела поездка в Шепелево, имение деда по матери П.П. Максимовича, которое располагалось на границе Ярославской и Тверской губерний. Коля писал в дневнике: «Приятно бывает ездить на пароходе с полным комфортом в хорошую погоду и любоваться прекрасными ландшафтами, вечным разнообразием природы и ее постепенным развитием. Путешествие – есть постоянная смена видов, впечатлений, наслаждений. А перемены необходимы человеку как необходимы форелям светлые воды ручья. Путешествия развивают человека, очищают его от предрассудков, не считая того, что дают массу знаний, каких не даст ни одна книга; вообще, они имеют огромное воспитательное значение».

В дневнике он упоминает о «двух интересных проявлениях ...умственной жизни» того периода. После того как мальчик прочитывал какую-нибудь книгу (особенно если она была увлекательной), он «переиначивал» ее содержание на свой лад, изменял имена и заново рассказывал новую историю вслух. Так фантазировать он начал в самом раннем возрасте и, как замечал в дневнике двенадцатилетний Коля, «не перестал вполне даже теперь». Особенно часто эти фантазии относились к выдуманному государству Тироль и касались войн, политического и экономического положения «воображаемых» стран, борьбы партий в «баснословной» Тироли, ее героической защиты против сильных и воинственных империй и т.д.

В восемь лет Коля уже свободно говорил по-немецки, читал Гофмана в оригинале, а чуть позже освоил французский и английский языки. Например, он переводил учебник «Элементы геометрии» А.К. Клеро, читал пьесы Мольера и т.д. Кроме того, Коля владел еще древнегреческим, латинским и итальянским языками.

В дневник Коля заносит не только свои воспоминания и впечатления, но и краткое содержание наиболее интересных из прочитанных им книг. Так, в дневнике нашли отра-

жение «Египет» А. Андриевского, «До Потопа» Ж.А. Рони, «Кожаный чулок» Ф. Купера, «Степные разбойники в Техасе» и «Всадник без головы» Майн Рида, «Отроческие годы Пушкина», «Юношеские годы Пушкина» В.П. Авенариуса, «Самозванец» Н.И. Костомарова, «Царь Эдип» Софокла, «Божественная комедия» А. Данте, а также многие произведения Гёте, Беранже, Боккаччо. Николай увлекался биографиями Т. Карлейля, А. Линкольна, П. Абеляра.

В 1893 г. записи в дневнике приобретают новые элементы, связанные с размышлениями философского характера, с конспектами по истории философии. В первые дни января 1894 г. Николай, например, записывает, что часто гуляет по Казани, и прибавляет: «Кто любит гулять, тот любит и путешествовать, потому что прогулка представляет путешествие в миниатюре... Любить природу – большое благо; без этого всякий поэт останется жалким рифмоплетом; всякий художник – простым копиистом. Изучай ее, находи в ней удовольствие – и ты не будешь знать, что такое скука. На сердце делается отраднее: всякая печаль проходит... Человек состоит из тела и души, находящихся в самой тесной связи. Одни занятия наукой не могут быть полезны; необходимо упражнять также и тело. Отличным средством для этого служит прогулка, наблюдение природы. Упражняя тело, она упражняет и ум, развивая наблюдательность и, кроме того, приобретает много новых сведений. Один из семи древних мудрецов сказал: «Познай самого себя». Но человек состоит в такой тесной связи с природой, что, познавая природу, познает себя».

Несколько дней спустя в дневнике появляется следующее рассуждение: «Сколько невидимого для человеческого глаза! Эфир перерезывает волны, возбуждающие в нас чувство света, воздух – волны, возбуждающие звук. Но то, что невидимо для чувств, постигается умом. Только тогда можно понять устройство вселенной, когда отбросишь впечатления, производимые различными действиями, и положишься только на науку (на опыт и умозаключения)».

Постепенно в юноше пробуждается интерес к философии. Об этом, в частности, свидетельствуют его сочинения, например, на тему «Политическо-социальные воззрения и влияние Карлейля на общество», подробные конспекты по истории древней и новой истории, философии. В это же время Николай анализирует пьесы А.Н. Островского, причем обсуждает их с точки зрения социального звучания, психологических особенностей героев.

Н. Васильев – студент

В январе 1894 г. Н. Васильев выражает в дневнике и свое недовольство гимназическими порядками и преподаванием. Заболев, Николай не посещает гимназию, однако, замечает он, «время ...провожаю отлично и очень рад, что не вижу этого «желтого дома на Булаке» (Булак – протока к озеру Кабан в Казани, которая дала название улице. – В.Б.) с сумасшедшими учителями сумасшедших учеников. Жаль только, что не могу ходить на каток, который я теперь самым искренним образом полюбил... Подавляюще действует в гимназии... мертвящая скука в классе...» Прочитав работу Н.И. Кареева «Письма к учащейся молодежи о самообразовании», Николай пишет в дневнике о своем неудовлетворении ее содержанием.

Н. Васильев начинает серьезно заниматься психологией и логикой. Он делает подробные выписки из психологических книг, конспектирует труд М.И. Владиславлева «Логика», причем особенно детально анализирует простой категорический силлогизм, его фигуры и модусы. В дневнике появляется раздел «Размышления из области философии»,

где Николай рассуждает об «удовольствии и эмоциях», набрасывает основные мысли к «критике этических воззрений Толстого», весьма обстоятельно излагает задачи «рациональной этики и социологии». Таким образом, в 1894 г. достаточно отчетливо определяется круг интересов будущего ученого. «Вопросы, которые меня теперь занимают, – писал он в те дни, – вопросы самые философские». Об этом говорят и заголовки его дневниковых сочинений: «Этика и социология», «Что такое философия?».

Юношу глубоко тронул роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Он считает, что это произведение напрасно в насмешку называют «дамским» романом. «Серьезнее романа, – замечает Н. Васильев, я не читал. Левин – это мое зеркало и многих русских людей с сомнениями, что чтением философии, мечтами об устройстве лучшей жизни и многим другим. Под влиянием этого романа и у меня начинается поворот к Левину... Левин – это олицетворение всех будущих мыслей Толстого... Толстой и как мыслитель, и как художник произвел на меня большое впечатление. И хотя я и хотел опровергнуть его и написал даже статью “Критика этических воззрений Толстого”, но писать не могу: мне мерещатся слова Толстого о том, как все стараются оправдать царствующее учение мира сего.

Может быть, это несправедливо, но логика моя поражена и я ничего не могу сделать. Подожду». Почти двадцать лет спустя, в 1913 г., Н.А. Васильев опубликует статью «Логический и исторический методы в этике (Об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева)», которую, по видимому, можно считать зрелым отголоском его юношеских дум.

В дневнике Н. Васильева имеется незавершенное изложение вопроса «История: как борьба классов». В 1897 г. он вводит в дневнике новую рубрику «Математическая логика», в которой подробно конспектирует статью Ч. Пирса по

логике релятивов в журнале *Monist* за тот же самый год [Peirce, 1897].

Интересы Николая и других детей в семье Васильевых во многом определялись интересами родителей. «Несмотря на то что отец был очень занят, – вспоминала впоследствии Анна Александровна, – он находил время уделять время семье. Еще в раннем детстве, до поступления в гимназию, отец знакомил нас с классической литературой, с драматическими произведениями Шиллера... Он читал нам Некрасова “Русские женщины”. Читал стихи Пушкина, посвященные декабристам: “Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена”. Словом мы воспитывались на героике.

Отец был в курсе всех литературных течений и знакомил нас с новейшей литературой. В нашу жизнь вторгся импрессионизм. Мы увлекались Бальмонтом, Блоком, читали Ростана, Ибсена, Метерлинка...» [Крушинская А.А., Воспоминания, с. 4].

В 1898 г. Николай Васильев окончил Вторую казанскую гимназию. Оценки у него в аттестате – ровные, четверки и пятёрки (знания по логике оценены на четыре) [НА РТ, фонд 977, оп. Л/д, д. 33422, л. 4].

Итак, уже на школьной скамье выявились глубокие научные интересы Н. Васильева в области философии, логики, психологии. Поскольку и прадед (И.М. Симонов), и дед (В.П. Васильев), и отец (А.В. Васильев), и дядя (В.П. Максимович) Николая вели интенсивную научную деятельность, то в семье царил творческая атмосфера, предрасполагавшая к тому, чтобы посвятить свою жизнь науке. В семье Васильевых активно обсуждались проблемы как естественного, математического, так и гуманитарного знания, что способствовало формированию у Николая самых разносторонних интересов.

Здание гимназии, где учился Н. Васильев

Н. Васильева привлекали дисциплины, которые преподавались на историко-филологическом факультете университета. Желая после школы посвятить себя психологии и сознавая, что для серьезных занятий этой наукой необходимо знание физиологии, невропатологии, психиатрии и других медицинских дисциплин, он в августе 1868 г. поступил на медицинский факультет Казанского университета [Васильева Е.С., Васильев Ю.Н. Архив автора]. Во время обучения в университете Н.Васильев продолжал занятия философией и психологией. В частности, в дополнение к традиционным медицинским курсам он слушал курс философии [НА РГ, фонд 977, оп. Л/д, д. 33422, л. 3]. В июне 1904 г. Н. Васильев окончил медицинский факультет, причем «весьма удовлетворительно» сдал испытания в медицинской испытательной комиссии, получив диплом лекаря «с отличием» [Там же, л. 34], и был записан в запас чиновником медицинского ведомства по Казанскому уезду.

Семья Васильевых придерживалась либерально-демократических воззрений, которые перенял и Николай. 11 мар-

та 1901 г. он принял деятельное участие в студенческой сходке и в последующей уличной демонстрации, за что навлек на себя немилость властей и Правления университета. Этой демонстрации предшествовали следующие события.

В январе 1901 г. было опубликовано правительственное сообщение об отдаче 183 студентов Киевского университета в солдаты «за учинение скопом беспорядков». Такое решение всколыхнуло студенческую молодежь. «Революционное движение в стране нарастало! – вспоминал Н.А. Семашко, впоследствии первый нарком здравоохранения РСФСР, а тогда – студент Казанского университета. – Студенческий «барометр» показывал приближающуюся бурю. «Беспорядки» волной перекачивались из одного университетского города в другой» [Семашко, 1960, с. 30]. Газеты в те дни сообщали, что из Петербурга и Москвы «студенческое движение перекинулось в остальные университетские центры: в Казань, Томск, Ригу, Юрьев, Варшаву» (цит. по: [Очерки истории партийной организации Татарии. 1973, с.53; см. также: Сыромятников, 1938]). Незадолго до сходки и демонстрации 11 марта в Казани происходили «беспорядки» в университете, а накануне были выпущены воззвания: «К обществу», «К студенчеству», «К рабочим». Полиция была осведомлена о готовящейся демонстрации и приняла «предупредительные» меры – оцепила некоторые заводы и дамбу, которая соединяла город с рабочей слободой. Когда демонстранты появились на Воскресенской улице, на них налетели полицейские. Одновременно были остановлены рабочие, двигавшиеся к городу. Более ста человек подверглись аресту. Видимо, среди арестованных находился и Н.А. Васильев, поскольку после участия в сходке и демонстрации он попадает под надзор полиции и даже уезжает в Екатеринбург Пермской губернии, где проводит весну и лето 1901 г.

Политическая подоплека демонстрации была очевидна. В секретной записке министру внутренних дел Казанский губернатор отмечал, что «беспорядки» 11 марта «имеют несомненно характер социально-революционный, как видно из предшествующих им прокламаций, обращенных, между прочим, к рабочим» (цит. по: [Очерки истории партийной организации Татарии. 1973, с. 53])¹.

Последствия, связанные с участием Н.А. Васильева в сходке и демонстрации, оказались достаточно серьезными. Понимая невозможность при данных обстоятельствах оставаться в стенах Казанского университета, он подал ходатайство о переводе в число студентов историко-филологического факультета Петербургского университета. Документы и личное дело Васильева были отправлены в Петербург. Однако осенью Н.А. Васильев вернулся в Казань со «свидетельством» от вице-губернатора Пермской губернии, в котором говорилось, что юноша «ни в чем предосудительном как в нравственном, так и политическом отношении замечен не был» [НА РГ, фонд 977, оп. Л/д, д. 33422, л. 20]. Это свидетельство, надо полагать, изменило настроение Правления университета, и Н.А. Васильев решил продолжить учебу в Казани. В дальнейшем, по видимому, Н.А. Васильев не принимал сколько-нибудь активного участия в социально-политических событиях, хотя по-прежнему разделял демократические убеждения. Об этом, например, свидетельствует его сильный интерес к «социологической» поэзии Э. Верхарна и перевод на русский его стихов (о чем будет сказано подробнее ниже).

В июне 1904 г. Н.А. Васильев, как уже говорилось, окончил медицинский факультет. Незадолго до окончания – 23 мая – он женился на дочери штабс-капитана Завьялова, Екатерине Степановне. Со своей будущей женой

¹ На эту работу указал Р.И. Нафигов.

*Екатерина Степановна
Завьялова*

Николай Александрович познакомился в Каинках. Завьяловы жили по соседству и часто навещали Васильевых. Екатерина Степановна увлекалась театром, хорошо рисовала. После замужества она проявила незаурядный интерес к философии, литературе, медицине, в целом осознавая важность того, чем занимается ее муж.

Вскоре после свадьбы молодожены вынуждены были расстаться: Н.А. Васильев начинает деятельность врача в деревне Шатьма Ядринского уезда. Он глубоко переживает вынужденную разлуку

с женой. Более того, считая безусловно важной, общественно полезной и благородной профессию сельского врача, Николай Александрович все сильнее ощущает тягу к философии, психологии, логике. Именно интерес к этим наукам руководил им при выборе медицинского факультета; юноша стремился осуществить «естественнонаучный подход к психологии как области гуманитарного знания». В письме из Шатьмы (1905 г.) он, в частности, пишет о своем увлечении философией Гегеля: «Читаю сейчас запоем Гегеля. Мне нравится. Всю логику и весь мир вывести из единого понятия, что, по крайней мере, гордо задумано».

Врачом Н.А. Васильев работал недолго. Интересы, связанные с логикой, психологией и философией, пересилили

сознание важности врачебной деятельности. Николай Александрович решает получить гуманитарное образование и с разрешения Министерства народного просвещения в феврале и марте 1906 г. сдает в Казанском университете экзамены за историко-филологический факультет. Под руководством М.М. Хвостова он завершает студенческую работу на тему «Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества» и 30 июля 1906 г. получает диплом I степени об окончании историко-филологического факультета [НА РТ, фонд 977, оп. 619, д. 5, л.33].

В дипломе говорится, что «Предъявитель сего, **НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ**, сын профессора, дворянин, имеющий степень лекаря, вероисповедания православного, с разрешения Министерства Народного Просвещения от 19 ноября 1904 г. за № 10948, на основании..., подвергался испытанию в Историко-Филологической Испытательной Комиссии при Императорском Казанском Университете в феврале и марте месяцах 1906 года по всем предметам курса Историко-филологического факультета, по отделу *ИСТОРИЧЕСКОМУ*, при чем представил сочинение по всеобщей истории под заглавием: «*ВОПРОС О ПАДЕНИИ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В СВЯЗИ С ТЕОРИЕЙ ИСТОЩЕНИЯ НАРОДОВ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*», признанное весьма удовлетворительным и оказал следующие успехи: на письменном испытании: по русской истории весьма удовлетворительные, по всеобщей истории... на устном испытании: по греческому языку..., по латинскому языку..., по истории русской..., древней..., средней..., новой..., истории церкви..., по истории славянских народов..., по

истории новой философии..., по предметам полукурсового испытания...» [ЦГА РТ, ф.977, оп. Совет, д.11305].

Выпускники университета после защиты своего рода итоговой работы обычно получали звание кандидата.

Осенью 1906 г. Н.А. Васильев преподает русский язык и литературу в Казанском реальном училище [Васильева Е.С., Васильев Ю.Н. Архив автора]. 9 января 1907 г. его оставляют в Казанском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре философии сроком на два года, а 14 февраля 1909 г. этот срок продлевается еще на год. В декабре 1906 г. преподаватели В.Н. Ивановский и А.Д. Гуляев составили «Инструкцию для занятий по философии профессорского стипендиата Н.А. Васильева» [РГИА, фонд 733, оп. 153, д. 224]. В ней говорится, что «занятия свои г. Васильев должен вести, применяясь, с одной стороны, к некоторым общим требованиям, обусловленным состоянием философских наук, а с другой – к своим личным интересам и к своей прежней подготовке... Для г. Васильева, – предписывает инструкция, – должна быть на первом плане, с одной стороны, психология, а с другой – история философии с метафизикой... г. Васильеву, как лицу, получившему также медицинское образование, будет очень удобно обратить значительное внимание на изучение психологии, что... будет соответствовать и современным потребностям научного преподавания». Что касается логики, то, по мнению составителей инструкции, «г. Васильеву следует познакомиться с теориями силлогистической логики (самое лучшее, по их классическому выражению в «Первой Аналитике» Аристотеля), также с основными сочинениями по индуктивной логике «Системой логики» Д.С. Милля» [Там же].

Н.А. Васильев ведет психологию и философию на открытых в Казани Высших женских курсах. Интересно от-

метить, что эти курсы были созданы при самом активном участии А.В.Васильева, который в 1906 г. читал на них высшую математику. В 1908 г. Н.А. Васильев выпустил первое издание лекций по психологии для слушательниц курсов.

В 1908 г. у Н.А.Васильева возникло убеждение, что занятия психологией на самом деле не являются самоцелью, что они всего лишь подготовительный этап, который должен предшествовать занятиям философией и логикой. Летом того же года он командирован в Германию, где, собственно, и рождается идея о возможности воображаемой логики. Будучи в Германии, Н.А.Васильев принял участие в III Международном философском конгрессе в Гейдельберге и написал обзор его работы [Васильев Н.А. Третий Международный философский конгресс в Гейдельберге. 1909].

В 1909 г. Н.А. Васильев публикует несколько статей об О.Ч. Свинберне (Суинберне) и переводы из его поэзии [Свинберн. 1909. Грезы старого дома; Поэзия Свинберна. 1909]. Большую философско-литературоведческую по своему характеру статью он посвятил творчеству Н.В. Гоголя, приурочив ее к 100-летию со дня рождения писателя [Васильев Н.А. О Гоголе. 1909].

В мае 1910 г. Николай Александрович приехал в Петербург, намереваясь выступить с изложением своих логических идей в Петербургском философском обществе. Однако, как ясно из его письма жене, это выступление не состоялось¹. Спустя почти год, 1 апреля 1911 г., на заседании Московского психологического общества Н.А. Васильев сделал доклад «Двойственность логики». В прениях по докладу приняли участие К.А. Андреев, А.М. Щербина и Л.М. Лопатин. На этом же заседании Н.А.Васильев был

¹ Письмо Н.А. Васильева жене от 2 мая 1910 г. [ЛИА].

принят в действительные члены Московского психологического общества¹.

18 мая 1910 г. Н.А. Васильев прочел пробную лекцию в Казанском университете, в которой впервые изложил положения воображаемой логики (хотя сам термин «воображаемая логика» у него еще не фигурировал). Таким образом, в анналах истории точно зафиксирована дата рождения новой логики. Текст этой лекции опубликован [Васильев Н.А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей... 1910].

В ноябре 1910 г. Н.А. Васильева приняли в число приват-доцентов кафедры философии Казанского университета². В начале 1911 г. на историко-филологическом факультете он читал курс «Основные проблемы логики с их кратким историческим обзором» [НА РТ, фонд 977, оп. 619, д. 5, л. 34]. Сохранился оригинальный отзыв об этих лекциях Н.А. Васильева. На одной из фотокарточек, подаренных ему в те годы, имеется следующая надпись: «От всей души благодарю Вас, глубокоуважаемый Николай Александрович, за то, что Вы впервые пробудили мою мысль. Ваши лекции навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями моей жизни, а философия – нравственной опорой и утешением. Искренне признательная М. Блюмберг».

23 декабря 1910 г. Н.А. Васильев обратился в историко-филологический факультет с прошением, в котором, в частности, писал, что «занят исследованием некоторых вопросов формальной и гносеологической логики (главным образом, в области теории суждения и так называемых законов мысли) в тесной связи с теми мыслями, которые...

¹ См.: Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 1. С. 175. А.В. Васильев был принят в действительные члены общества ранее.

² В работе [Копнин, 1973] ошибочно сказано, что Н.А. Васильев приват-доцент с 1907 г.

были заложены в брошюре «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого». Один из этих вопросов – вопрос об отрицательных суждениях и законе противоречия – исследованы мною во время заграничной командировки летом 1910 г. ...Для решения остальных интересующих меня проблем и для приведения всего исследования в стройный вид мне необходимо двухлетнее пребывание за границей по следующим соображениям. Я должен пользоваться богатством заграничных книгохранилищ, которые мне необходимы особенно ввиду того, что мне приходится иметь дело со средневековой литературой по логике. Только за границей я буду в состоянии уделять все свои силы научной работе и сосредоточиться на ней, что необходимо для всякой работы, а в особенности для работы в области отвлеченного мышления. Ход моей работы требует от меня построения и изучения вновь некоторых разделов математики, для чего опять-таки необходимо много свободного времени. Я предполагал бы пользоваться советами и руководством некоторых иностранных логиков, как, например, Russell, Husserl, Poincare и др. Если бы у меня осталось свободное время в период заграничной командировки, то я предполагал употребить его на занятия психологией... В конце марта 1911 г. состоится IV Международный философский конгресс в Болонье, на котором я предполагал бы сделать доклад по логике [РГИА, фонд 733, оп. 154, д. 567, л. 169–170].

Историко-филологический факультет, «имея в лице г. Васильева в будущем крупную ученую силу», единогласно постановил ходатайствовать через Совет университета об удовлетворении просьбы Н.А. Васильева. Интересно, что управляющий округом на прошение Васильева сделал отметку, что он, со своей стороны, «почитает долгом присовокупить», что «ввиду свидетельствуемых историко-филологическим факультетом научных дарований г. Ва-

сильева, в лице которого Казанский университет надеется иметь в будущем серьезного научного работника», он признает «настоящее ходатайство заслуживающим внимания» [Там же]. Командировка была предоставлена, и Васильев вместе с женой и сыном Юлианом, родившимся 11 февраля 1907 г., выехал за границу для подготовки фундаментального труда по воображаемой логике [Васильева Е.С., Васильев Ю.Н. Архив автора]. В 1912–1913 гг. он опубликовал две большие статьи «Воображаемая (неаристотелева) логика» [Воображаемая (неаристотелева) логика. 1912] и «Логика и металогика» [Васильев Н.А. Логика и металогика. 1912–913].

Н. Васильев с друзьями

По возвращении Васильев вел курс «Чтение отрывков из сочинений, входящих в Органон Аристотеля». В 1914 г. вместе с Н.Н. Парфентьевым и Ю.Г. Рабиновичем он читал курс «Пограничные области логики и философии матема-

тики». Одновременно для студентов классического отделения историко-филологического факультета он преподавал курс «Чтения метафизики Аристотеля».

Надо заметить, что в конце XIX – начале XX века (до октябрьского переворота) на кафедре философии Казанского университета работали очень крупные и известные ученые – Е.А. Бобров, М.Н. Ершов, А.И. Смирнов, И.И. Ягодинский и молодые, впоследствии приобретшие широкую известность, ученые В.Н. Ивановский, А.О. Макавельский, А.Д. Гуляев. Кроме того, ряд видных мыслителей-философов работал в Казанской Духовной академии – В.А. Керенский¹, В.И. Несмелов, К.В. Харлампович, – перешедшие затем в университет (см.: [Бажанов, 1995]).

Самый конец XIX и начало XX веков в России и Казани ознаменовались рядом примечательных событий: впервые появились фотографии городов (в Казани в 1898 г.), мотоциклы (в Казани в 1910 г.), люди познакомились с арифмометром и таксофоном (в Казани их увидели в 1911 г.).

22 октября 1914 г. Н.А. Васильев был призван по мобилизации на действительную военную службу и зачислен в резерв врачей при Казанском окружном военно-санитарном управлении. В июле 1915 г. «высочайшим приказом по военному ведомству о военных чиновниках... за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны», он был награжден орденом св. Станислава 3-й степени [Краткая автобиография. Архив автора].

Порядки царской армии, отупляющая муштра, ужасы войны, тяжелые впечатления от постоянного общения с искалеченными ею людьми оказали на Николая Александровича угнетающее воздействие. У него возникло глубокое

¹ О В.А. Керенском, который почти забыт, см.: [Бажанов, 2003].

депрессивное состояние, перешедшее в душевный кризис. В 1916 г. он был помещен в «санаторий для нервно- и душевнобольных доктора С.А. Лиознера» под Москвой [Лиознер С.А. Архив автора] и в декабре «уволен по болезни от службы» [Васильев Н.А. Краткая автобиография. Архив автора]. После армии Николай Александрович некоторое время был вынужден восстанавливать здоровье, которое тем не менее вернулось к нему далеко не полностью.

Во время октябрьского переворота Н.А. Васильев находился в Москве и, таким образом, оказался свидетелем всех революционных событий тех дней. Он подробно описал их в письме к жене в Казань от 3 (16) ноября 1917 г. Николай Александрович сообщал, что «наконец и в Москве власть перешла в руки большевиков после шестидневных упорных боев и можно писать письма, так как в городе восстанавливается спокойствие». Он взволнован сообщением жены об артиллерийской стрельбе в Казани и пишет, что в Москве также имела место артиллерийская перестрелка, причем, поскольку недалеко от места жительства Васильева располагался кадетский корпус и юнкерской училище, «то перестрелка была совсем рядом. Шесть дней гремели пушки, под конец, – замечает Николай Александрович, – даже привык...

Самая ужасная борьба была около Кремля и около Храма Христа Спасителя. Частных домов пострадало мало, но зато Кремль очень сильно пострадал. Пострадали Чудов Монастырь, соборы, Василий Блаженный. Грабежей и погромов было очень мало. У большевиков оказалась очень хорошая организация. Они заарестовали предварительно всех хитровцев. У них оказались подавляющие силы. На стороне правительства были только юнкера... Считают до 1000 жертв с обеих сторон. Значит, еще новый этап в русской революции. Это было неизбежно».

В этом же письме Николай Александрович жаловался на здоровье, беспокоился о жене и сыне, опасаясь, что в такое тяжелое время, как революция, «в результате нелепой случайности они могут остаться без средств к существованию».

Возвратившись в Казань, Н.А. Васильев продолжил преподавательскую деятельность в Казанском университете. Постановлением Совета университета 9 декабря 1917 г. он был утвержден в должности доцента по кафедре философии, а с 1 октября 1918 г. Декретом Совнаркома переведен в состав профессоров Казанского университета по кафедре философии [НА РТ, фонд 977, оп. 619, д. 5 л. 42].

Лето 1918 г. было тревожным. К Казани приближался восставший чехословацкий корпус. В августе он занял город и собирался двигаться дальше – на Москву. Путь к Москве должен был лежать через старинный город Свияжск, в котором сосредоточились сильные части Красной Армии. В тот момент, когда чехословаки подошли к Свияжску, Васильевы находились в Каинках, которые располагались неподалеку от города и через которые проходила линия фронта. Чехословацкому корпусу удалось приблизиться к Свияжску, но город они взять не смогли. Н.А. Васильев вместе с семьей оказался в самом пекле кровопролитных боев. Он перенес артиллерийский обстрел, был свидетелем бесчинств войны. Все это стоило ему больших душевных сил и пагубно сказалось на его и без того плохом здоровье. 16 сентября 1918 г. комендант Свияжска выдал Н.А. Васильеву пропуск для возвращения в Казань: «Прошу пропустить до гор. Казани гражд. Николая Александровича Васильева с женой и сыном. Основание: резолюция Политкома правобережной группы тов. Гордиенко. За неимением Комендантской печати прикладывается печать Начальника милиции»¹.

¹ Документ хранится в личном архиве автора [ЛИАА].

Вскоре красноармейцы оттеснили чехословацкий корпус далеко от Казани и жизнь вошла в свое обычное русло.

В 1919 г. Н.А. Васильев объявил о чтении на историко-филологическом факультете курса «Практические занятия по психологии» для студентов первых и вторых курсов [НА РТ, фонд 1337, оп. 2, д. 1, л. 12, 41]. Вскоре Совет факультета рассмотрел просьбу профессоров Н.А. Васильева, А.Д. Гуляева и А.О. Маковельского об учреждении особого психологического факультета. Спустя год, Совет факультета обратился к Николаю Александровичу с просьбой прочесть в текущем академическом году общий курс психологии [НА РТ, фонд 1337, оп. 2, д. 2, л. 73]. Академик АПН СССР А.Р. Лурия вспоминал, что Н.А. Васильев «читал великолепные, блистательные лекции – частью по психологии, частью по философии, издавал прелюбопытные исследования... Васильев был очень интересный человек – философ, фантазер...». В его «Лекциях по психологии», подчеркивал А.Р. Лурия, «можно встретить большие разделы о мозге, очень интересные рассуждения о личности – читаны эти лекции, заметьте, в начале века» (цит. по: [Левитин, 1978, с.46; Лурия Е., 1994, с. 19–20]).

В весеннем триместре 1921 г. Н.А. Васильев читал в университете курс логики и методологии, социальной психологии, а также совместно с В.И. Несмеловым и К.И. Сотониным читал лекции по истории мировоззрений [НА РТ, фонд 1337, оп. 27, д. 6, л. 6, 14]. В осеннем триместре он разработал и читал курс по истории русской философии, философии немецкого идеализма и практическим занятиям по поэтике Аристотеля. На вопрос анкеты, обращенный к профессорам и преподавателям университета «К какой специальности себя относите?» – Н.А. Васильев ответил: «а) логика; б) психология и история мировоззрений» [НА РТ, фонд 1337, оп. 27, д. 6, л. 20, 24].

В 1921 г., уже будучи профессором, Н.А. Васильев решил опубликовать свою кандидатскую студенческую работу «Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества», правда написав к ней заново обширное «Послесловие» [Васильев Н.А. Вопрос о падении западной Римской империи... 1921]. С современной точки зрения данная работа не представляет какой-либо научной ценности, но позволяет яснее представить характер мировоззрения ученого.

В «Послесловии» он попытался назвать внутреннюю причину, которая препятствовала ранее публикации работы, сомнение в ее выводах. «Признание их полной истинности,.. – подчеркивал Н.А. Васильев, – бросало бы такой мрачный свет на всю историю и прогресс человечества... что мне, как автору... теории о неизбежном вырождении и истощении человечества, приходилось испытывать нестерпимый душевный гнет и почти нравственные муки и колебания... Разум неудержимо влек меня к этой теории, а сердце отказывалось ей верить и требовало больших доказательств, чем какие мог дать рассудок» [Там же, с.231]. Однако, продолжает Н.А. Васильев, дальнейшие события в России и весь ход последующего исторического периода укрепили убеждение в правильности сделанных выводов. Намеченные в 1906 г. только тонкими штрихами параллели между характером упадка, загнивания Римской империи и царской России к моменту русских революционных событий стали настолько отчетливыми, что появилась возможность констатировать «замечательное сходство между русским и римским развитием. И там и здесь великодержавное государство, созданное земельной аристократией, с резко выраженными империалистическими тенденциями подчи-

нить целый orbis terrarum¹. И там и здесь при крайней слабости среднего сословия государство в политической форме императорского абсолютизма с некоторыми демократическими тенденциями сохраняет социальное преобладание земельной аристократии и отчасти крупного торгово-промышленного капитала. Достигши апогея своего развития, государство быстро начинает хиреть, ибо в самых причинах успеха оно таит зародыши грядущей гибели, и в катастрофе 1917 г. Русская империя гибнет» [Там же, с. 232].

В основе методологии данной работы Н.А. Васильева лежит биологическое толкование общественных явлений и развития истории. Автор под углом зрения своей «теории истощения» прочитывает Монтескье, Гердера, Гегеля, Ницше. «Рассматривая историю человечества как историю человеческого вида, историческую эволюцию, как отражение эволюции биологической, – подытоживал Н.А. Васильев, – мне пришлось прийти к выводу, что историческая эволюция (культура) есть накопление вредоносных биологических вариаций, ведущих к вырождению». Однако в социальной революции Н.А. Васильев видел естественный процесс обновления социального организма. Именно в этом плане он оценивал коренные социальные преобразования, которые совершались в России. «В биологическом движении свежих слоев народа к культуре – главный смысл февральской и октябрьской революций!» [Васильев Н.А. Там же, с. 231, 236].

В одной из рецензий на эту работу, помещенной в «Казанском библиофиле», отмечалось, что «книга ярка, красива, талантлива, как все, что выходит из-под пера ее автора». Однако, говорилось в рецензии, печатать студенческую работу, написанную 15 лет назад (за эти годы в мире,

¹ «Круг земель» – так назывался древними римлянами мир, Земля.

в науке, в истории произошли кардинальные изменения), конечно, опрометчиво и естественно, что, «с точки зрения историка-специалиста, она может вызвать немало нареканий» [Иванов Ю., 1921, с.170]. К тому же, подчеркивал рецензент, «тезис об истощении не доказан и произведена подмена социальной истории биологической» [Там же, с.173]. С этим выводом следует, видимо, согласиться.

Видный историк Н.И. Кареев в своей рецензии характеризовал Н.А. Васильева как человека «несомненно вдумчивого и искреннего», который в своем историческом труде показывает себя еще и человеком «широко образованным и ученым». Н.И. Кареев также считал, что некоторые положения работы более чем спорны, многое принять нельзя, хотя в то же время «многое ...верно» [Кареев, 1923, с. 240].

Данную публикацию Н.А. Васильева заметил и П. Сорокин, который нашел теорию Васильева о биологическом вырождении и падении народов близкой по духу теориям Б. Адамса, Джини, Гобино, Парето, и т.д. Называя труд Васильева «ценным и интересным», «заслуживающим внимания» [Сорокин, 1994, с. 415], Сорокин соглашается с важной ролью биологического фактора в истории, но не считает «правильным возведение его на роль главного и единственного условия», хотя «основные детерминанты поведения людей и общественных процессов находятся в области биологических условий... но нельзя делать их *dues ex machina*». Для объяснения исторического процесса нужно учитывать все множество факторов [Сорокин, 1922, с. 259]. В труде Н.А. Васильева П. Сорокин находит и другие необоснованные и легковесные положения, что, однако, не мешает ей быть интересной и во многих отношениях ценной. «В ней чувствуется живая ищущая мысль, — замечает будущий видный социолог, — пытающаяся идти своим путем...» [Там же].

Для нас, ценящих Н.А. Васильева, прежде всего, как логика, важен, впрочем, не столько анализ принципиальных недостатков его кандидатской работы по истории, сколько указание в работе на тот момент, когда у него произошел резкий поворот от исторических к логико-философским интересам. «Вскоре после написания этого сочинения... все мое время, — писал в «Послесловии» Н.А. Васильев, — брали чисто философские студии и разработка системы воображаемой (неаристотелевой) логики» [Васильев Н.А. Вопрос о падении... 1921]. Действительно, первые идеи в направлении создания воображаемой логики, идеи, обесмертившие имя ученого, начали созревать и оформляться именно тогда, в 1907 г., но были заслонены его интересом к психологии. К такому выводу, между прочим, подводит и анализ поэтического творчества Н.А. Васильева.

Еще весной 1921 г. в Казанском университете встал вопрос о присоединении историко-филологического факультета к факультету общественных наук [НА РГ, фонд 1337, оп. 2, д. 3, л. 20]. В ходе этой реорганизации Н.А. Васильев ходатайствовал о переводе его на факультет общественных наук в качестве профессора логики, поэтики и теоретических основ педагогики [НА РГ, фонд 977, оп. 619, д. 5 л. 42]. В 1922 г. он заполнил соответствующую анкету, в которой, в частности, указал на 15-летний стаж своей преподавательской работы и 18-летний — литературной деятельности, а также на наличие около 30 печатных работ, отметив важнейшие. К их числу Н.А. Васильев отнес и труды по воображаемой логике, причем на первое место он поместил статью «Логика и металогики» [1912–1913], основной акцент которой заключался в обобщенном, философском подходе к разработке и статусу новой — воображаемой — логики. Далее он назвал статьи, развивающие формально-логический аспект его идеи: «Воображаемая (неаристотелева) логика» [1912], «О частных суждениях, о

треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого» [О частных суждениях..., 1910], затем шли «Лекции по психологии» [Лекции по психологии, 1908], и историческое сочинение [Вопрос о падении..., 1921]. В анкете говорилось, что Н.А. Васильев, наряду с преподаванием в Казанском университете, читал курс философии в Казанском педагогическом институте [НА РТ, фонд 1337, оп. 27, д. 16, л. 127]. Одновременно он являлся штатным заведующим отделом в редакции выходившей тогда в Казани научно-популярной газеты «Знание – сила». Эта газета издавалась Политотделом Запасной армии Республики и Казанским отделом народного образования и предназначалась для красноармейцев и вообще для широких масс трудящихся [Васильева Е.С., Васильев Ю.Н. Архив автора].

В конце 1922 г. факультет общественных наук Казанского университета и Казанский высший институт народного образования были упразднены. Предполагалось на базе историко-филологического факультета и факультета общественных наук открыть Институт философии, психологии и педагогики. Согласно разрабатываемому плану создания нового института, Н.А. Васильев должен был возглавить в нем группу по исследованию психологии детского возраста. Однако организация Института философии, психологии и педагогики в Казани дальше проекта не продвинулась. Тем не менее Н.А. Васильев серьезно готовился к психологическим исследованиям. Например, он даже разработал «анкету о вкусах», включающую 40 вопросов, направленных на то, чтобы точнее описать вкусы и желания человека¹. В предполагаемой исследовательской группе Васильева числился и будущий выдающийся психолог современности, а в то время студент Казанского университета, А.Р. Лурия. Его привлекала тема, связанная с «иссле-

¹ Оригинал хранится в личном архиве автора [ЛАА].

дованием типов мышления», проверкой и оценкой физиологических теорий чувствований».

Впоследствии академик АПН СССР А.Р. Лурия, вспоминая об исходной точке большого пройденного пути, тепло отзывался о поддерживавшем его профессоре Н.А. Васильеве. Николай Александрович дал рецензию на рукопись первой научной книги Лурии «Принципы реальной психологии». В рецензии, вспоминает А.Р. Лурия, было сказано, что «автор, тщательно взвесив известные проблемы, нашел какой-то путь к их решению; далее шло много вежливых слов и вывод: после доработки книга заслуживает того, чтобы быть напечатанной» (цит. по: [Левитин, 1978, с.47]. А.Р. Лурия решил не издавать рукопись, но память о благожелательном отношении маститого профессора к начинающему психологу сохранил на долгие годы.

В начале 20-х годов в Казани работала Первая областная конференция по воспитанию слепых. В этой связи Н.А. Васильев высказал ряд соображений относительно «некоторых задач» такого воспитания. Основная мысль Николая Александровича: слепой – такой же равноценный член общества, как и зрячий человек, слепого «можно и должно учить всему тому, чему учат зрячих», и воспитание слепых в целом «должно восполнять то, в чем отказала природа» [Васильев Н.А. О некоторых задачах... 1921, с. 54–55].

В конце мая 1922 г. Н.А. Васильев обратился в Совет Казанского университета с ходатайством о предоставлении ему командировки на год с 1 июля в Москву, Петроград и, по возможности, за границу. По всей видимости, Н.А. Васильев отчаялся получить в Казани и в Советской России возможность нормально работать. Ко всему прочему тяжелая обстановка крайне неблагоприятно отражалась на его психическом здоровье.

Хотя Совет удовлетворил ходатайство ученого, его планам не суждено было сбыться.

В начале июня 1922 г. у Н.А. Васильева вновь наступил тяжелый душевный кризис, и его поместили в клинику Казанского университета. Сохранился оттиск одной из статей ученого с его личными записями в период кризиса. На обложке оттиска рукой Н.А. Васильева написано: «К истории моей болезни. Проф. Н.А. Васильев. 1 июня 1922 года»¹.

Болезнь и соответствующие политические обстоятельства, связанные с объявлением так называемого Всесоюзного конкурса преподавателей вузов, благодаря которому советская власть ставила задачу избавиться от неблагонадежной гуманитарной профессуры, привели к тому, что Н.А. Васильев был отправлен (в возрасте 42 лет) на пенсию.

Диагноз, поставленный в клинике, подтвердил самые худшие опасения: у Николая Александровича был маниакально-депрессивный психоз. Причиной болезни сам ученый считал нервное потрясение, которое он испытал в детстве при пожаре дома, где жили Васильевы (после пожара мальчика долго мучила бессонница), а также потрясение, которое он испытал при попытке чехословацкого корпуса захватить Свияжск.

Поначалу в моменты ремиссии болезни Николай Александрович возвращался домой. Но болезнь прогрессировала и требовала постоянного наблюдения врачей. Н.А. Васильеву предложили лечь в Казанскую психиатрическую больницу, расположенную сравнительно недалеко от города. Соглашаясь с госпитализацией, Николай Александрович искренне верил в выздоровление. Он писал друзьям и близким, что «лечебницей доволен», что «часто гуляет и любит беседку, обвитой плющем, во дворе лечебницы, фонтаном, вокруг которого растут желтые цветы...».

¹ Оттиск хранится в личном архиве автора [ЛИАА].

В больнице Н.А. Васильеву выделили особый кабинет, где в периоды ремиссии он жил и работал. В.Н. Печникова вспоминала, что, будучи студенткой медицинского института, она проходила врачебную практику в этой больнице и хорошо помнит рабочий кабинет Васильева. В нем находился стол, покрытый зеленым сукном, на столе стояла электрическая лампа, лежали бумаги, книги. Персонал больницы предупреждал посетителей, чтобы Николаю Александровичу не мешали во время его занятий. В свободное от занятий время он охотно общался со студентами, рассказывал много интересного, шутил (по воспоминаниям Б.К. Мусина).

В 1924 г. Н.А. Васильев послал доклад «Воображаемая (неаристотелева) логика» на Пятый международный философский конгресс в Неаполе. Тезисы этого доклада (на английском языке) были опубликованы в материалах конгресса [Vassilieff N. Imaginary...1924]. Это была последняя научная публикация ученого.

В материалах конгресса содержатся тезисы лишь двух представителей СССР – сына и отца Васильевых [Vassilieff A., 1924]. А.В. Васильев, как уже говорилось, имел тесные контакты с зарубежными математиками, в том числе с теми, кто интересовался философской проблематикой. От них он, видимо, и узнал о конгрессе в Неаполе, а Н.А. Васильев отправил туда доклад по его рекомендации. Надо сказать, что отец вообще всячески содействовал логическим и философским изысканиям сына. Более того, их всю жизнь связывало нечто большее, чем просто родственное отношение. А.В. Васильев был сыну другом, опорой в трудные минуты, советчиком и, наконец, коллегой и искусственным оппонентом в науке. Такой же характер отношений, судя по сохранившейся переписке, был и у Николая Александровича с сыном Юлианом, а также между дедом и любимым внуком.

Примерно в 1926–1927 гг. в один из «светлых» промежутков Н.А. Васильев писал жене, что занимается математикой и логикой, шуточно замечая, что теорему Гольдбаха, над которой бьются со времен Лейбница, он, конечно, не доказал, но задачу, мучившую его еще в Берлине – о логике особого вида, – решил: «открыл... предикатное исчисление (математическую логику содержания)» и в «одно из ближайших спокойных в душевном отношении состояний собирается сделать доклад в Казанском физико-математическом обществе». Николай Александрович просил жену показать «черную тетрадку» с соответствующими соображениями и выкладками профессору Н.Н. Парфентьеву и поинтересоваться, есть ли там что-либо новое.

Приблизительно в это же время в письме к сыну Николай Александрович обсуждал брошюру инженера Назарова «Общее доказательство великого предложения Ферма» и выражал уверенность, что при более тщательном ее прочтении «в доказательстве наверняка можно обнаружить произвольное допущение». По его словам, он думал над тем, чтобы «резко отделить принцип относительности Эйнштейна от принципа относительности Лоренца, и что он хочет поговорить на эту тему с отцом». А.В. Васильев особенно интересовался вопросами, связанными с теорией относительности¹.

Между тем болезнь наступала. Николай Александрович все реже общался с родными, с друзьями... Сознание неизлечимости душевной болезни угнетало его. Сохранить и поддержать веру в выздоровление ему помогала возможность хоть изредка, хоть ненадолго возвращаться в привычную домашнюю обстановку, чувствовать себя

¹ На закате жизни А.В. Васильев выпустил книгу «Пространства, время, движение. Исторические основы теории относительности» (Берлин, 1922; Пг., 1923), которая посвящалась «сыну и другу профессору Н.А. Васильеву».

в кругу людей здоровых и близких. Так, он просил жену предоставить ему возможность побывать дома в день ее рождения. «Катя, – писал Николай Александрович, – если 21 января я не побываю у Вас, тоска моя усилится во сто крат. Я делаю все, чтобы бороться с одолевающими меня мрачными мыслями...». Однако жена, которую он страстно любил, в те дни отвернулась от него: у нее появляется новое увлечение: она все глубже втягивается в религиозную жизнь. «Я лишний, лишний, – с горечью и болью восклицал Николай Александрович. – Ты совершенно чужда нашим юношеским идеям о примирении религии и науки, – видимо, не выдерживая душевных мук, пишет он, – и стоишь на точке зрения глупого консерватизма в религии. Все это больно. Зачем же мы назвали тогда сына Юлианом¹. Ах, как больно, если бы ты знала... А в то же время... как мне хочется жить, какой у меня интерес к истории современности, какая вера в свои идеи и в их первостепенную важность». Чувство первостепенной важности своих идей не обманывало Николая Александровича.

¹ Вероятнее всего, имеется в виду символ, некогда соотносимый с историческим образом императора Юлиана-Отступника, который отличался любовью к античности, увлекался философией, литературой, вообще являлся романтиком-созерцателем. Император Юлиан получил прозвище «Отступник» за то, что решил противодействовать распространению христианской религии и, даже более того, – вернуться к прежним языческим догмам и богам. Историки начала XX в. отмечали «дерзкую отвагу, с которой Юлиан бросил вызов силе, во много раз превышающей человеческую силу; что он пытался остановить неудержимый ход исторического процесса, сравнивали борьбу Юлиана против христианства с борьбой Прометея и Люцифера» [Розенталь Н.Н., 1923, с. 7] (см. также: [Вишняков А., 1908]; о марксистской оценке деятельности императора Юлиана см.: [Аверинцев, 1978]). Как пишет сам Н.А. Васильев, император Юлиан – «последний борец за древних богов, за исчезающее мирозерцание» [Поэзия Свинберна, 1909, с. 520. Этот символ связывался с императором Юлианом и Н.А. и Е.С. Васильевыми. Он-то и послужил основанием для выбора имени Юлиана для сына.

Отчуждение жены привело к тому, что Н.А. Васильев перестал бывать дома даже тогда, когда мог выходить из больницы. В такие моменты он навещал старых друзей. Так, он любил бывать у своего коллеги, также профессора кафедры философии Казанского университета, Архипа Алексеевича Красновского (занимавшегося в основном педагогикой), который исключительно высоко ценил Н.А. Васильева и очень трогательно к нему относился. В конце 40-х годов при подготовке издания педагогической энциклопедии А.А. Красновский составлял для нее заметки о Н.А. Васильеве [Красновский А.А. Архив автора]. С этой целью он даже просил Ю.Н. Васильева выслать некоторые материалы об отце. Ю.Н. Васильев, по-видимому, переслал А.А. Красновскому лишь несколько оттисков логических работ отца и его краткую биографию [Васильева Е.С., Васильев Ю.Н. Архив автора].

А.А. Красновский ценил Н.А. Васильева не только как ученого, но и как поэта. При содействии своего друга Павла Тычины он намеревался выпустить сборник стихов Васильева. В сборник он хотел включить и неопубликованные стихи Николая Александровича, из уст которого он слышал поэму «На смерть Скрябина» и окончание «Египетских ночей» А.С. Пушкина. Судя по всему, Ю.Н. Васильев рукописей, интересующих А.А. Красновского, не выслал, и они затерялись, как и многое другое из рукописного наследия ученого¹. Впрочем, если верить Воланду из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», рукописи не горят, и еще теплится надежда, что рукописное наследие Н.А. Васильева может обогатиться новыми находками...

Н.А. Васильев очень любил детей и с удовольствием играл и разговаривал с дочкой А.А. Красновского Леной.

¹ Письма А.А. Красновского к Ю.Н. Васильеву хранятся в [ЛАА].

Влена Архиповна Кречетова (Красновская) вспоминает, что Николай Александрович интересовался тем, что она читает, рассказывал о книгах и писателях, которые ему нравятся, например Г. Ибсене, К. Бальмонте, Д. Мережковском. О поэзии Николай Александрович предпочитал не рассуждать, но охотно читал стихи. Он очень любил классическую музыку (хотя в детстве и юношестве был в целом к музыке безразличен), особенно Бетховена. Е.А. Кречетова знала, где живет Николай Александрович, и несказанно удивлялась этому, поскольку добродушный, умный, скромный и исключительно тактичный Николай Александрович вовсе не походил на тех, кто, по ее мнению (а в то время она была почти в юношеском возрасте), должен был находиться в психиатрической лечебнице. В облике Николая Александровича Е.А. Кречетовой отчетливо запомнился поистине сократовский лоб и мягкая, понимающая улыбка.

Несмотря на то что Н.А. Васильев был вынужден жить в больнице, он пристально следил за событиями у себя в стране и за рубежом. В 1929 г. в письме к сыну он сообщал, что увлечен трилогией А. Толстого «Хождение по мукам» и его глубоко трогает этот роман, при чтении которого «так вспоминаются минувшие годы». В 1933 г. Н.А. Васильев отмечал, что «читает и читает, запоминая, Маркса и Ленина». Он стал называть себя «энгельсистом» в философии.

Сын Н.А. Васильева, Юлиан, сохранял теплые и тесные отношения с отцом. Он серьезно увлекался философией и, вероятно, пытался связаться с некоторыми ведущими советскими философами (например, с А.М. Дебориным и В.К. Брушлинским). Николай Александрович всячески старался помочь сыну. Обсуждая возможность встречи Юлиана Николаевича с ведущими философами, он имея в виду свои логические работы, подчеркивал, что они, безусловно,

знакомы философам, и некоторые философы хвалили со- державшиеся в них выводы, да и «воображаемая логика, — указывал он, — подтверждает диалектический материализм». Он, видимо, не знал, что в марксистско-ленинских журналах его логика критиковалась как формалистическая система (см., например: [Асмус, 1929]). Возможно, что, благодаря нахождению в больнице, Н.А. Васильеву удалось избежать сталинского ГУЛАГа.

1940 г. Николай Александрович встретил в больнице. Все реже проводил он время в своем кабинете.

Утром последнего дня уходящего 1940 г. Николая Александровича Васильева не стало. Он был похоронен на том же Арском кладбище в Казани, где покоится и Н.И. Лобачевский, но разыскать могилу Н.А. Васильева так и не удалось.

Каинки

Лето Васильевы проводили в Каинках. Коля вспоминал Каинки особенно тепло. «С этим местом, — писал он, — у меня связаны самые лучшие, самые чистые воспомина- ния, и это место и теперь кажется мне родным и дорогим гнездом. И оно заслуживает это. Село Каинки отличается прекрасным местоположением. Оно расположено у подош- вы одной из гор, возвышающейся над долиной Свяги, из- вивающейся по сочным наливным лугам, точно синей лен- той по светло-зеленой бархатной подушке. По склону этих гор и раскинулся наш незабвенный сад, потом постепенно переходящий в поросль. В середине этой поросли, как два огромных белых пятна, виднеются известковые осыпи в несколько сажен высоты, от которых и лес получил назва- ние Осыпное.

Вид Каинок

Вот та местность, которая лучше всего запечатлелась в моей памяти и которой я много обязан как месту, где я много передумал и перечувствовал».

Каинки играли в жизни семьи Васильевых особую роль. Поэтому об этом селе стоит рассказать более подробно¹.

Каинки по своей красоте исключительное было село, вспоминали Алексей Андреевич Титов и Анастасия Ива- новна Матвеева. Теперь, конечно, не то: нет лугов, где рос дикий лук, все залито разлившейся Волгой. Высохли мно- гие родники. Разве только «серебряный ключ» еще по- прежнему протекает сквозь село.

Каинки было типичным русским селом с характерным расположением улиц и одинаковыми русскими избами. Внутреннее убранство изб однообразно — слева печь, за ней чукан (кухня), отгороженная подтопкой, у передней и пра-

¹ Со слов А.А. Титова и А.И. Матвеевой, до преклонных лет сохра- нивших светлую память, ныне, конечно, уже покойных.

вой стороны – люльки, в переднем углу иконы, перед ними стол. В избе находились также сундук или кровать. Обязательно – палаты (настил из досок под потолком на 60–70 см от верха), на которые клали верхнюю одежду.

Когда Каинки было крепостным селом, часто менялись хозяева. Добра оно мало видело. С появлением Васильевых, между тем жизнь вошла в спокойное русло.

В начале века Васильевы помогли организовать в Каинках школу.

Школа была сконструирована по-особому. Два класса отдельно, а два спарены воедино, образуя большой зал. Были построены отдельные квартиры для учителей. Разбит пришкольный участок. Все утопало в кустах жасмина. Примерно в 1913 г. в Каинках открылось Высшее начальное училище – семилетка (опять-таки заслуга Васильевых). Обучение стоило 4 рубля в год; в начальных классах оно было бесплатным. Директором – Никитин Николай Януарович – человек высокообразованный, интеллигентный, простой и приветливый. Все называли его просто Николай Януарич. Он преподавал русский язык и литературу, естествознание, рисование, физику. Историю и географию вела Мария Степановна Макарова, сестра местного революционера, в 1905–1906 гг. эмигрировавшего в Италию. Закон божий вел местный батюшка. В училище обучались дети и из других сел. В 1915 г. стали прибывать беженцы с Украины и Белоруссии. Их дети также учились.

Учебный день начинался с молитвы. Ученики собирались в зале, и кто-то по очереди читал «Отче наш», а затем исполнялся гимн «Боже царя храни». Дирижировал тот же самый Николай Януарич.

При содействии Васильевых была собрана богатая библиотека.

В школе было два кружка – хоровой и драматический. Ставили, например, Фонвизина «Недоросль». Николай Яну-

арич исполнял роль Скотинина, а в «Ревизоре» – роль губернатора, жену и дочь губернатора играли также учительницы, остальные роли исполняли ученики. Спектакли всегда были праздником – ведь в Каинках не было иных культурных развлечений. Разве что зимой молодежь собиралась у кого-то в избе, пела, играла. Пьянства, кстати, совсем не было, в том числе и среди молодежи.

Училище существовало до 1918 г. Потом открыли школу крестьянской молодежи. Николай Януарич продолжал работать и даже, кажется, был награжден какими-то правительственными наградами.

290	<p>12. С. Каинки. Приходь—сь 1861 г. Церковь каменная, построена въ 1903 году (вместо обветшавшей деревянной), двухпрестольная: главный—во имя Воздвиженія Креста Господня, придѣлъ—во имя Казанской Божіей Матери (еще не освященъ).</p> <p>Отъ Казани 40 вер., отъ Свіяжска 15 вер.</p> <p>Адр.: чрезъ Кляцчинское Вол. Прав.</p>	122
-----	---	-----

Выписка из книги о церкви в Каинках

Пока работала Крестовоздвиженская церковь, открытая в самом начале XX века, ежегодно на Крещение после службы жители шли вместе с батюшкой к колодцу святить воду. Батюшка опускал в воду крест, затем кропил кистью

всех вокруг водой: она считалась освященной. Ее наливали в бутылки и хранили на всякий случай.

Широко отмечались два престольных праздника – Казанская (21 июля) и Воздвижение (27 сентября). Самым торжественным праздником была Пасха, перед которым говело все население.

Лето 1921 года выдалось на редкость засушливым, поэтому был организован крестный ход на гору с молитвами – просили дождя. Помощь, однако, пришла из Америки. В каждом селе американской организацией АРА создавались столовые, чаще всего при школах. Подкармливали крестьян, да и скотине не дали полечь.

С начала Первой мировой войны в Каинках появилось много беженцев. К ним относились хорошо, помогали как могли.

Была в Каинках и частная лавка (магазин), в которой продавалось все, что душе угодно – от заморских продуктов до сбруй и гвоздей.

Дом Васильевых стоял рядом с церковью, на соседней улице находился дом Симоновых, и сама улица называлась поэтом Симоновской.

В 4 км на запад от Каинок находился хутор Поляна, на котором жил С.В. Васильев – брат А.В. Васильева, врач-ветеринар. Он очень увлекался сельским хозяйством. На Поляне был большой скотный двор. Собирали много хлеба. Возделывались вишневые и яблоневые сады, огороды. Культивировалась разная птица.

В 1914 г. на Поляне появилась жнейка-сноповязалка с конной тягой фирмы Мак-Кормик (США). Были и сеялки, сенокосилки, конные грабли. У Васильевых в Каинках ничего подобного не было. Землепользование у крестьян было общинным. Поля делились так, что один хозяин мог иметь несколько наделов, часто через соседа. Череспосоца.

Два раза в неделю приезжала почта.

Летом в 1904–1906 гг. в Каинки и Поляну приезжал А.Ф. Керенский. Останавливался обычно у С.В. Васильева, там же гостили его дети с бабушкой. Мы, вспоминала А.И. Матвеева, играли вместе с детьми Керенского – Олегом и Глебом, с которыми были ровесниками.

У С.В. Васильева было три дочери. Старшая, Раиса, отправилась. Младшая, Людмила, училась в Институте благородных девиц в Казани, она добровольно ушла работать сестрой милосердия в военный госпиталь в Петроград, где училась и Ольга Васильева.

Именно в Каинках, в Крестовоздвиженской церкви А.Ф. Керенский, вопреки воле своих родителей, венчался с Ольгой Барановской дочерью двоюродного брата Васильевых Льва Барановского, семья которого также жила неподалеку. Александр Федорович познакомился с Ольгой в Петербурге, где Ольга училась на Высших женских курсах.

Церковь в Каинках, где венчался
А. Ф. Керенский и О. Л. Барановская

*Ольга Львовна Барановская в подвенечном платье
на крыльце имения Васильевых в Каинках*

Н.А. Васильев посвящал Ольге Барановской свои стихи. Вот, например, одно из них:

*Я так давно хотел воспеть тебя в сонете
И для сонета стал метафоры искать.*

*Материй дорогих, чтоб женицин украшать,
Ты, знаешь и сама, как много есть на свете.
Прозрачный легкий тюль, непрочный и небрежный...
Серьезных женицин он не может одевать,
И красоты твоей не могут обрамлять
Старинный тарлатан, газ радостный и нежный.
Нас в шелке дорогом волнуют переливы,
Томит тяжелая роскошная парча,
Нам нравится атлас, батист и чесуча.*

*Но ты не то. Ты – бархат черный и красивый,
Чарующий своей изящной простотой,
Своею вдумчивой и темной глубиной.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности, с. 96]

Действительно, фотографии, на которых изображены Васильевы, А.Ф. Керенский, О.Л. Барановская подтверждают, что Ольга была исключительно красивой женщиной. С ней, кстати, Керенский расстался, когда эмигрировал. В начале 1920-х гг. Ольга Львовна с детьми также уехала в Англию и, как свидетельствуют ее письма из эмиграции к Александру Федоровичу, копии которых я получил из Архива Керенского в Техасе, она и дети продолжали поддерживать с ним отношения вплоть до его кончины. Ольга Львовна оставила воспоминания о 1917–1920 гг., наиболее тяжелых, выпавших на ее долю, которые были опубликованы в Италии уже после ее кончины [Kerenski O., 1977]. Олег Керенский, старший сын, стал выдающимся мостостроителем и был награжден королевой Елизаветой II высшим орденом Британской империи. Глеб Керенский был инженером-электриком.

Стихийный ураган революции пронесся и над Каинками, – продолжали воспоминания Алексей Андреевич и Анастасия Ивановна. Вначале снесли дом Васильевых, по-

*Н. А. Васильев, А.Ф. Керенский
и Е. С. Завьялова в Каинках*

том все вывезли с хутора Поляна. Не осталось даже бревна...¹ Как-то, года через два после этих событий, приехал в Каинки С.В. Васильев и заходил к нам, вспоминала

¹ Вот как описывает наступление новых большевистских порядков в деревне офицер русской армии Г.А. Гагарин: «В одночасье вообразив, что все кругом принадлежит им (крестьянам. – В.Б.), потеряв голову от вседозволенности, они решили, что имеют полное право уничтожать то, что принадлежало помещикам... Призывать крестьян к благоразумию было заведомо бесполезно. Они просто-напросто ничего не желали слушать... Людей с головой захлестывала злоба, пышно расцветал порок и глупость... Все книги из обширного собрания, среди которых было немало бесценных раритетов, были сброшены с полок. Исчезли все иллюстрированные книги – иллюстрации пошли на оклейку стен в избах. Прочие же были изорваны в клочья и свалены грудой посреди библиотечной залы. Та же участь постигла семейные портреты: холсты вырезали из рам, изгадили их и бросили в кучу. Рамы, которые мужики по своей наивности приняли за золотые, были украдены все до единой... В доме не уцелело ни единой занавески, ни одной мелочи, которая блестящим напоминанием бы золото или серебро... Даже двери и оконные рамы, не говоря уже об обстановке, бесследно исчезли... Я своими глазами

А.И. Матвеева. Запомнилась его фраза: «Чтобы жить в коммунизме, надо быть ангелами, а люди – черти».

Приезжала попрощаться в Каинки и Людмила Сергеевна, которая меня учила, продолжала А.И. Матвеева. Позже она эмигрировала в США (для этого ей и мужу пришлось на пароходе устроиться прислугой). А потом я оттуда в Каинки получила письмо. Так хотелось написать ей, всю жизнь хотелось. С.В. Васильев остался в России. Судьба его неизвестна.

В начале 1920-х годов жизнь Каинок внешне мало изменилась. Скончался священник отец Преображенский – интеллигентный человек, отец четверых детей. Церковь еще работала и о кончине, как положено, известила звоном колокола. Однако в конце десятилетия церковь была заброшена (сейчас от нее остались только стены. – В.Б.), кладбище разорено. Сначала сбросили колокол, который крестьяне пытались повесить на место, а затем молодые комсомольцы «сковырнули» склеп Васильевых, а надгробие с могилы В.П. Васильева и С.И. Васильевой (Симоновой) отволокли ближе к избе правления. На месте кладбища намеривались построить конюшню, но строительство вскоре забросили. Школу в Каинках давно закрыли.

Недавно надгробие зацепили тросом и трактором оттащили, поцарапав поверхность и поломав некоторые буквы, снова ближе к кладбищу, где, видимо, оно, повергнутое, и встретило XXI век.

видел мужика, преспокойно распиливавшего перед собственной избой рояль». Он объяснял: «Штуковина эта слишком велика и в таком виде в избу не лезет...». «Громадное зеркало было установлено в коровьем стойле... Зрелище было ужасное... Крестьяне под метелку вычистили не только сам дом, но и разнесли по бревнышку конюшни, скотный двор и все прочие хозяйственные постройки... Мне в жизни не приходилось видеть ничего более примитивного и абсурдного, чем этот дележ, и таких ссор, к которым он приводил... Дело доходило до жестоких потасовок» [Звезда. 1994. № 2. С. 161, 163].

*Поверженный памятник В. П. Васильеву
и С. И. Симоновой в Каинках*

Солнце жившего полнокровной жизнью села примерно до конца 1920-х гг. ныне почти закатилось. Жители – в основном весьма пожилые люди; к некоторым из них еще приезжают на лето «дачники», но многие дома пустуют.

ГЛАВА 3 «ТОСКА ПО ВЕЧНОСТИ»

Всю жизнь Н.А. Васильев занимался литературным творчеством. Начало этому было положено еще в юношестве, когда он много времени посвятил поэзии. В последующие годы его литературные интересы – а в литературе Васильев работал и как поэт, и как критик, и как переводчик – носили нестабильный характер и неизменно оказывались на заднем плане по отношению к научным исследованиям.

Литературное наследие Н.А. Васильева довольно-таки обширно. Оно включает наряду со сборником «Тоска по вечности», в котором собраны, в основном, лирические произведения, книгу переводов известного бельгийского поэта Э. Верхарна «Обезумевшие деревни», переводы стихов О.Ч. Свинберна. Ему также принадлежит перевод XX Оды III книги Горация [Иванов Ю., 1921, с.169], который Николай Александрович намеревался опубликовать в журнале «Гермес», но публикация по каким-то причинам не состоялась¹. Выше упоминались поэмы «На смерть Скрябина» и окончание «Египетских ночей», существовавшие только в рукописи. Кроме того, Н.А. Васильеву принадлежит ряд критических статей, сопровождавших, как правило, его переводы и показывающих, насколько вдумчиво и серьезно он подходил к этой работе.

Видимо, нельзя сказать, что в художественном творчестве Н.А. Васильев достиг больших вершин; это творчест-

¹ В письме от 2 мая 1910 г. Н.А. Васильев пишет жене, что этот перевод принят к публикации в журнале «Гермес», но в ожидаемые сроки материал напечатан не был.

во можно оценить как неровное, включающее, наряду с несомненными удачами, малоценные работы. Однако его поэзия замечательна тем, что в ней Николай Александрович находит первую форму самовыражения, содержавшие идеи, которые позже были развиты в его логических изысканиях. Можно утверждать, что в смутном, неясном, еще не осознанном виде идеи, положенные им в фундамент воображаемой логики, зародились не в 1907–1908 гг., а несколькими годами раньше и были впервые облечены в поэтическую форму в книге стихов «Тоска по вечности».

В стихах Н.А. Васильева рисуется мир, по своим свойствам кардинально отличающийся от нашего, – мир воображаемый, фантастический, в котором, как писал позже Николай Александрович, если перевести на логический язык, в одном и том же объекте совпали бы основания для утверждения и отрицания; мир, устроенный таким образом, что «в нем есть несовместимые предикаты» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., с. 15, 18].

*Есть мир иной, мир беспечальный
Где все – единство без конца,
Где каждый атом, близкий, дальний,
Лишь части одного кольца.
Там волк покоится с овцою,
С невинной жертвою – палач,
Там смех смешался со слезою,
Затихнул жизни скорбный плач.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 138.]

К теме воображаемых миров в своем поэтическом творчестве Н.А. Васильев обращается неоднократно. Она рефреном звучит в тех стихах, где поэт пытается осмыслить природу времени, место человека в трепетном, беспрестанно изменяющемся мире.

*Мне грезится безвестная планета,
Где все идет иначе, чем у нас.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 143.]

*В непознаваемом тумане
Возможны странные миры
Быть может, есть такие сочетанья,
Где прошлое – всегда доступный путь,
Где Время знает состраданье
И может каждый миг вернуть.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 144.]

Какие внутренние источники питали поэзию молодого Васильева? Что служило основой его поэтического вдохновения? Ответ на эти вопросы можно обнаружить в тех чувствах и настроениях, которые наполняли юношу и были выражены в его дневнике.

Дневник ведется им в весьма важный период жизни – период становления как личности, как мыслителя. В нем он весь – будущий ученый – уже фактически есть. Еще в отрочестве и юношестве его волнуют значительные идеи, необычные теории, люди, оставившие заметный след в истории и культуре. В дневнике содержатся конспекты по математике и логике, «штудии» Рибо и Вундта, обнаруживающие ранний интерес к психологии и системам воспитания, философские размышления и записи житейской мудрости, описание исторической литературы, анализ художественных произведений, раздумья над судьбами Линкольна, Галилея, Абеляра, Гёте, Данте, Пушкина... В дневнике говорится об увлечении Николая театром, в котором он «совмещал и драматурга, и актера», об издании им журнала, о замысле романа, о фантазиях, которые будоражили ум... Поразительная широта интересов, жажда деятельности и духовного самоусовершенствования!

В то же время все это пронизано чувством меланхолии, недовольства собой, вьедливым самоанализом, «томительным чувством пустоты». Многие записи выполнены, так сказать, в минорной тональности.

В 1907 г. он пишет: «Еще в детстве ранний свет познания убивает в нас непосредственность чувства и удовлетворенность жизнью» [Васильев Н.А. Верхарн. 1907, с. 86]. Жизнежадность и меланхолия – суть два настроения молодого Васильева, которые питали его поэзию. Между этими двумя полюсами – жаждой деятельности и разочарованием – пульсирует его лирика. Н.А. Васильев долгое время расценивал поэзию как призвание и, возможно, даже колебался в выборе жизненного пути до тех пор, пока все не разрешилось само собой, пока сама поэзия не указала другое направление.

К анализу литературного творчества приложимы, на мой взгляд, те установки, которые использовались им самим при анализе художественных произведений. По мнению Васильева, личность художника становится нам ясной, если мы схватим дух и стиль его творчества. Дух и стиль поэзии молодого Васильева говорят о том, что он принадлежал к символизму, занимавшему в культурной жизни России начала XX в. важное место.

В представлении символистов реальные явления – отблески потусторонних миров. Подобное мировосприятие определенной части русской художественной интеллигенции имело свою социальную подоплеку. Символисты – «поколение рубежа», «дети того и другого века», – переживая «схватку столетий в душе», считали, что «душа искусства... имеет целью... воссоздать миры иные» (А. Блок). Впоследствии Н.А. Васильев с болью в душе напишет, что «в этих символах, в этих чувствованиях отражается наш век нервный, упивающийся своими страданиями, порвавший со спокойной жизнью своих предков» [Васильев Н.А. Верхарн. 1907, с. 86].

В один год выходят в свет схожие по миропредставлению «Тоска по вечности» Н.А. Васильева и произведения известнейших впоследствии поэтов-символистов: «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока, «Золото в лазури» А. Белого и некоторые другие. Видимо, не случайно теоретик символизма В. Брюсов сразу же в 1904 г. дает рецензию на сборник стихов Н.А. Васильева, признав его «своим»¹.

Символизм есть одно из самых сложных явлений культурной жизни начала XX в., и мы кратко затронем лишь те его стороны, которые имеют непосредственное отношение к творчеству Н.А. Васильева.

В поэзии Васильева обнаруживаются все атрибуты символистской поэзии: переживание теснейшей связи собственной души с целой Вселенной («Ищу я музыку Вселенной»), погруженность в музыкальную стихию, желание разгадать «неотвязно манящую тайну бытия», диалог с Вечностью («Лишь с Вечностью одной хочу я говорить»), ощущение бессмертия («Я верю, я тысячи раз уже жил»), мистическое осмысление любви («Любовь есть только мост воздушный, связь обособленных миров»), тяготение к духу и идеалам античности, и над всем – «мировая скорбь».

Искусство, по Васильеву, начинается там, где кончается власть точных наук. Для символистов (среди которых, кстати, было удивительно много людей с естественнонаучным образованием и интересами) искусство есть «гениальное познание» (А. Белый). Васильева тревожили вопросы единства науки и искусства, их взаимосвязь как способов познания мира:

*Лишь тот, кто мыслит, плачет и страдает,
Способен понимать вселенной красоту,
Лишь он печальный, тайный шифр ее читает.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 65.]

¹ Ср.: Весы. 1904. № 6. С. 57–58.

Васильев был убежден, что нравственная жизнь вырастает на почве нравственных конфликтов, нравственного искания. В области поэзии эти искания для него состояли в поисках источников красоты. Мотив «служения красоте» очень силен в его лирике.

*Мы вечно ищем и желаем
Припасть к заветной красоте.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 14.]

А красота, по Васильеву, есть скорбь [Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 65]. Отсюда не менее сильны в его поэзии страдание, сомнения, разочарование и неверие. «...от поэта, – писал он, – мы требуем не мировоззрения, а мироощущения, не истины, а красоты» [Васильев Н.А. Свинберн. 1909, с. 136]. Такой взгляд на задачи поэтического творчества у Васильева, как и у многих символистов, определялся тем, что знание их о жизни, о действительности было почерпнуто не из нее самой, а из книг, из отвлеченных теорий и идей. Подобная позиция по отношению к жизни вылилась в поэзии символистов в меланхолическую отрешенность от реального мира, душевную замкнутость и самоуглубленность.

Внимательное чтение стихов Н.А. Васильева, однако, убеждает в том, что в его поэзии запечатлены попытки преодолеть «проклятье отвлеченности», перестроить свое мироотношение. Первые стихотворения сборника «Тоска по вечности» существенно менее совершенны и поверхностнее выражают идеи символизма, чем последние. В одном из поздних стихотворений Васильев пишет:

*Страшно видеть, что все, что я вижу кругом, –
Только бледный и лживый фантом,
Только скрытых «вещей» отраженье.
Это мир – мир поэзии, мир красоты,*

*Что так властно волнует мечты, –
Только ложь и обман, и «явление»...*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 140.]

Это отчаяние, это осознание невозможности убеждения, что мир действительный – только бледное отражение какого-то потустороннего мира, приближение к пониманию того, что мир целен, един. Так, переживание дуализма мира выльется в своего рода кризис:

*Где реальное мне отыскать и поймать?
Что мне делать? Куда мне бежать
От тревоги и грусти бессонной?
Все спасенье мое только в мысли одной,
Только в мысли найду я покой,
Потону в своей мысли бездонной.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 141.]

Дальше идти в поэзии тем же путем, каким он шел, уже нельзя. Перед Васильевым открылась эта истина. Мысль о науке кажется ему, отчаявшемуся в поисках поэтических дорог к абсолютной красоте, спасительной. Эти заключительные строки звучат как решение – выбор сделан, безусловный выбор в пользу научных поисков истины. Как бы выражая свое будущее научное кредо, Васильев пишет:

*И философия стремится
Мир, как симфонию познать,
В его гармонию излиться,
Его *andante* разгадать.
Томясь по вечности нетленной,
Стремясь к волнующей звезде,
Ищу я музыку вселенной,
Ищу всегда, ищу везде.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 1.]

«Музыка вселенной», по сути та «музыка», которая слышна нам, жителям Земли, — это то единство, которое обнаруживается при проникновении в скрытую сущность вещей, принадлежащих нашему миру. Мир действительный — не единственно возможный, не уникальный мир; равно как и «музыка» этого мира, в контексте поэтических размышлений Васильева, — не единственно мысленно допустимая «музыка». Подобно тому как различается внешне несхоже, но внутренне едино музыкальное творчество народов, населяющих нашу планету, могут существовать миры с различными свойствами:

*В Возможного безбрежном океане
Действительное — маленький Голфстрем.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности. 1904, с. 142.]

В поэзии Васильева остро переживается расслоение мира на действительный и воображаемый (но не потусторонний), который резко отличен по своим свойствам. В общем-то обычная для символистов тема сосуществования миров приобретает у Васильева статус особенный, смыслозадающий. Зерна символистской темы других миров упали на благодатную почву: поэт, писавший о воображаемых мирах, продолжает свои размышления на логическом языке... Что это: случайное совпадение или закономерность отдаленной переклички науки и искусства?

Как бы предвосхищая судьбу своих идей — идей, которые на логическом небосклоне вспыхнули в 1910–1913 гг., затем на долгое время погасли, были забыты логиками и разгорелись с новой силой уже во второй половине XX в., привлекая все большее внимание, — Васильев писал:

*Мы — быстро меркнувшее пламя
И вновь пылающий пожар.
Вся жизнь проносится над нами,
Полна тоски и новых чар.*

*Мы никогда не перестанем
Любить, стремиться и мечтать,
Себя никак мы не обманем,
Душа не может не желать;
Душа не может не взвизгивать
Над тиной мелочных забот
И будет вечно домогаться
Недосягаемых высот.
Она стремиться будет вечно
К тому, чего на свете нет:
Ее желанье бесконечно,
Как бесконечен этот свет.*

[Васильев Н.А. Тоска по вечности, 1904, с.94; выделение моё. — В.Б.]

Поэзия Васильева философична, но его интересовала не только философская лирика.

Русско-японская война, революция 1905 г. усилили интерес деятелей культуры (в том числе и символистов) к социальным проблемам. Так, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов работают над урбанистическими циклами своих стихов, в которых город, а именно капиталистический город, есть зло — сила, изначально враждебная человеку. Многие символисты переводят стихи бельгийского поэта Э. Верхарна, социологические мотивы которого оказались им созвучны.

Н.А. Васильев и ранее занимался поэтическими переводами. В «Тоске по вечности» имеются переводы из Гёте, Бодлера, Верлена. В 1907 г. в Казани выходит в свет уже целая книга переводов, выполненных Васильевым. На сей раз он обратился к Э. Верхарну. Книга называлась «Обезумевшие деревни» и была издана «в пользу голодающих крестьян поволжских губерний». Семья Васильевых принимала активное участие в этой помощи. А.В. Васильев,

например, был одним из тех, кто принимал денежные пожертвования.

Сборник «Обезумевшие деревни» сыграл большую роль в деле знакомства русских читателей с поэзией Верхарна. Первые русские переводы его поэзии появились примерно в 1905–1906 гг. В эти годы (да и в последующие тоже) над ними трудились А. Блок, М. Волошин, В. Брюсов и др. Первая книга переводов принадлежит В. Брюсову, которого связывала с Верхарном личная дружба и многолетняя переписка. Книга Брюсова вышла в 1906 г., а Васильев опубликовал свою книгу переводов годом позже. В «Послесловии» к ней Васильев подчеркивает, что большую часть его переводов составляют стихи, которые «еще не переводились русскими поэтами». Это действительно было так. Брюсов летом 1907 г. пишет Верхарну о все возрастающем в России интересе к его поэзии и приводит в пример книгу переводов, вышедшую в Казани. Через некоторое время Брюсов выслал ему книгу Васильева.

«Давно уже, – писал Н.А. Васильев в «Послесловии», – обращали внимание социологи и экономисты на поразительный рост больших городов в Европе XIX века и гибель старого патриархального уклада деревни от вторжения туда капитализма. На этих фактах Маркс построил свою социальную теорию, эти факты претворил Верхарн в свои поэмы... Россия переживает теперь тяжелый кризис, которым сопровождается ее окончательная «европеизация», и скоро картины бельгийской и французской действительности станут нашими родными картинами. Вот почему я думаю, что в эти годы напряженной борьбы, когда нам приходится вращаться в сфере социальных и политических вопросов, не будет лишней для русских читателей «социологическая поэзия» Верхарна...» [Васильев Н.А. Верхарн. 1907, с. 77–78].

По мысли Васильева, ценным в творчестве Верхарна было то, что «Верхарн не замкнулся в узкой сфере индивидуальной жизни», «Верхарн близок нам, он живет теми же чувствами, бьется над теми же проблемами», «он полон интереса к науке», «он любит трагическое и красивое». Удивительно, насколько все, что отметил Васильев, можно отнести и к нему самому. В стихах Верхарна Николая Александровича привлекало и другое, резонирующее с его миропониманием, содержание. Верхарн верит в царственную власть математики в природе, в ее гармонию. «Я обезумевший в лесу Предвечных чисел», – пишет Верхарн [Васильев Н.А. Верхарн. 1907, с. 93]. Такая же гармония является элементом мировоззрения Н.А. Васильева.

Васильев не просто увлекся поэзией Верхарна. Он пережил эту поэзию как важное событие своей внутренней жизни, как открытие для себя новых тем и возможностей в искусстве. «Верхарн первый из поэтов всего мира рискнул выковать поэмы из сухого и прозаического материала социологических проблем и социальных вопросов настоящего», – писал Н.А. Васильев [Васильев Н.А. Верхарн, 1907, с. 76]. Весь сборник переводов дает почувствовать, что если в нем и осталась «тоска», то не по вечности, в по современности.

Символистская критика отмечала, что перевод Васильева является слишком вольным, «часто далеким от подлинника», «испещрен массой прозаизмов». На вольный перевод Васильев, как поэт, имел полное право. Недаром говорят, что в прозе переводчик – раб, а в поэзии – соперник. Васильев почувствовал в Верхарне художника, необходимого и близкого себе, своему миропониманию. Что же касается прозаизмов, то таково было «новое зрение» поэта Васильева¹.

¹ Ср.: Весы. 1907. № 10. С. 67.

В комментарии к стихам Верхарна Николай Александрович сочувственно отмечает, что «стремление пересоздать мир по воле человека в современном мире представлено социализмом. И Верхарн стал поэтом социализма. Это единственно крупный поэт социализма наших дней... В стихотворении *Les Bagnes* (каторги), очевидно посвященной коммунарам, томившимся в каторгах за океаном, он верит в торжество их дела» [Васильев Н.А. Верхарн. 1907, с. 94]. Поэт всегда острее, чем кто-либо другой, ощущает пульс времени, ветры грядущих перемен, шаги грядущей революции. Верхарн замечает, что стремление к справедливому переустройству мира завоевывает новые сердца.

*Душа пожаром разума объята
И речи воли радостно твердит,
А зади Революция стоит;
И книги новые стремительно хватают,
Как предки Библию, их радостно читают,
и ими жгут сердца свои.
Потоки крови потекли,
Катятся головы, вот строят эшафоты,
Душа у всех полна властительной заботы;
Но, несмотря на казни и пожары,
В сердцах сверкают те же чары.*

[Э. Верхарн. 1907, с. 38]

Поэзия Верхарна, писал Н.А. Васильев, «в высшей степени антропоцентрична... В центре всего человек, все интересно только в своем отношении к человеку. Человек – вот солнце Верхарна, он один светит собственным светом, все остальное – его отражениями. Если ему (человеку) нужны боги, пусть он будет им» [Васильев Н.А. Верхарн. 1907, с. 84]. Н.А. Васильев в той же мере, как и Верхарн, заинтересован чудом человеческой личности и подходит

к осмыслению этого чуда с позиций философа-рационалиста.

Свою точку зрения на статус человека Н.А. Васильев развивает в плане концепции, утверждающей «исключительно высокое *космическое* (курсив мой. – В.Б.) назначение человека» [Васильев Н.А. Вопрос о падении западной Римской империи... 1921, с.246]. Эта мысль ученого-гуманиста удивительна по своей прозорливости и глубине. Идея космического назначения человека вплотную подходит к идее о ноосфере, высказанной в начале XX в. П. Тейяр де Шарденом и материалистически переосмысленной В.И. Вернадским. Идея о космическом назначении человека у Васильева сопряжена с размышлениями о сущности мира и о перспективах человека, движение к которым должно раскрыть космическую роль человека.

Тема человека была сильна не только у Верхарна, но и у ряда других поэтов, в частности у О.Ч. Свинберна (Суинберна), к творчеству которого затем обратился Н.А. Васильев.

В 1909 г. в память об О.Ч. Свинберне, известном английском поэте, Н.А. Васильев публикует две статьи, посвященные его творчеству, а также перевод некоторых стихотворений. Васильев называет Свинберна величайшим из английских поэтов конца XIX – начала XX в. Даже более того: по мнению Васильева, наряду с Верхарном и Бальмонтом Свинберн входит в наиболее блестящую триаду современных поэтов Европы. «Если сила Верхарна, – писал Васильев, – в содержании, в открытии им для поэзии целой неизвестной доселе области своеобразной и волнующей красоты города-гиганта, города-чудовища, то в другом – значение Свинберна и Бальмонта. Оно, главным образом, в области формы и чувства. Ни Бальмонт, ни Свинберн не сказали нового слова и не глубиной идейного содержания приковали к себе сердца людей. Они оболь-

щают нас утонченностью, интимностью чувства и «музыкой, музыкой прежде всего». Их стихи настолько музыкальны, что нам все в их поэзии начинает казаться музыкальным: и чувства, и мысли, и образы; и душа поэта представляется нам грандиозной застывшей музыкой, отзвуки которой звучат в немых черных буквах их творений» [Васильев Н.А. Свинберн. 1909, с.123].

Удивительная музыкальность поэзии Свинберна сочетается с исконной мечтательностью, фантастичностью английской поэзии в целом. Эта черта английской поэзии, рассуждает Васильев, поражает всякого, кто изучает английскую культуру. «Великий практический народ» на протяжении трех веков, начиная с Ф. Бэкона и кончая новым направлением английской и американской мысли – прагматизмом, проповедовал философию, которая чуждалась отвлеченных теорий, всегда оказывая предпочтение всему конкретному, практическому, – тому, которое опиралось бы на эмпирические данные. И тот же самый «великий практический народ» на протяжении трех веков, начиная от Спенсера и Мильтона, через Байрона, Шелли и Китса, и кончая Свинберном, неизменно сохранял поэзию, для которой в высшей степени свойственна «мечтательность, необыкновенная фантастичность, своеобразная власть поэтической личности и ее переживаний над внешним миром... сила чувства, музыкальность стиха» [Васильев Н.А. Поэзия Свинберна. 1909, с. 508].

Эта музыкальность, фантастичность и символичность стиха позволяют передать самые тонкие сокровенные оттенки чувства. Между тем лиризму поэзии Свинберна оказываются недоступны крайности чувств – горе и безудержная радость. Даже горе у Свинберна, писал Васильев, «имеет радостный оттенок... Музы Свинберна, как гомеровская Андромаха, улыбаются сквозь слезы» [Васильев Н.А. Поэзия Свинберна. 1909, с. 516].

Свинберн бросал вызов викторианской эпохе. Он смело касался таких «запретных» тем, которые не могли не шокировать чопорных британских аристократов и критику, воспитанную на викторианских традициях. Свинберн воскрешал умершую, казалось бы, античную эротическую поэзию, которой были свойственны откровенность и чувственность, неведомые поздней английской литературе и поэзии. Особенно ярко это проявляется в ранней поэме Свинберна «Аталанта в Калидоне». И тем не менее Свинберн создавал утонченную, предназначенную именно для английских аристократов, поэзию.

Н.А. Васильев отмечает другие противоречия и контрасты поэзии Свинберна. Враг религии – Свинберн полон «мистического обожествления человека»; пессимист – он поет мощный, жизнеутверждающий гимн человеку; республиканец, мечтающий о братстве и единстве всех народов, – он является «пламенным английским патриотом и часто задорным националистом; певец Любви, Человека и Свободы – он в то же время и певец Смерти. Все это придает не гармонию, а диссонанс поэзии Свинберна. Ее внутренние противоречия «остаются механически соединенными частями двух совершенно различных и друг друга исключающих мировоззрений. Но разве одни поэты впадают в это противоречие? – спрашивал Васильев. – Как много людей запутывается в нем, как много мыслителей! И от поэта мы требуем не мировоззрения, и мироощущения, не истины, а красоты. Ее творил, ей служил всю долгую жизнь Олджернон Свинберн» [Васильев Н.А. Свинберн. 1909, с. 136].

По-видимому, Васильева привлекала в Свинберне не только поразительная музыкальность стиха и лиричность чувства, но и такое созвучное ему содержание, как культ человека, который у Свинберна, вслед за Фейербахом, ста-

новится центром, средоточием Вселенной; бунт Свинберна против существующих литературно-поэтических традиций и догм, его борьба за почти исчезнувший античный поэтический жанр и, наконец, то, что Свинберн в поэтической форме воскрешал еще восходящую к Гераклиту идею о мире как единстве противоположностей, понимая сущность мира с пантеистических позиций. Для Николая Александровича все связанное с античностью, с возрождением ее достижений и идеалов, было важным (этим был продиктован выбор имени для сына – Юлиан; см.: [Васильев Н.А. Поэзия Свинберна. 1909, с. 520]).

В марте 1909 г. публикуется обширная литературоведческая статья Н.А. Васильева «О Гоголе», приуроченная к 100-летию со дня рождения великого писателя [О Гоголе, 1909]¹. Первая часть статьи озаглавлена «Великие очи». В ней Н.А. Васильев стремится показать, что Гоголь – «гениальнейший бытоописатель, гениальнейший сатирик, гениальнейший описатель природы... был всем, кроме психолога», и потому он находится на противоположном Достоевскому полюсе русской литературы [Васильев Н.А. О Гоголе. 20 марта, с. 3–4]. Во второй части статьи, названной «Душа, испугавшаяся своего таланта», Васильев рассуждает о том, что, «имея очи и талант реалиста, Гоголь имел душу и стремления романтика», что это противоречие раздирало душу Гоголя и в конечном счете привело его к трагедии. Оценивая «Выбранные места из переписки с друзьями» – сочинение Гоголя, как известно, не принятое прогрессивной общественностью России, – Н.А. Васильев пишет, что «Переписка» была искренним стоном и болью и

¹ Эта статья была также напечатана в «Литературном сборнике в помощь голодающим Поволжья» (Казань, 1909).

хрупкой и пугливой души, испугавшейся жизни, испугавшейся своего таланта и в ужасе бежавшей от них» [Васильев Н.А. О Гоголе. 1909, 25 марта, с. 2]. Считая своим долгом откликнуться на 100-летие Гоголя, Васильев подчеркивает непреходящее значение творчества великого русского писателя.

Прошло время, и литературно-поэтические интересы Николая Александровича в 1908 г. стали уступать место научным занятиям, оттесняться ими на задний план. Однако увлечение литературой, и особенно поэзией, сопровождало Васильева всю жизнь, а в анкете 1922 г. он специально отмечает, что стаж его литературной деятельности – восемнадцать лет [НА РТ, фонд 1337, оп. 27, д. 6, л. 205]¹.

В «Тоске по вечности» Н.А. Васильев не увековечил свое имя. Тем не менее в его поэзии были рождены идеи, развивающие традиционную символистскую тему других миров, но которые, так сказать, в превращенной форме легли в основу «воображаемой логики». Благодаря «воображаемой логике» имя Н.А. Васильева навсегда осталось в истории науки.

¹ Несколько стихотворений Н.А. Васильев, например, опубликовал в 1918 г. в сборнике «провинциальная муза» (Казань: Рабочее дело. 1918. С. 71–74).

ГЛАВА 4

В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ

1907–1908 гг. можно считать тем переломным моментом, когда Васильев-поэт уступает место Васильеву-ученому. В эти годы он начинает интенсивную работу в области философии, психологии, логики; работу по формированию собственной исследовательской позиции и методологии. Поэтому этот период можно назвать периодом поиска точки опоры, когда взгляды Н.А. Васильева претерпевают быструю эволюцию, когда он вырабатывает программу своих научных занятий, имеющую стратегический характер.

В «Отчете за первый год работы профессорского стипендиата по кафедре философии Н.А. Васильева» подчеркивается, что его внимание было приковано к «психологии и истории новой философии». По замыслу Васильева, «занятия психологией должны предшествовать занятиям логикой» [Васильев Н.А. Отчет о первом году занятий (1907 г.), с.1]. По этой причине занятия логикой откладываются на следующий год. В «Отчете» формулируются правила, которыми будущий ученый руководствовался в своей работе. «Я старался, – писал он, – с невозможной для меня тщательностью оценивать все возможные точки зрения. Резко очерченные мысли классиков начинают сменяться более мягкими и неопределенными...» При этом Николай Александрович ставил себе цель «сознательно примкнуть к той или иной точке зрения или составить свое мнение». Общей стратегической целью своих занятий Н.А. Васильев считает задачу «выработки цельного и полного философского мировоззрения» [Васильев Н.А. Отчет

В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ

о первом году занятий (1907 г.)..., с. 4]. Достижению этой цели, по сути, подчинена вся научная жизнь Васильева, а его логические изыскания несут на себе глубокий отпечаток, вызванный его программной установкой.

Несмотря на довольно значительный философский подтекст, исследования Н.А. Васильева в данный период тяготеют к области психологии. В 1907 г. на Казанских высших женских курсах Николай Александрович читает курс психологии, а в 1908 г. выходит первое издание его лекций [Васильев Н.А. Лекции по психологии..., 1908]. В них освещается широкий круг психологических проблем сквозь призму философского подхода к предмету и методам этой науки. Васильев отстаивает понимание статуса психологии как частной науки, по своим методам (наблюдение, опыт и т.д.) в принципе не отличающейся от других естественных наук [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с.4, 10]. Науки им подразделяются на те, которые изучают действительность («объективные»), и те, которые «строят идеалы» («нормативные»). Так, «логика – идеал мысли, эстетика – идеал чувства, этика – идеал воли и поступков... Психология, – убежден Н.А. Васильев, – должна быть чужда субъективизму нормативных наук, она должна быть наукой объективной (как естественные)» [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с. 14].

Н.А. Васильев останавливается в «Лекциях» на знаменитом высказывании Канта о связи математики со степенью научности от той или иной дисциплины и подчеркивает, что, по крайней мере, относительно естествознания Кант был безусловно прав. Поскольку психология должна стоять в одном ряду с другими естественными науками, то математика может и должна с успехом прилагаться и к ней. В случае математизации психологии для нее «открываются широкие перспективы» [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с.47]. В качестве первого шага в этом на-

правлении Николай Александрович называет закон Фехнера (интенсивность ощущения пропорциональна логарифму интенсивности раздражения), который является «первенцем» точных количественных методов в психологических измерениях.

Критикуя главные психологические направления, Н.А. Васильев замечает, что каждое направление утрирует тот или иной «закон сознания». Так, психология Джемса есть психология максимального единства сознания, психология Вундта – психология внимания, ассоциативная психология исходит из закона памяти, а эмпириокритическая преувеличивает закон психического неравновесия. Ни одна из существующих психологических теорий не устраивает Васильева, всем им присущ общий недостаток – односторонность, и он стремится «профильтровать» все теории, выделить из каждой рациональный осадок. В связи с оценкой достоинств и недостатков ведущих психологических направлений, Васильев высказывает свои суждения о путях достижения истинного знания. «В науках гуманитарных и философских, – писал он, – нет лучшего средства дойти до истины, как анализ и синтез заблуждений. Вот почему в науках общественных такое видное место занимает история общественных учений, в науках философских – история философии» [Лекции по психологии... 1915, с. 59–60]. Что же касается критериев истинности знания – психологического, логического или любого другого, – принятых различными философскими течениями, то все они являются «преувеличенными и односторонними. Истина оказалась заключающейся и в сенсуализме, и в материализме, и в рационализме, и в идеализме, и в реализме» [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с. 60].

Н.А. Васильев резко критикует вульгарно-материалистическое понимание сознания К. Фогтом («мысль нахо-

дится почти в таком же отношении к головному мозгу, как желчь к печени или моча к почкам»). Воззрения, свойственные К. Фогту, достаточно легко уязвимы, а аналогии, проводимые им, согласно Васильеву, просто недопустимы на том основании, что «печень есть материя и выделенная ею желчь тоже материя... Мозг есть материя, а сознание не есть материя...» [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с. 86]. Таким образом, можно заключить, что хотя Васильев, как и было принято в то время среди естествоиспытателей, отождествлял материю как объективную реальность с вещественной ее формой, тем не менее он осознавал принципиальное различие между вне и независимо от человека существующим миром и сознанием, которое нематериально по своей природе и должно быть осмыслено сквозь призму идеального.

Несмотря на то что Н.А. Васильев в своей стихийно сложившейся мировоззренческой позиции придерживался точки зрения материализма и настаивал на признании объективно-реального мира, порой им допускались терминологические небрежности, неточности, но это случалось достаточно редко. Например, он однажды назвал в «Лекциях» предмет «комплексом ощущений» [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1908, с. 93]. Надо полагать, что причину этой неточности необходимо искать в широком распространении новомодной терминологии из эмпирического и вообще из популярного в тот период, субъективно-идеалистического арсенала, против которого боролись сторонники марксизма. Этим неточностям также способствовало довольно-таки узкое и упрощенное истолкование сущности материализма как философского направления, что, впрочем, чуть ли не повсеместно наблюдалось в академических кругах того времени.

Материализм обычно отождествлялся с одной из своих форм в рамках метафизического метода, у Васильева – ча-

ще всего с вульгарным материализмом. «Материализм, – писал он, – грешит тем, что он реальное понимает как материальное, хотя краски, звуки, запахи, мысли и чувства так же реальны, как и все другое в мире... Нельзя из движения бездушных атомов вывести безграничное разнообразие субъективности, нельзя из абсолютно разобщенных атомов понять единство сознания. Нельзя из механических толчков объяснить тот внутренний свет сознания, то отражение его в собственном “я”, в сознании личности. Но, отрицая материализм как теорию, мы должны им пользоваться как могущественным методом изучения зависимости сознания от того неизвестного X, которое мы называем материей» [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с. 87].

Употребляя изредка некоторые выражения из словаря эмпириокритиков, Н.А. Васильев тем не менее отчетливо видит недостатки философских взглядов последних. Рассуждая об «основном вопросе современной теории познания» – о (логической) возможности существования чужой духовной жизни, чужих сознаний, – Васильев особо заостряет внимание на справедливости изречения, что если бы кто-нибудь стал серьезно утверждать, что он лишь один из людей одарен сознанием, то его никто бы не был в состоянии строго логически опровергнуть; но если бы кто-нибудь стал солипсистом всерьез, «то оставалось бы только одно: отправить такого солипсиста в заведение для душевнобольных» [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с. 102].

В «Лекциях по психологии» Н.А. Васильев анализирует широкий спектр философских, по своей сути, вопросов, которые, вместе с тем, представляют принципиальный интерес и для психологии. Так, он критически осмысливает статус пространства и времени в философии Декарта,

Лейбница, Канта, в учении Ньютона. Особенно тщательно он разбирает концепцию Канта. Отдавая должное Канту в том, что он впервые обратил внимание на психологический аспект сознания, Васильев в то же время отвергает кантовский агностицизм, априоризм, называя мысль Канта о трансцендентальной идеальности пространства и времени «мистической идеей» [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с. 146]. Васильев специально останавливается на обсуждении теорий о природе восприятия внешнего мира Юма и Шопенгауэра. Отношение к немецкому философу-идеалисту здесь явно критическое: подмечается тот факт, что Шопенгауэр в теории познания являлся последователем и даже подражателем Канта, заимствовал его учение об априорных формах сознания. Васильев подвергает сомнению правомерность решения Шопенгауэром вопроса о путях построения интеллектом из разрозненных субъективных ощущений образа объективного внешнего мира [Васильев Н.А. Лекции по психологии... 1915, с. 172].

«Лекции» завершаются анализом взаимосвязи и взаимоотношения между «душой и телом». Здесь также критически переосмысливаются позиции многих видных философов – Декарта, Лейбница, Спинозы, Гегеля; вскрываются недостатки и внутренние противоречия теории психофизиологического параллелизма.

Сразу же после выхода в свет «Лекций по психологии» (1908) интересы Н.А. Васильева уже целиком и полностью переносятся в область философии и логики, надолго – почти на десять с лишним лет – вытеснив интересы к психологическим проблемам. И такая перемена в Васильеве в свете его программы, о которой мы узнаем из «Отчета» за 1907 г., выглядит вполне закономерной.

Только в 20-х годах, в период реорганизации историко-филологического факультета Казанского университета,

уже будучи профессором, Н.А. Васильев, как говорилось выше, намеревается вернуться к исследованиям в области психологии и читает психологические курсы.

Занятия психологией позволили Н.А. Васильеву глубже понять механизмы мышления, оценить «законы сознания», увидеть, что они не автономны, не самодостаточны, а теснейшим образом связаны с характером деятельности человека. Осознание этого обстоятельства имело решающее значение для анализа Николаем Александровичем в последующем аристотелевой логики с точки зрения выявления в ней законов двух типов: во-первых, законов, имеющих безусловно эмпирическое происхождение, и, во-вторых, сугубо рациональных законов. Совсем не случайно позже в Камско-Волжской речи от 19 января 1911 г. В.Н. Ивановский назвал Н.А. Васильева «психологистом в логике».

Согласно широко распространенному мнению, психологизм в логике тормозил ее развитие в виде логики математической, но в случае замысла Н.А. Васильева оказался исключительно эвристически насыщенным. Именно во многом благодаря своему психологизму ученому удалось сформулировать идеи «воображаемой логики».

НАЧАЛО ЛОГИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Н.А. ВАСИЛЬЕВА. ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС

Этап подготовительной работы, который Н.А. Васильев связывал с психологией, позади. Согласно программе занятий и исследований, на очереди, логика и философия. Летом 1908 г. Николай Александрович выехал на несколько месяцев в Германию с целью совершенствоваться в этих науках.

Из Германии Н.А. Васильев писал жене, что проделывает огромный объем работы: «...читаю так много, что не успеваю даже переваривать как следует, работаю весь день и к вечеру чувствую себя чурбаном». Однако работа его протекает на фоне тревожных мыслей: Николая Александровича сильно беспокоит эпидемия холеры в Поволжье, о которой он узнал из писем от родных, судьба жены и младенца-сына. Николай Александрович просил соблюдать все меры предосторожности, у него даже возникло желание «бросить все и уехать в Каинки». Но он гнал от себя это желание, поскольку, в случае немедленного возвращения домой, его поездка за границу оказалась бы бесплодной. «...нахожусь поэтому, – писал Николай Александрович, – в самом раздвоенном настроении духа». Успешная работа, приближение к реализации грандиозных замыслов, приобретение уверенности в собственных силах и идеях доставляли между тем удовлетворение.

меть. Относительно других пре-
 ждений к сожалению ^{уже} не могу
 ответить. Мало что буду
 писать доклада в философ-
 ском обществе. Введешь ли
 жал, что в Мал поезде, а в Визе
 преднее заседание к Кр филе пре-
 нужней не могу. Зато переи-
 сываю свои статьи и стараю-
 усь их по Радлаву. За заседание
 не так легко к разному развитию.
 Мало и не поеду на авиацию,
 которой увлекается весь ЦД
 был только на Федора Тока-
 ковича в Гудермеселем.
 Как Казанский дом. Почему
 Кудиль мало писано не пи-
 шет Келье ему поправу

Страница из письма Н. А. Васильева

Полный решимости осуществить задуманные планы,
 Н.А. Васильев все время отдает работе и жизнь Берлина
 видит «только вечером». В одном из писем он делится впе-
 чателениями о главной улице города с «ее толпой, шумом,
 блеском, проститутками, кафе, ресторанами». Впрочем,
 подмечает ученый, Берлин этим вполне похож на все

большие европейские города. К Берлину Н.А. Васильев
 относится довольно-таки равнодушно, ему нравится толь-
 ко «Тиргартен, чудный парк, в котором хорошо и днем
 и ночью и в котором забываешь, что ты в громадном Ва-
 вилоне».

Здание Высших женских курсов

В другом письме Н.А. Васильев писал, что вскоре от-
 правляется в «город, куда приедет отец», где представится
 возможность встретиться со многими русскими товарища-
 ми. Этим городом был Гейдельберг, в котором с 31 августа
 по 5 сентября 1908 г. должен был проходить Третий Меж-
 дународный философский конгресс. Сразу после оконча-
 ния конгресса Николай Александрович намерен вернуться
 в Россию и в последнем письме из Германии пишет, что у
 него созрел «проект», в осуществление которого верится с
 трудом, но который от этого становится еще заманчивее, и
 его еще больше хочется претворить в жизнь. Он просит
 жену встретить его в Нижнем Новгороде, сократив тем са-
 мым время их разлуки, но Николай Александрович огова-

ривает, что реализация этого проекта зависит от того, прекратится ли эпидемия холеры. «Ну и несчастная страна Россия, – восклицает он, – у нас попеременно то неурожай, то холера, то еще что-нибудь третье, и никогда не бывает ни одного благополучного года».

Казанский университет

Вернувшись в Казань, Н.А. Васильев подробно излагает ход Третьего Международного философского конгресса, события и дискуссии описывает в целом беспристрастно, пытаясь представить как можно более полную и объективную картину его работы [Васильев Н.А. Третий Международный философский конгресс... 1909]. Вместе с тем Николай Александрович считает конгресс неудачным в том смысле, что работа многих секций конгресса проходила из рук вон вяло, без каких-либо увлеченных споров, без обмена мнениями, без «искорки», без выдвижения новых оригинальных идей и концепций. Такая оценка отвечала пред-

ставлению Н.А. Васильева о сущности философского знания. Философия понимается им как «спор, спор о мире, состязание разных точек зрения, и таким спором, таким состязанием, только планомерно организованным, должны являться философские конгрессы...» [Васильев Н.А. Третий Международный философский конгресс... 1909, с. 35].

Единственное, пожалуй, исключение из общей скучной картины конгресса составляла дискуссия о прагматизме. Излагая эту дискуссию, Васильев дает свою собственную оценку прагматизму и как бы продолжает спор.

По мнению Васильева, в прагматизме прослеживаются самые разнообразные тенденции развития европейской мысли. Одна из таких тенденций обусловлена традиционным эмпиризмом и позитивизмом английской философской мысли, вернувшейся от философии Гегеля и Канта к философии Юма. На прагматизме сказалось также влияние утилитаризма, поскольку «прагматисты» проделали с пониманием истины то же самое, что «утилитаристы» с нравственностью, – свели ее просто-напросто к пользе. При этом, однако, в прагматизме господствует «динамическое и эволюционное понимание истины... они (прагматисты. – В.Б.) не признают абсолютной, законченной, статической истины, истина, по их мнению, относительна, изменчива, всегда в процессе становления» [Васильев Н.А. Третий Международный философский конгресс... 1909, с. 28]. В прагматизме легко разглядеть и элементы, обязанные влиянию пышно расцветшего в XIX в. волюнтаризма в том плане, что первый воспринял идею примата воли и действия над разумом. Наконец, по мнению Васильева, на содержании прагматизма оставила известный отпечаток шотландская школа здравого смысла. «В прагматизме, – писал Н.А. Васильев, – нельзя не признать... законное дитя современной культуры и неизбежный этап в истории философии. В нем отразился весь практический дух XIX века,

все небывалое развитие опытной науки и техники, ускоренная эволюция человеческих обществ и обостренная борьба за существование среди них, капитализм и психика больших городов... Прагматизм — это техника, которая объявила себя философией, и при этом единственной философией... В прагматизме пропадает, стирается разница между риторикой и наукой, между инструментом и мыслью. Ведь и то и другое лишь рабочие принадлежности. И не есть ли прагматизм только талантливое *reductio ad absurdum* XX века, только карикатура на него?» [Васильев Н.А. Третий Международный философский конгресс... 1909, с. 29].

Н.А. Васильев ищет социально-культурные корни прагматизма, которые уходят в ту питательную почву, что связана с наличием и «величиной» чисто практической жилки у английского и американского народов. Он убежден, что в философии прагматизма рельефно выразился национальный характер англичан и американцев, и это делает совсем неслучайным возникновение такого рода философской системы именно в Америке, «стране практической *par excellence*».

В обществе Народных Университетов в Казани тогда же (в 1909 г.) Н.А. Васильев прочитал публичную лекцию «Прагматизм — философия действия».

В Германии Н.А. Васильев имел возможность общаться с рядом ученых, так или иначе близких к логике или занимающихся логикой, в частности с жившим в Берлине русским логиком Г. Ительсоном. Ительсон интересовался общими вопросами логики, ее предметом и отношением к другим наукам [Васильев Н.А. Третий Международный философский конгресс... 1909, с. 19]. Кроме того, он изучал математическую логику и независимо от А. Лаланда и Л. Кутюра предложил для математической логики название «логистика».

Семья Васильевых

Однажды во время игры в шахматы с Ительсоном Николаю Александровичу, долгое время размышлявшему о природе законов мысли и усиленно обдумывавшему этот вопрос накануне, пришла идея, впоследствии положенная в фундамент воображаемой логики [Васильева Е.С., Васильев Ю.Н., архив автора]. Собственно, понятие воображаемой логики Н.А. Васильев тогда еще не сформулировал (это произойдет в 1911–1912 гг., точнее — в конце 1910 г.), но основные направления критики аристотелевой логики (прежде всего, в плане критики частных суждений и отношений между суждениями различного качества и количества в «логическом квадрате»), необходимость нового деления суждений, введение нового класса суждений, отказа от закона исключенного третьего — обозначились в то время достаточно определенно. Эти положения и образовали каркас неаристотелевой, чуть позже получившей название «воображаемой», логики. Таким образом, переход к новому этапу в программе самообразования и исследований от психологии к логике осуществлялся согласно глубоким внутренним мотивам; он, этот переход, вызрел в процессе интенсивной интеллектуальной работы, явился закономерной стадией в эволюции мировоззрения и научных интересов ученого.

ГЛАВА 6 У ПОРОГА ВООБРАЖАЕМОЙ ЛОГИКИ

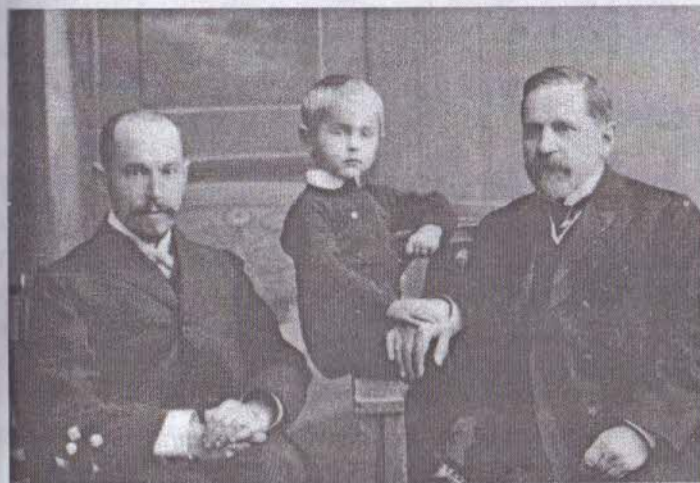
В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» И. Кант охарактеризовал положение современной ему логики словами, что логика со времени Аристотеля не сделала ни одного шага вперед и что она, по всей видимости, кажется наукой вполне законченной [Кант И., 1907, с.9]. Ирония истории часто проявляется в том, что, вскоре после характеристики видным ученым какой-либо науки как «вполне законченной», начинает разворачиваться движение, которое обнаруживает ее незаконченность, незамкнутость, выводит ее на путь обновления и совершенствования. Так произошло и с кантовской оценкой формальной логики. «Сам Кант, – подчеркивал Н.А. Васильев, – способствовал опровержению своего взгляда на логику...»¹ [Васильев Н.А. Логика и металогика. 1912–1913, с. 79].

Едва (конечно, по историческим масштабам) успел Кант написать предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума», в формальной логике зародилось движение, вылившееся, в конечном счете, в ее радикальное преобразование. Ретроспективно окидывая взглядом это движение, Н.А. Васильев в качестве его основных вех отмечает диалектическую логику Гегеля, индуктивную логику Дж. Милля и его критику аристотелевской силлогистики, критику Х. Зигвартом классического учения о модальности суждения и, наконец, разработку математической логики

¹ Здесь Н.А. Васильев имеет в виду учение Канта об антиномиях чистого разума, сыгравших большую роль в разработке диалектической логики Гегеля.

У ПОРОГА ВООБРАЖАЕМОЙ ЛОГИКИ

в трудах Дж. Буля, Э. Шредера, П.С. Порецкого, Дж. Пеано, Г. Фреге, Б. Рассела [Васильев Н.А. Логика и металогика. 1912 – 1913, с. 79; Воображаемая логика. 1912, с. 1; Imaginary... 1924, с. 107]. Будучи прекрасно осведомленным об истории и современном состоянии логики, Н.А. Васильев специально оговаривает условность, «субъективность своего выбора» [Васильев Н.А. Логика и металогика. 1912–1913, с. 80]. В сочинениях Васильева не только упоминаются, но и анализируются, критически оцениваются работы и многих других логиков – А. Пуанкаре и Л. Кутюра, Д. Гильберта и О. де Моргана, У.С. Джемсона и Дж. Венна, Ч. Пирса и У. Гамильтона и т.д.

Н. А. Васильев, Юлиан, А. В. Васильев

Н.А. Васильев видел, что прорыв узкого горизонта традиционной, Аристотелевой, формальной логики шел по ряду направлений.

Во-первых, один из основополагающих законов формальной логики – закон противоречия, требующий отсут-

ствия в последовательном рассуждении утверждения и его отрицания одновременно, т.е. настаивающий на непротиворечивости рассуждения, т.е. критиковался философами, которые работали в диалектической традиции и которые искали в мире осуществленное противоречие и его отражение в человеческом мышлении¹. Среди них Н.А. Васильев называет Н. Кузанского, И.Г. Гамана, Гегеля, Ю. Банзена, А. Мейнонга [Васильев Н.А. *Логика и металогика*. 1912–1913, с. 57, 70].

Н. А. Васильев с женой и сестрой

Остроумной критике подверг закон противоречия и выдающийся польский логик Я. Лукасевич. В 1910 г. вышла в свет его книга и статья, посвященные анализу закона противоречия у Аристотеля. Лукасевич утверждал,

¹ Излагая взгляды Н.А. Васильева на логику и ее историю, его исследования, автор данной книги стремился по возможности ближе воспроизводить оригинальный замысел ученого.

что закон противоречия не может считаться доказанным из-за его якобы прямой очевидности, так как очевидность не является достаточным критерием истинности; «да и не рассматривался этот закон как самоочевидный в истории науки; сомнительно, чтобы можно было доказать статус закона противоречия как естественного закона, детерминированного нашей физической организацией, доказать через определение утверждения или отрицания, а также через определение ложности суждений» (цит. по: [Artuda, 1980, с. 7–8]). Глубоко и метко критикуя закон противоречия, Я. Лукасевич, не предпринял в период выхода указанных публикаций попыток построить логику, свободную от закона противоречия. Свою критику он не подкреплял логической конструкцией, даже в какой-то мере замещавшей ту, к которой предъявлялись претензии или которая исходила бы из альтернативных критикуемых принципов.

Сам Я. Лукасевич вспоминал в 1918 г., что в книге 1910 г. он «пытался показать, что этот принцип (противоречия. – В.Б.) не очевиден, как это кажется. Уже тогда я стремился создать неаристотелевскую логику, но безуспешно... Я доказывал, что помимо истинных и ложных высказываний существуют возможные высказывания, которым соответствует объективная возможность, как нечто третье помимо бытия и небытия. Так возникла система трехзначной логики, которую в деталях я разработал в прошлом году» (цит. по: Воленьский. 2004, с. 143). Я. Лукасевич также особо подчеркивал *практические* истоки своей идеи [Lukasiewicz. 1987, p. 69].

Только в 1920 г. Я. Лукасевич опубликовал работу, посвященную трехвалентной логике, оперирующей тремя значениями истинности и в этом плане идущую дальше логики Аристотеля.

Во-вторых, дедуктивному методу аристотелевой логики противопоставлялся индуктивный метод в работах Ф. Бэко-

на и Дж. Милля. Классическое учение о модальности суждений развивалось Х. Зигвартом и Дж. Венном. Однако самый мощный натиск традиционная формальная логика испытывала со стороны процесса математизации логики, создания математической логики (подробнее см.: [Математика XIX века... 1978; Стяжкин, 1967]. Осуществляя перевод логики на рельсы математических методов и, в частности, проводя алгебраизацию логики, ученые реконструировали древнюю науку в плане придания ей строгости, точности, универсальности, т.е. ключевых достоинств, которые являются отличительными для математики. Тем самым логика качественно обновилась, можно даже сказать – родилась второй раз, приняв новую форму. Процесс математизации науки не случайно начался с логики, ибо логика – самый близкий сосед математики в здании науки.

Дом, где жили Васильевы с начала 1920-х гг.

Возникновение неаристотелевой логики подготавливалось всеми выше обозначенными направлениями, но, прежде всего, это происходило в рамках математической логики. Собственно, сам термин «неаристотелева логика», по-видимому, обрел жизнь в связи с изысканиями в русле развития идей математической логики.

Представление о неаристотелевой логике в начале XX века было самым общим, заключающим в себе указание лишь на абстрактную возможность ее создания. Типичны следующие рассуждения о перспективах открытия неаристотелевой логики из работы П. Каруса «Природа логической и математической мысли» [Carus, 1910], хорошо известной Н.А. Васильеву.

«Аристотелева логика неполна и неэффективна, поскольку описывает самые простые отношения и не распространяется на более сложные формы мысли, хотя в ней доселе и не найдены какие-либо ошибки», – этими словами П. Карус выражал отношение научного сообщества на рубеже XIX–XX вв. к традиционной формальной логике [Carus; 1910, с. 44]. Если постулировано, что человек смертен и Кай – человек, то с необходимостью следует заключение, что Кай смертен. В противном случае это уже не человек, а бессмертное существо, что нарушает закон противоречия. Между тем можно вообразить сказочный мир, который в своей основе закономерен, и в нем не нарушается правило (закон) противоречия. Чисто формальные правила аристотелевой логики также сохраняются. Мельница, так сказать, прежняя, а зерно, поступающее на жернова, новое. Если существует геометрия искривленного пространства, то почему не должна существовать и своего рода «искривленная» логика (curved logic)? Создание такой логики, безусловно, явится исключительным научным открытием, на которое еще не получен патент.

«Какая заманчивая возможность разделить судьбу Римана в области логики!» – восклицал ученый [Carus, 1910, с.45].

П. Карус приводит письма видного логика и философа, предшественника прагматизма, Ч. Пирса, касающиеся этого жгучего вопроса. Прежде чем приступить к изучению алгебры релятивов, как явствует из одного письма, Пирс «немного исследовал» следствия гипотезы о том, что законы логики могут быть отличными от тех, которые были известны к концу XIX в. (К сожалению, Пирс не уточняет конкретных деталей, в данном случае весьма важных.) Принятие такой гипотезы, по его мнению, дает вид неаристотелевой логики. Некоторые аспекты этого исследования и показались Пирсу «занятыми», но он не считал их достаточно существенными для публикации, тем более что общая идея, не сомневался Пирс, очевидна всякому, кто признает, что логика исходит из некоторых «позитивных фактов» и представляет собой чистый формализм. Пирс категорически возражает тому отряду ученых, которые заведомо рассматривали неаристотелеву логику как ложную, как «безумие», вместо того чтобы оценить гипотезу – вполне естественную – как достойную изучения независимо от ее истинности.

В другом письме Пирс пытается пояснить, что он вовсе не исключает продолжение некогда начатых исследований по неаристотелевой логике, по меньшей мере способных привлечь внимание к тем особенностям логики, которые, возможно, до сих пор находятся вне поля зрения. «Однако в свое время я пришел к выводу, что эта линия исследований пока не важна», – замечает Пирс [Carus, 1910, с. 158]. Из этого письма легко установить, что построение неаристотелевой логики связывалось Пирсом с модификацией закона транзитивности.

П. Карус не соглашается с такой постановкой вопроса и подчеркивает, что Пирс понимает под аристотелевой

(и неаристотелевой) логикой нечто отличное от того, что понимается под ними обычно. Кроме того, транзитивность не является правилом аристотелевой логики и никак не может считаться ее центральным положением. Поэтому в контексте размышлений П. Каруса модификация (или даже отказ от) закона транзитивности не может стать отправным пунктом разработки неаристотелевой логики. Путь к неаристотелевой логике только еще предстоит проложить. «Мир стал свидетелем многих открытий, – подытоживал П. Карус. – По телефону можно разговаривать на неограниченных расстояниях, наши современники летают по воздуху подобно птицам (нелишне напомнить, что публикация статьи Каруса состоялась в 1910 г. – В.Б.). Открытие радия поколебало законы физики, но открытие неаристотелевой логики превзойдет все эти достижения...» [Carus, 1910, с. 46].

Н.А. Васильев в своей работе «Значение Дарвина в философии» (1909), следуя мысли Х. Зигварта, утверждал, что учение Дарвина произвело революцию также и в области логики, и оно колеблет сами основы логики. Дело в том, что представления о неизменности всего сущего, господствующие до Дарвина в логике, диктовали необходимость признания неизменности понятий. Незыблемость системы понятий, считал Х. Зигварт, и пошатнула теория Дарвина. Прерывистость понятий заменяется их непрерывностью... Невозможно определить, как ответит логика на эту революцию... Одно ясно: ей придется произвести коренные изменения в своей области. Н.А. Васильев, вслед за Х. Зигвартом, об этих грядущих изменениях говорил с воодушевлением, хотя, наверное, и не предполагал, что станет их автором.

Анализ научного наследия и творчества Н.А. Васильева в целом позволяет назвать те эвристические предпосылки,

которые выступили своего рода катализатором в процессе создания воображаемой логики. Это:

1) логика релятивов Ч. Пирса, знакомство с которой зародило у Н.А. Васильева убеждение в «неединственности» аристотелевой логики;

2) поэзия в духе символизма, для которой характерна тема «других миров» и наделение этих миров Н.А. Васильевым в своей поэзии противоречивыми свойствами;

3) психологизм ученого, который обосновывал допустимость неаристотелевой логики устройством психики и восприятия, смыслом и природой отрицания в воображаемых мирах;

4) идеи Ч. Дарвина, которые, как утверждал Хр. Зигварт (и Н.А. Васильев особо подчеркивал эту мысль), имеют непреходящее значение и для логики и заставляют перейти от истолкования понятия как статичного образования к анализу его динамики – анализу, предполагающего отличную от аристотелевой логику;

5) аналогия с методом создания неевклидовой геометрии, которую осознанно и преднамеренно использовал Н.А. Васильев при создании своей логики; он специально отмечал, что воображаемая логика создана путем применения «метода воображаемой геометрии».

Несмотря на то что по вполне понятным причинам представление о неаристотелевой логике было на рубеже XIX–XX вв. смутным, а ожидание, связывающееся с ее построением, – многообещающим, атмосфера в науке в общем-то, казалось, была подготовлена для ее восприятия. Тем не менее появление осевых идей неаристотелевой логики и путь к признанию их научного статуса оказались сложнее, противоречивее, чем все это рисовалось в сознании тех, кого привлекали горизонты новой логики и кто, приближая ее создание, пытался заглянуть в буду-

щее, – тех ученых, чьи имена вписаны в ее предысторию. Реальная история неаристотелевой логики начинается свой отсчет с 18 мая 1910 г., когда в своей пробной лекции в Казанском университете Николай Александрович Васильев дал сжатое изложение своей оригинальной концепции неаристотелевой логики. До этого момента реформа традиционной формальной логики не носила радикального характера, поскольку, по сути, сводилась к усовершенствованию «старой» логики. Н.А. Васильев «не хотел ограничиться некоторыми усовершенствованиями старой логики, а пытался посмотреть, не возможна ли новая, совершенно иная логика, с иным предметом и иным логическим миром... Уже сама постановка этого вопроса Н.А. Васильевым заслуживает внимания любого исследователя русской логической мысли», – писал П.В. Копнин еще в 1950 г. [Копнин, 1973, с. 405].

ГЛАВА 7
«РИСКУЮ... ПОДПАСТЬ
ПОД ОБВИНЕНИЕ
В ЛОГИЧЕСКОЙ ЕРЕСИ»

Дата рождения новой логики оказалась точно и надежно зафиксированной в истории науки благодаря тому, что пробная лекция, предшествующая зачислению Н.А. Васильева в приват-доценты Казанского университета, составила основу для статьи «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого», изданной в «Ученых записках императорского Казанского университета», а также в виде отдельной брошюры в том же 1910 г. [О частных суждениях..., 1910]. Реферативное изложение этой статьи приведено в обоих последующих обширных публикациях, развивающих авторскую концепцию [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева) логика, 1912, с. 235–236; Логика и металогика, 1912–1913, с. 58–60].

Первая логическая публикация Н.А. Васильева посвящена, главным образом, изложению формального аспекта создаваемой им теории, закладке ее фундамента. Здесь еще не используется понятие воображаемой логики и связанные с ним весьма важные представления; еще отсутствует обстоятельный анализ закона противоречия и не провозглашается необходимость отказа от этого закона, что займет центральное место в исследованиях Васильева чуть позже (хотя здесь подробно анализируется и объявляется неверным закон исключенного третьего); почти полностью опущена философская сторона новой теории, которой впоследствии ученый уделял пристальное внимание. Сосредо-

точение в первой статье на формальном аспекте, по-видимому, можно объяснить горячим желанием автора качественно новой идеи в логике скорее исследовать ее следствия. Не исключено, впрочем, что содержательное осмысление логических построений просто не умещалось в рамки допустимого объема статьи.

О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого¹⁾.

Въ логикѣ давно уже стало традиционнымъ и несомнѣннымъ дѣленіе сужденій по количеству на общія, частныя и единичныя. Это дѣленіе освящено для насъ и авторитетомъ Канта.

Но единичныя сужденія, какъ справедливо указалъ Кантъ, для логики не отличаются отъ общихъ и противопоставляются частнымъ. Остается дѣленіе на общія и частныя, которое вмѣстѣ съ перекрестнымъ дѣленіемъ по качеству на утвердительныя и отрицательныя даетъ 4 традиціонныя формы: общеутвердительное А, общеотрицательное Е, частноутвердительное I, частноотрицательное О.

Въ связи съ этимъ дѣленіемъ въ логикахъ обычно помѣщается квадратъ противоположностей, ученіе объ обращеніи сужденій (*conversio*), теории, которыя восходятъ къ Аристотелю и ни въ комъ не возбуждаютъ сомнѣнія.

Въ логикѣ XIX вѣка замѣчается глухая оппозиція противъ этого дѣленія, не идущая, правда, до его рѣшительнаго отрицанія.

Такъ Гамилтъонъ, введя квантификацію связуемаго, получаетъ не 4, а 8 видовъ. Де Морганъ, употребляя по примѣру Аристотеля отрицательныя термины, получаетъ тоже

¹⁾ Настоящая статья представляет из себя содержание пробной лекции, читанной автором в Казанском Университете 18 мая 1910 года, в несколько расширенном виде.

Н.А. Васильев начинает изложение своей концепции с констатации того, что уже в логике XIX в. замечается глухая оппозиция против традиционного деления суждений по количеству на общие, частные и единичные – деления, освященного авторитетом И. Канта. Эта оппозиция вместе с тем не идет до решительного отрицания принятого деления, теснота которого ощущалась многими видными логиками. Все попытки усовершенствовать традиционное деление выливались лишь в придание ему новой формы. Камень преткновения между тем, согласно Н.А. Васильеву, лежит в истолковании частных суждений.

Частные суждения «некоторые S суть (или не суть) P» (где S – субъект суждения, т.е. та часть суждения, которая относится к предмету мысли, выраженной в суждении; P – предикат суждения, т.е. то, что утверждается (или отрицается) относительно субъекта) двусмысленны по той причине, что слово «некоторые» допускает двойное истолкование: 1) некоторые, а может быть и все; 2) некоторые, но не все, только некоторые [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910, с. 5]. Н.А. Васильев показывает, что научное и общеразговорное употребление слова «некоторые» фактически совпадают: говоря «некоторые», понимают «не все». Однако логики упорно придерживаются первого истолкования и нередко смешивают в своих работах оба смысла «некоторые».

Обычное частное суждение логиков: «Некоторые, а может быть и все, S суть P» – есть не что иное, продолжает Васильев, как неопределенное предложение Аристотеля. Аристотель задавался целью классифицировать грамматические формы предложений, но, «руководствуясь грамматической путеводной нитью... открыл логическое деление суждений» [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910, с. 9].

Неопределенное суждение двойственно, поскольку оно, в сущности, заключает в себе два утверждения, когда «все S суть P» и когда «только некоторые S суть P». Одно утверждение исключает другое. Поэтому неопределенное суждение отражает не более чем субъективное колебание между общим и частным суждениями, невозможность осуществить выбор между двумя гипотезами, выраженными в форме общего и частного суждений, и не может быть поставлено в одну линию с ними. С неопределенных суждений начинается процесс познания, «они материал, из которого создается наука, но не сама наука, эскизы научной картины мира, но не сама картина» [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910, с. 12]. Неопределенные суждения задают научную проблему, но не фигурируют в качестве ее решения. Можно ли представить себе геометрическую теорему, спрашивает Васильев, в форме «некоторые, а может быть все, S суть P»? Неопределенные суждения являются проблематическими.

Анализ частных суждений должен выяснить, что мыслится, когда утверждается: «Не все, только некоторые S суть P». Утверждая, что «некоторые S суть P», мы в то же время подразумеваем, что «некоторые S не суть P». Частноотрицательное суждение «некоторые люди не гении» неявно предполагает, что частноутвердительное – «некоторые люди – гении». Частноутвердительное и частноотрицательное суждения (они обозначаются соответственно I и O) графически представляются одной диаграммой, т.е. высказывают одно и то же отношение между понятиями (рис 1). При этом первое обращает наше внимание на заштрихованную часть S, а второе – на незаштрихованную часть S. Это не два разных суждения, а одно, которое имеет утвердительную и отрицательную формы.

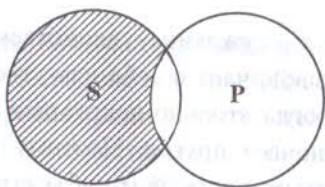

Рис. 1

Нетрудно найти для частного суждения такую форму, рассуждает Васильев, в которой бы и I и O выражались бы в явном виде. В частных суждениях, пишет ученый, я зараз мыслю о всех S, мыслю, что некоторые из них суть P, а некоторые не суть P, т.е. что «все S или суть P или не суть P» [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910, с.17]. Таким образом получена дизъюнктивная форма частного суждения, которая может быть скоординирована с общеутвердительными и общеотрицательными суждениями (обозначаются соответственно A и E). Она фактически означает, что предикат P для субъекта S есть нечто случайное, что он может быть, может и не быть у любого из S. Так, для понятия «человек» предикат «блондин» есть нечто случайное, что и выражается частным суждением «некоторые люди блондины». По этой причине частное суждение правильнее называть акцидентальным, или так называемым частным, ибо в действительности оно общее. Его можно обозначить буквой M.

Надо различать акцидентальное и проблематическое суждения. Внешне они схожи, но акцидентальное суждение не отражает колебания между двумя гипотезами, не заключает в себя два противоречащих утверждения, а есть вполне законченное знание о том, что предикат P не исключается, но и не требуется природой субъекта S. Предикат «блондин» совместим, но не обязателен для понятия «человек».

Различие между акцидентальным и проблематическим суждениями заключается и в том, что первое в качестве субъекта всегда имеет понятие и выражает «вневременное» и «внепространственное» правило, а второе всегда относится к фактам, имеющим «пространственно-временной» характер. Поэтому суждения «люди могут быть блондинами», «в зимние дни может пойти снег», несмотря на внешнее сходство с проблематическими суждениями, вовсе не являются таковыми. Напротив, суждения «Иван Иванович, может быть, блондин», «завтра пойдет снег», будучи суждениями о факте, являются суждениями проблематическими.

Таким образом, частные суждения могут быть представлены в двух формах: «Все S суть P или не суть P» – дизъюнктивной, или: «S может быть P» – акцидентальной, причем всюду субъект берется в полном объеме, в том числе и в частных суждениях. «Каким бы парадоксальным ни казался этот вывод, как ни идет он вразрез с учением всех предшествующих логиков, он, – убежден Васильев, – верен. Нет частных суждений. Все суждения относительно понятий суть суждения общие» [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910, с. 20].

Основой для формулировки акцидентального суждения служит неопределенно-числовое суждение «несколько S суть P». Опыт показывает, что «несколько S суть P», а «несколько S не суть P», откуда можно заключить в форме акцидентального суждения, что все, подпадающее под понятие S, есть P или не P. Два неопределенно-числовых суждения, синтезируясь в уме, дают новое – акцидентальное – суждение. Это, по сути, индуктивный процесс перехода от факта к правилу, от конкретного к абстрактному.

Понимание индукции как перехода от частного к общему, по Васильеву, неточно и было выработано логиками

под гипнотическим воздействием науки XIX в. – века, озаглавленного «гонимое на общее». Успехи эмпирической науки, бесконечные скопища отдельных фактов, к которым якобы сводится наука, – по словам Н.А. Васильева, – внушили и логикам мысль, что частное есть первоначальная форма нашего знания.

Может быть, самый замечательный логик прошлого столетия (Дж. Милль. – В.Б.) стал учить, что всякий вывод совершается от частного к частному, основываясь, между прочим, на том, что один красильщик, «славившийся составлением отличных красок», «мог отмеривать вещества, в которых заключался секрет составления красок только горстями», и не мог сообщить «общее правило его особого способа производства». «Я думаю, – иронизирует Васильев, – что Милль мог подобрать еще более эффектные примеры заключений от частного к частному из профессий балерин, акробатов, фехтовальщиков и борцов» [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910, с. 24]. В реальности же эмпирическое знание состоит из суждений о фактах, представляющих собой единичные суждения, и их правил, которые все общие. Рациональное (неэмпирическое) знание всецело состоит из правил, т.е. оно также всегда формулируется через общие суждения. Пример математики, по мнению Васильева, особенно отчетливо демонстрирует непригодность частного суждения в его традиционной форме для целей научного познания. Ни алгебра, ни анализ, ни геометрия не знают частных суждений и частного знания. Никогда геометр не скажет: «Некоторые линии суть ломаные», а скажет: «Линии бывают прямые или ломаные, или кривые».

Основным делением суждений, следовательно, надо считать деление на суждения о фактах и на суждения о понятиях, у которых «совершенно различная логика» (сказанное относится и к единичным суждениям).

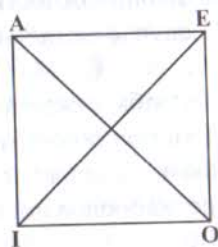

Рис. 2

Согласно учению традиционной логики, противные суждения могут быть оба ложными, но не могут быть оба истинными; противоречащие суждения не могут быть оба истинными, но и не могут быть оба ложными; подпротивные суждения могут быть оба истинными, но не могут быть оба ложными; из истинности подчиняющего суждения (А, Е) следует истинность подчиненного (но не наоборот), а из ложности подчиненного (I, O) следует ложность подчиняющего. Это соотношения в рамках «логического квадрата» (рис. 2).

Н.А. Васильев выражает удивление, что эти правила почему-то ни у кого не вызывают сомнения, хотя для суждений о понятиях верно только первое, остальные неверны. Например, правило относительно противоречащих суждений. Конечно, ясно, что они не могут быть оба истинными, но они также могут быть оба и ложными. Два суждения: «Все треугольники имеют сумму углов 360 градусов», «Некоторые треугольники не имеют сумму углов в 360 градусов» – находятся в отношении противоречия, но они оба ложны. Последнее суждение, как было выяснено чуть выше, включает в себе также смысл, что существуют некоторые треугольники, которые имеют сумму углов в 360 градусов, а это «явная нелепость». Кроме того, между

И и О нет никакой противоположности: они слиты в одном суждении М. В этом случае остальные пары противоположностей (А, Е; А, М; Е, М) подчинены одному единственному правилу: оба суждения не могут быть истинными, но могут быть оба ложными. Стало быть, отношение между суждениями о понятии выражается с помощью «треугольника противоположностей» (рис. 3).

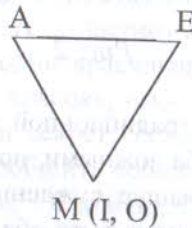

Рис. 3

Что касается «квадрата противоположностей», то он отражает отношение между общими и неопределенными и (или) неопределенно-числовыми суждениями. Квадрат верен в том случае, когда слово «некоторые» употребляется в смысле «некоторые, а может быть и все, S суть P».

Для суждений о фактах остается справедливым закон исключенного третьего; для суждений о понятиях необходим закон исключенного четвертого, поскольку ложность двух суждений в треугольнике влечет истинность третьего. Вообще закон исключенного третьего чаще других логических законов подвергался обсуждению и вызывал наиболее резкие разногласия. «Между тем закон исключенного третьего должен быть совершенно удален из скрижали законов мысли, — провозглашает Н.А. Васильев и продолжает: — Я, конечно, рискую, утверждая это, подпасть под обвинение в логической ереси или даже в чем более худшем, что, конечно, страшно для всякого, а тем более для

начинающего, но моя логическая совесть не позволяет мне мириться с этим “законом мысли”» [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910, с. 41].

Любой предикат может тройко относиться к любому субъекту (понятию): либо он для него необходим (тогда получается утвердительное суждение), либо невозможен (отрицательное суждение), либо возможен (акцидентальное суждение). Констатация того, что одно из этих суждений должно быть истинно, а четвертого образовать нельзя, и есть закон исключенного четвертого, естественным образом вытекающий из «треугольника противоположностей». Закон исключенного третьего применим только к фактам, к реальности.

Брошюра (статья) Н.А. Васильева «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого», несмотря на свой сравнительно небольшой объем, дает абрис новой логики. В ней в достаточно компактном виде содержатся многие ключевые положения неаристотелевой логики Н.А. Васильева — деление суждений на суждения о понятиях и о фактах; причем каждый вид деления подчиняется особой логике: в первом случае имеет место закон исключенного третьего; новое понимание частных суждений, которое также предполагает их отличную от традиционной классификацию.

Первая логическая публикация Васильева не осталась незамеченной научной общественностью. Так, С.И. Гессен благоприятно отозвался о ней в рецензии, помещенной в журнале «Логос» за 1910 г. [Гессен, 1910]. Несколько сокращенный и пересмотренный вариант этой рецензии помещен в газете «Речь» за 11 (24) октября 1910 г. [Гессен С.И. 1910]. С.И. Гессен замечает, что требование реформы традиционной формальной логики стало почти тривиальностью, но никто (кроме Х. Зигварта) не пытался «на детальной и имманентной» критике показать ее несо-

стоятельность, «никто не решался на столь кропотливый и неблагодарный труд» [Гессен, 1910, с. 3]. Заслуга Н.А. Васильева – в проведении именно такого рода критики, такого труда, причем «ясность и резкость изложения мысли делают чтение брошюры Васильева легким и интересным» [Гессен, 1910, с. 288]. Пересказывая ход рассуждений, рецензент отдает должное остроумным аргументам и доказательствам автора, но упрекает его за то, что, несмотря на постановку новой логикой важных философских проблем, последние не получают в брошюре сколько-нибудь развернутого освещения. «Как ни важна детальная критика формальной логики, истинно плодотворной сможет она быть только в том случае, если будет показана связь формально-логических проблем с гносеологическими и метафизическими», – писал С.И. Гессен. В последующих работах Н.А. Васильев, как мы увидим, уделял большое внимание философской стороне разрабатываемой им логики.

Наряду с положительным отзывом на статью (брошюру) Н.А. Васильева появился отзыв иного рода [Смирнов К.А., 1911]. Характер возражений рецензента (К.А. Смирнова) недвусмысленно говорит о том, что он не вник, не понял аргументацию Васильева, и потому превратно истолковал большинство положений его работы. Ответ Николая Александровича Рецензенту содержится в статье «Воображаемая (неаристотелева) логика» [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева) логика, 1912, с. 236–237]. Н.А. Васильев убедительно показывает, что в своей критике рецензент исходит из неверного понимания его идей, вольно обращается с ними, нередко искажая их действительный смысл и впадая в противоречие с собственными же утверждениями.

Так, К.А. Смирнов считает акцидентальные суждения относящимися то к фактам, то к понятиям, и обвиняет

и смешении Васильева (тогда как сам Васильев относил их только к понятиям); он обвиняет Васильева в отождествлении суждений о понятии с правилами, но затем, напротив, – в разграничении суждений о понятии от правил. Или, например, К.А. Смирнов критикует Васильева за высказывание, которое настолько вольно преобразовано рецензентом, что он начинает воевать с созданием собственной фантазии.

Видный русский логик Н.О. Лосский, обсуждая проблему частных суждений, говорит, что «доводы Н.А. Васильева развиты очень остроумно и содержательно», но, не утруждая себя пояснениями, полагает, что они «недостаточны, чтобы отступить от учения классической логики...» [Лосский Н.О., 1922, с. 154]. И.И. Лапшин считал, что Н.А. Васильев написал «остроумнейшую работу», но возражал против того, чтобы приписать слову «некоторые» какую-то еще якобы подразумеваемую мысль «об остальных» (цит. по: [Лосский Н.О., 1922, с. 154]).

При характеристике первой логической статьи Н.А. Васильева нельзя не сказать о следующем, пока не нашедшем должного объяснения, факте. В 1913 г. в одном из французских журналов философско-этической ориентации появилась небольшая по объему публикация С. Гинзберга [Ginsberg, 1913], содержание которой – и по идеям, связанным с критикой частных суждений, и по характеру аргументации – весьма схоже со статьей «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей и о законе исключенного четвертого». Ссылок в статье С. Гинзберга на указанную работу казанского автора не имеется. Статья очень короткая, и поэтому трудно делать какие-либо выводы о факте совпадения, но сам факт достаточно удивителен. Тем более что, насколько известно, дальнейших публикаций С. Гинзберга, продолжающих тему критики тра-

диционного понимания частных суждений, не последовало (см. также: [Стяжкин, 1967, с. 425]).

Во второй половине 1910 г. Н. А. Васильев упорно работает над развитием идей неаристотелевой логики. О том, насколько интенсивно шла эта работа и каков был прогресс, можно судить по степени изменения – обобщения, усовершенствования и углубления – тех положений, которые были высказаны в его первой статье по воображаемой логике. Было введено понятие воображаемой логики, развита концепция множественности логических систем, критика основных законов формальной логики распространена на закон противоречия и т.д.

Пробная лекция 18 мая 1910 г. в сжатом виде воспроизводила результаты исследований Н.А. Васильева. Возможность сделать обстоятельный доклад о далеко продвинутых вперед исследованиях представилась 13 января 1911 г. На 150-м заседании Казанского физико-математического общества¹. В тот день газета «Казанский телеграф» сообщала: «Предметом заседания послужит доклад Н.А. Васильева “Неевклидова геометрия и неаристотелева логика”».

Современники Васильева вспоминали, что заседания Казанского физико-математического общества, как правило, собирали весьма узкий круг заинтересованных членов общества. Но 13 января 1911 г. на нем присутствовало непривычно большое число слушателей: 20 членов общества и 100 «посторонних лиц» [Известия Казанского физико-математического общества, 1911, с. 4].

Газета «Камско-Волжская речь» от 16 января 1911 г. подчеркивала, что ситуация, с которой столкнулся докладчик по ходу прений, сильно напоминала ситуацию, в кото-

¹ Заметим, что В.В. Морозов ошибочно указал 1913 г. [Морозов В.В., 1973].

рой Н.И. Лобачевский открыл неевклидову геометрию. Как известно, Лобачевский отверг знаменитый пятый постулат Евклида и построил геометрию без этого постулата, причем в результате получилась внутренне непротиворечивая геометрическая система. Н.А. Васильев предпринял аналогичную попытку отбросить один из основных законов аристотелевой логики – закон противоречия, всегда принимавшийся за своего рода аксиому. Оказалось, отмечала эта газета, что без закона противоречия также получаются «вполне стройные и замкнутые системы, т.е. аристотелева логика является одной из возможных, равно “истинных” логик» [Камско-Волжская речь, 16 января, 1911, с. 5].

С одной стороны, говорил Н.А. Васильев в докладе, закон противоречия есть логическая тавтология, но с другой – он обладает глубоким смыслом как эмпирическое обобщение. Действительно, в нашем повседневном опыте мы привыкли различать противоположные утверждения. Закон противоречия и закрепляет несовместимость утверждения и отрицания для одного и того же объекта в один и тот же момент тех или иных признаков. Таким образом, подобно тому как евклидова геометрия имеет эмпирическое обоснование черезчувственно «очевидный», казалось бы, пятый постулат, так и логика получает свое эмпирическое обоснование посредством закона противоречия.

Если отбросить закон противоречия, то наряду с утвердительными и отрицательными по качеству суждениями становится возможным ввести еще один, отличный от упомянутых, вид суждения, который Васильев назвал индифферентным (неопределенным). Для логики, которая оперировала бы тремя видами суждений, нужен уже не закон исключенного третьего, а закон исключенного четвертого. В том случае, если представить себе выполнимость еще какого-нибудь варианта отношения между субъектом и предикатом суждения, то можно получить логику с че-

тырьмя качественно различными видами суждений, а в этой логике будет иметь силу уже закон исключенного пятого. Таким образом, делал заключение Васильев, возможны логики двух, трех, четырех и т.д. измерений, как, впрочем, вполне мыслима и логика лишь с одними утвердительными суждениями.

В своем докладе Николай Александрович обсуждал и особенности воображаемого мира, в котором, в отличие от того мира, к которому мы привыкли, действует логика не двух, а трех измерений. В нашем мире допустимы только «положительные» ощущения, но если вообразить наличие еще и «отрицательных» ощущений, то такой мир потребует логики уже трех измерений.

В «Камско-Волжской речи» от 16 января 1911 г. отмечается, что доклад Н.А. Васильева был заслушан «с глубочайшим вниманием». Вместе с тем «при общем сочувствии сообщение докладчика вызвало у слушателей и целый ряд сомнений, недоумений и “благодаря некоторым недостаткам изложения – недоразумений”. Все это вылилось в оживленные, затянувшиеся почти до полуночи прения, в которых приняли участие Д.Н. Зейлигер (председествовавший на собрании), В.Н. Ивановский, А.В. Васильев, А.П. Котельников, М.Э. Ноинский, А.О. Маковельский, С.М. Юрьев и др.».

После доклада Н.А. Васильева развернулась дискуссия, которая во многи подогревалась тем, что в докладе сохранились необычные, с точки зрения норм рассуждений и доказательности, принятых не только в традиционной (классической) формальной логике, но и во всей классической науке, положения. Обладают ли эти положения какой-либо познавательной ценностью, или они представляют собой лишь плод логически изощренного ума? Вот какой вопрос волновал собравшихся; «призрак» этого вопроса так или иначе, в явной или неявной форме, находился на

заднем плане чуть ли не всех выступлений, в которых порой проскальзывало то удивление, то недоумение, то непонимание или даже скрытый протест.

В изложении доклада Н.А. Васильева в «Камско-Волжской речи» от 19 января между тем подчеркивалось, что слушатели если и не смогли живо представить, то, во всяком случае, сумели почувствовать глубину выводов докладчика, Большинство слушателей ясно отдавали отчет в том, что, в сущности, Н.А. Васильев является автором «логического открытия». Идея о логике без закона противоречия показалась им в то же время настолько простой и очевидной, что дискуссия развивалась не столько вокруг факта логического открытия, сколько «о частностях или оценке выводов докладчика».

Известный философ профессор В.Н. Ивановский, открывший прения, высоко оценил тонкий и остроумный анализ Васильевым закона противоречия. Этот анализ, по его мнению, стал возможен только в контексте особого – в известном смысле психологического – подхода к истолкованию природы логического знания, которая рассматривалась докладчиком в одном ряду с другими естественными науками, покоящимися на некотором эмпирическом базисе. Подобно тому, замечал Ивановский, как Лобачевский вскрыл эмпирическое происхождение геометрических аксиом, которые интерпретируются ныне как далеко идущее обобщение опытных данных, так и исследования Н.А. Васильева проливают новый свет на эмпирическую природу законов логики.

Мысль о том, что Николай Александрович руководствуется психологическими соображениями в своих логических изысканиях, вполне естественная, поскольку ранее его знали именно как психолога: всего несколько лет минуло с момента чтения им лекций по психологии на Высших женских курсах, с момента публикации этих лекций.

Эта мысль была поддержана профессором А.В. Васильевым, который выразил убеждение, что докладчик, по сути, говорил даже не о «воображаемых логиках, а о воображаемых психологиях».

Н.А. Васильев на выступление отца поспешил возразить, что логика изменяется как система определенных правил мышления, хотя при этом некоторая часть содержания логики остается неизменной. Эта часть имеет общее значение, она сохраняется для всех разновидностей логик. Она, эта часть, внеопытна, и по аналогии с метафизикой (учение о вневещественных, умопостигаемых основах бытия. – В.Б.) Н.А. Васильев предлагает назвать ее металогикой. В то же время изменение логики все же связано с изменениями психологии (при условии признания, разумеется, наряду с «положительными» ощущениями и «отрицательными»), а не исключено, делает предположение Н.А. Васильев, что и физики.

Крупный механик и математик профессор Д.Н. Зейлигер возразил против термина «воображаемая логика», применяемого по отношению к логике неаристотелевой. Аристотелева и неаристотелева, да и вообще все мыслимые, возможные логики, должны быть равноправными, равно реальными либо же, очевидно, нереальными. Следовательно, или обе логики – аристотелева и неаристотелева – воображаемы, или же обе они «реальны».

Аудитория оказалась единодушной в том, что кардинальное возражение идее Н.А. Васильева сделал видный математик и механик профессор А.П. Котельников, который рассуждал следующим образом. Докладчик, говорил А.П. Котельников, переходит от привычной нам логики двух измерений к логикам иных измерений, в которых законы нашей, Аристотелевой, логики теряют силу. Тем не менее он судит об этих необычных логиках с позиций при-

вычной нам логики: он излагал не нашу логику, а ведь мы его поняли. Как же это объяснить?

Данное замечание, по-видимому, было вызвано, в первую очередь, тем, что Н.А. Васильев в своем выступлении недостаточно заострил вопрос о значении металогик, аккумулярующей в себе то общее, которое присуще всем без исключения логикам; недостаточно его осветил.

А.О. Маковельский, приват-доцент кафедры философии, внес в ход прений новый элемент, связанный с тем обстоятельством, что если допустима логика только с одними утвердительными по качеству суждениями, то должна быть и логика только с одними отрицательными суждениями.

Н.А. Васильев разъяснил, что всякое отрицание предполагает наличие утверждения, что отрицание, по сути, уже является следствием, так как устанавливает несовместимость с определенным объектом утверждения. И утверждение, и отрицание являются альтернативами по отношению к некоторому объекту, и в процессе рассуждения между ними совершается выбор. В.Н. Ивановский эту мысль Н.А. Васильева поддержал: из одних отрицательных суждений нельзя сделать какое-либо заключение и тем более невозможно составить какую-либо новую логику.

В заключительном слове Д.Н. Зейлигер не удержался, чтобы еще раз не провести аналогию между результатами Н.И. Лобачевского и Н.А. Васильева, особо обратив внимание на тот факт, что метод Лобачевского, доказавший свою исключительную плодотворность в математике, в новой области – в логике – вновь продемонстрировал свою мощь.

Однако достаточно популярное переложение «Камско-Волжской речью» нетривиальных логических и философских идей, высказывавшихся участниками заседания Казанского физико-математического общества, содержало,

как выяснилось чуть позднее, некоторые неточности. Так, А.О. Маковельский счел, что воспроизведение в газете его выступления искажает его реальный смысл.» Камско-Волжская речь» публикует текст письма А.О. Маковельского, в котором он восстанавливает действительное содержание его возражения, хотя, как заметила редакция газеты, участники дискуссии на заседании защищали именно ту версию А.О. Маковельского, которая была изложена газетой ранее.

Точное содержание своего возражения А.О. Маковельский видел в том, что если наряду с утвердительными и отрицательными суждениями ввести суждения иного качества, скажем индифферентные, что и предпринимал Н.А. Васильев, то открывается перспектива не только логик одного, двух и т.д. измерений, а сразу целого ряда их – логик только с одними утвердительными, одними отрицательными, одними индифферентными и другими суждениями; короче говоря, п логик одного измерения. «Чем обусловлен выбор одной из группы логик одного и того же измерения?» – задавался вопросом А.О. Маковельский в «Камско-Волжской речи» от 22 января. В частности, на каком основании при построении воображаемой логики с одним родом качества суждений отдается предпочтение утвердительным суждениям перед остальными видами? Логическое утверждение и отрицание коррелятивны. Нельзя, отвергнув одно из них, оставить неизменным другое.

Если и должна быть построена логика одного измерения, то в ней будут не утвердительные суждения, но особый вид предципирования, – именно бескачественное предципирование. Где нет качественного различия суждений, там нет утвердительных суждений.

А.О. Маковельскому на следующий день в этой же газете ответил В.Н. Ивановский. По его мнению, построить логику с одними отрицательными суждениями невозможно

по той причине, что всякое отрицательное суждение предполагает предварительное утвердительное. Отрицательные суждения могут быть только вторым по счету типом. Кроме того, ряд отрицательных суждений не дает никакого вывода и не может служить орудием познания. От А.О. Маковельского ускользнула, по-видимому, та мысль, подчеркивал В.Н. Ивановский, что типы *качественно разнородных суждений* представляют собой не просто ряд соподчиненных понятий, а *некоторую систему*, в которой есть внутренние отношения.

Уже одно то, что газета, рассчитанная на читателей, в основном далеких от науки, а тем более от логики, сочла необходимым опубликовать изложение доклада Н.А. Васильева и дискуссии по нему (не упоминая о самом ходе прений по докладу, о необычно большом количестве участников заседания Казанского физико-математического общества), говорит в пользу того, что логические идеи Н.А. Васильева вызвали широкий резонанс у научной общности Казани независимо от тех интересов, которые были присущи каждому отдельному ученому. Понятно, что интерес к его сообщению в значительной степени подогревался достаточно прозрачной аналогией с трудами Лобачевского.

Несмотря на большое число «сочувствующих» пионерским идеям Н.А. Васильева, заинтересованных ими, но тех, кто подхватил и стал бы развивать эти идеи, кто стал бы последователем ученого, его единомышленником, по тем или иным причинам не нашлось. Слишком нетривиальными были эти идеи, слишком не вписывались в общезначимое содержание классической науки, слишком резкой перемены стиля мышления требовали, слишком, наконец, неясные горизонты открывали... Причем наиболее трудно воспринимаемой оказалась, как и следовало ожидать, именно новаторская суть идей Н.А. Васильева.

Характерна в этом смысле реакция рецензента основного отдела учебного комитета Министерства народного просвещения Э. Радлова на «Отчет» Н.А. Васильева о его заграничной командировке (1912 г.)¹. Рецензент особо тщательно и подробно останавливается на двух главных вопросах, нашедших отражение в «Отчете», – о частных суждениях и о воображаемой логике. «Первый вопрос поставлен г. Васильевым, – писал Радлов, – довольно удачно ввиду того, что в различных логических сочинениях этим суждениям придается различное толкование; поэтому естественно задаться вопросом, какое из толкований считать правильным... Второй вопрос, о воображаемой логике, к которому г. Васильев пришел путем сопоставления с воображаемой геометрией (Лобачевского), нам представляется неудачно поставленным, и если воображаемая геометрия представляет действительное расширение поля математики, то вряд ли то же самое можно сказать и о воображаемой логике г. Васильева. Васильев полагает, что открыл новую категорию суждений, которые он назвал индифферентными и которые не принадлежат ни к группе утвердительных, ни к группе отрицательных». Не убежденный доводами Васильева, рецензент высказал опасение, что «на этом пути его (Васильева. – В.Б.) ждет разочарование, а не научные открытия [РГИА РФ, фонд 733, оп. 155, д. 385, л. 186]. Ведь, по его мнению, свою воображаемую логику Н.А. Васильев оправдывает законами аристотелевой, или, иначе говоря, «общечеловеческой», логики. Таким образом, считает рецензент, последняя оказывается основой

¹ Автором данной книги было установлено, что имеется в виду «Отчет за 1911–1912 гг.» [Отчет приват-доцента...], который был написан по истечении года пребывания ученого за границей. Рецензентом описывается и структура «Отчета» [РГИА РФ, фонд 733, оп. 155, д. 385, л. 186].

воображаемой логики, а не наоборот. Что же касается мета логики, то она, по его мнению, совсем не расширяет поля логического исследования. «Если я выскажусь отрицательно о направлениях занятий г. Васильева, – заключал Радлов, – Васильев проводит время за границей без пользы для себя и науки. Он своими предшествующими работами приобрел право идти своим путем, хотя бы этот путь другим и казался ошибочным» [Там же]¹.

Однако Н.А. Васильев продолжает настойчиво работать над своей неаристотелевой, воображаемой логикой. На авансцену исследований выдвинулась, как это видно, например, из доклада в Казанском физико-математическом обществе, идея множественности логических систем.

¹ Учебный комитет, рассмотрев «Отчет о научных занятиях приват-доцента по кафедре философии Казанского университета Н.А. Васильева», «в связи с отзывом докладчика (Э. Радлова. – В.Б.) полагал означенный Отчет удовлетворительным» [РГИА РФ, фонд 733, оп. 155, д. 385, л. 187]. После этого Департамент народного просвещения передал Отчет в Казанский университет.

ГЛАВА 8

ИДЕЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ

В 1912–1913 гг. увидели свет главные работы Н.А. Васильева по воображаемой логике – статьи «Воображаемая (неаристотелева) логика» [Воображаемая..., 1912] и «Логика и металогика» [Логика и металогика, 1912–1913]. Помимо указанных статей, в тот же период в виде отдельного оттиска напечатана лекция Н.А. Васильева «Воображаемая логика» [Воображаемая логика. Казань, 1912]. Уже после выхода этих работ в свет Васильев пишет подробный отчет в форме размышлений о своих логических исследованиях [Отчет приват-доцента..., 1912].

Развивая мысль, что для современной логики традиционное деление суждений становится тесным, Н.А. Васильев приходит к убеждению в множественности логических систем. Наряду с аристотелевой логикой существует и неаристотелева, воображаемая логика. Предметом воображаемой логики будет мир, отличный от привычного нам; в том мире, где истинна одна логика, другая – ложная. Это, собственно, и послужило основанием считать новую логику неаристотелевой. Воображаемую логику оказалось возможным построить почти с той же полнотой, с какой разработана аристотелева логика, причем, подчеркивал Н.А. Васильев, «все содержание нашей формальной логики находит свое отображение в воображаемой логике; конечно, измененное, как в цилиндрическом или коническом зеркалах, но так, что каждому пункту нашей логики соот-

ИДЕЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ...

ветствует определенный пункт воображаемой» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента... 1912, с.16].

ВООБРАЖАЕМАЯ (НЕАРИСТОТЕЛЕВА) ЛОГИКА.

I.

Задача настоящей статьи—показать, что возможна иная логика и другие логические операции, чем те, которыми мы пользуемся, показать, что наша аристотелевская логика есть только одна из многих возможных логических систем. Эта новая логика не будет новым изложением старой логики, она будет отличаться не в изложении, а в самом ходе логических операций; это будет «новая логика», а не новое сочинение по логике.

Различные сочинения по логике различаются своим содержанием, но предмет их всегда один и тот же: наш логический мир, наши логические операции. Воображаемая (неаристотелева) логика будет отличаться от нашей логики, которую я буду называть аристотелевой, по имени ее первого систематизатора, самым предметом своим.

Предмет воображаемой (неаристотелевой) логики будет иной логический мир, иная логическая операция, чем наши. Формулы обеих логик будут находиться в противоречивом отношении: истинность формул воображаемой логики исключает истинность формул нашей аристотелевой логики и обратно. Поэтому они обе не могут быть истинны для одного и того же мира; если аристотелева логика истинна для нашего мира, то неаристотелева логика может быть истинна только в каком-нибудь другом мире. Вот это противоречивое, исключительное отношение между обеими логиками, эта разница не только в содержании, но и в предмете логики и послужили причиной обозначения «новой логики», как неаристотелевой. Называя ее воображаемой, мы хотели обозначить другую ее особенность. Наша логика есть логика реальности в том смысле, что она является орудием для познания этой реальности и благо-

Работа Н. А. Васильева «Воображаемая (неаристотелева) логика»

Сколь ни абсурдной должна казаться сама мысль об иной логике, чем наша, она покоится только на психологической уверенности, и никто еще не доказал единственности аристотелевой логики, рассуждал ученый. Аналогич-

ным образом до Лобачевского казалось столь же абсурдной мысль об иной геометрии, чем евклидова, однако к концу XIX в. неевклидова геометрия получила всеобщее признание. Идея множественности логических систем, между прочим, вовсе не исключается как духом, так и буквой различных подходов к истолкованию природы логики и ее законов.

Тому направлению, которое видит в логических законах законы психологические, так сказать – естественные, законы мышления, нельзя отстаивать единственность логики и неизбежность ее законов. В мире с иными физическими законами должны быть иные естественные законы мышления, существа с иной интеллектуальной организацией и, стало быть, с другими логическими законами. Если же рассматривать законы логики как нормы правильного мышления, то их природа оказывается аналогичной природе, например, юридических и моральных законов, которые явно не безусловны. Изменяются условия, эпохи и страны – изменяются юридические и моральные нормы. «Легко можно представить себе, писал Н.А. Васильев, – что при других условиях будут другими и нормы правильного мышления.» [Васильев Н.А. Воображаемая..., 1912, с.209].

В случае придания логическим законам статуса абсолютных истин, своего рода аксиом, которые верны независимо от способа их осуществления в сознании, также нельзя обосновать единственность логики. Действительно, при таком понимании законы логики становятся родственными аксиомам математики, а именно математика дает блестящие примеры «воображаемых» дисциплин и объектов (скажем, та же неевклидова геометрия), которые получают путем обобщения математических операций и расширения поля математических объектов.

Наиболее последовательно взгляд на законы логики как на идеальные абсолютные истины проводил Э. Гус-

серль (1859–1938). Утверждая неизменность всех основных положений логики, по мнению Васильева, Гуссерль «должен был бы аналитически вывести все основные логические положения из определения, из сущности логического, из верховного логического принципа; но он этого не сделал и, конечно, не мог бы сделать, ибо они таким образом и не могут быть выведены. Логика не сводится к одному принципу, к одному определению... научным и изящным доказательством этой несводимости логики к одному принципу является математическая логика, в основе которой лежат несколько аксиом и постулатов, не сводимых друг к другу. Аксиомы логики множественны, как множественны аксиомы геометрии» [Васильев Н.А. Логика и металогика. 1912–1913, с. 56].

Итак, любой подход к логике, доказывает Н.А. Васильев, не запрещает возможность создания иной, чем аристотелева, логики. Эта возможность между тем прямо вытекала из почти забытого взгляда Дж. Милля, согласно которому законы логики являются не чем иным, как обобщением повседневного опыта. Воображаемый мир предполагает отличный от нашего повседневный опыт и, стало быть, иную логику.

Руководствуясь этой мыслью, Н.А. Васильев приступает к исследованию эмпирических элементов аристотелевой логики, элементов, непосредственно обусловленных организацией и устройством нашего мира и органов чувств человека. Наш мир устроен так, что в нем имеются несовместимые свойства, а в мышлении – соответствующие им несовместимые предикаты, сравнение которых лежит в основе отрицания. Отрицательные суждения получаются как выводы из положений о несовместимости двух признаков предмета. Человеческое устройство не допускает отрицательных ощущений, например не белого цвета. Можно получить только положительные ощущения красного, зеленого и других цветов. Утверждая, что это предмет не белого цвета, человек фактически делает заключение, что это

предмет красного, зеленого и т.д. цвета, а красное, зеленое и т.д. не может быть белым. Психологический процесс восприятия протекает здесь сокращенно, свернуто, «настолько быстро и механично, что не доходит до сознания» [Васильев Н.А. Воображаемая... 1912, с. 214].

Логика и металогика.

Статья Н. А. Васильева (Казань).

I.

В настоящей статье¹⁾ мы поставили себя целью разобраться в вопросе о неизменности и абсолютности логических принципов и основных законов мышления и показать, что одни из них действительно неизменны, неустранимы и абсолютны (формальные, рациональные принципы логики), другие же (напр., закон противоречия и закон исключенного третьего) относительны, устранимы из логики, материальны и эмпиричны. Отсюда вытекает, что наша логика отличается двойственным характером, что она полумпирична, полурациональна, и что поэтому ей может быть противопоставлена чисто формальная и чисто рациональная дисциплина, обобщенная логика, которую мы предложили бы назвать металогикой.

Вопрос о неизменности логических законов в весьма поучительной форме разобран в полемике между Бенно Эрдманом и Гуссерлем.

Бенно Эрдман вполне определенно высказался в пользу относительности логических законов. Точка зрения его заключается в следующем.

Необходимость логических законов иметь силу только для нашего мышления, так как эта необходимость, как всякая необходимость, основана на немислимости суждений, противоречащих этим законам. А эта немислимость в свою очередь зависит от условий нашего мышления. Поэтому и самая необходимость законов логики становится гипотетической, ставится в зависимость от условий нашего мышления. «Обоснованная таким образом необходимость формальных принципов была бы безусловной только в том случае, если бы присоединился еще один момент. Мы должны были бы иметь гарантию в том, что условия нашего мышления суть в то же время условия всякого возможного правильного мышления, что положения, в которых мы формулируем эти условия, выражают единственно возможную сущность

¹⁾ Формально-логическая сторона развиваемых здесь соображений изложена в статье: „Воображаемая (неаристотелева) логика“ в Журнале Министр. Нар. Просв. Август 1912 г.

Работа Н. А. Васильева «Логика и металогика»

Закон логики, который фиксирует несовместимость утверждения и отрицания, — закон противоречия; он неявно подразумевается в специфике нашего отрицания, в его определении. Для нашей, земной, логики он незыблем. Значит, строить логику воображаемого мира можно путем отказа от закона противоречия. Воображаемая логика — это логика, свободная от закона противоречия. Это важнейшее положение является естественным распространением критики законов традиционной логики, предпринятой Васильевым в его первой логической работе. Неприятие закона исключенного третьего дополняется неприятием закона противоречия, что по праву может расцениваться как революционный шаг в логике — шаг, знаменующий собой отказ от стержневого принципа построения логико-математического и естественнонаучного знания — принципа непротиворечивости (несовместимости в рамках теоретической системы утверждения и его отрицания одновременно).

Таким образом, исходный пункт создания воображаемой логики, ее фундаментальное положение, которое влечет множество следствий (ряд из них был «нащупан» Васильевым ранее), — это введение нового вида отрицания, обобщение понятия отрицательного суждения.

Осмысление отрицательного суждения предполагает разделение формального и материального аспектов. Формальный аспект заключается в том, что отрицательное суждение «S не есть P» высказывает ложность утвердительного «S есть P». Материальный аспект связан с тем, что отрицательное суждение формируется из несовместимости признаков предмета или вытекает из несовместимости предметов. Между тем можно вообразить мир, в котором отрицательные суждения будут формироваться, минуя сравнение предикатов; несовместимость возникает, так сказать, непосредственно, точно так же, как происходит в нашем мире с утвердительными суждениями. В нашем ми-

ре из непосредственного восприятия, считает Н.А. Васильев, черпается только одно суждение – утвердительное; в мире же другой организации непосредственное восприятие способно давать два суждения – утвердительное и отрицательное.

Разграничение формального и материального аспектов в логике предполагает разграничение двух формулировок закона противоречия. Одно дело, когда закон противоречия запрещает одновременное существование двух несовместимых признаков предмета, а другое – когда он гласит, что одно и то же суждение не может быть одновременно истинным и ложным. Первое положение можно отбросить, как это и делается в воображаемой логике, а второе сохраняет силу для любой мыслимой логической системы; оно выступает необходимым условием логического рассуждения, ибо накладывает ограничение на познающего субъекта, запрещает противоречить самому себе. Второе положение Н.А. Васильев предлагает назвать законом абсолютно различия истины и лжи, или законом несамопротиворечия. Закон противоречия в материальном аспекте, напротив, обращен не к субъекту, но к миру, запрещает противоречия во внешнем мире. Заметим, что убеждение в невозможности существования противоречий в объективной реальности было одной из познавательных установок Н.А. Васильева, которую он неоднократно оговаривал (см., например: [Васильев Н.А. Рец. на кн.: Prof. I. Geysler., с. 365]).

Закон противоречия Н.А. Васильев объявляет эмпирическим и реальным [Васильев Н.А. Воображаемая..., 1912, с.220]. Эмпирическим в том смысле, что закон противоречия отражает факт существования в нашем мире несовместимых предикатов, свойств; что он аккумулирует в себе наш повседневный опыт, является сокращенной формулой человеческой практики, из которой известно, что красное несовместимо с синим, тишина с шумом и т.д. Реальным

закон противоречия является в том смысле, что он отражает состояние вещей в объективном мире, а не в мышлении, применим не к суждениям, а к объектам внешнего мира; т.е. этот закон покоится на предположении материальной природы, которое самым тесным образом связано с эмпирическим статусом отрицания.

В то же время формальные законы мышления, каким выступает закон несамопротиворечия, правомочны только в области мышления, относятся только к суждениям или к понятиям. Другой формальный закон мышления – закон достаточного основания («каждое суждение должно быть обосновано») – нельзя смешивать с законом причинности («каждое явление имеет причину»). Допустима следующая аналогия: закон противоречия относится к формальному закону несамопротиворечия точно так же, как закон причинности относится к закону достаточного основания.

Эмпирические и реальные законы можно отбрасывать, заменять другими законами. «Если какое-либо логическое основоположение, – писал Н.А. Васильев, – может быть отброшено и заменено воображаемым без того, чтобы вместе с этим исчезла и возможность логического рассуждения, то это будет служить верным признаком того, что логическое основоположение покоится на эмпирической основе и зависит от познаваемых объектов. Ибо мы не можем по произволу изменять нашу природу как мыслящего субъекта и заменять ее воображаемой природой. Напротив, на эмпирической основе можно по произволу строить какие угодно воображаемые объекты. Так, могут быть нами мыслимы воображаемые животные (кентавры, грифы, сирены), воображаемый социальный строй (утопии) и т.п. Соответственно этому могут быть воображаемая зоология, воображаемая социология и т.д.» [Васильев Н.А. Воображаемая логика, Казань, 1912, с. 2] (см. также: [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 222]).

Воображаемая логика построена на отрицании закона противоречия, но критерием ее мыслимости будет отсутствие в ней внутреннего противоречия; она представляет собой систему, лишенную самопротиворечия [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 16; Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 219]. Действительно, понятие отрицания в воображаемой логике возникает не через сопоставление, а непосредственно, подобно утвердительному суждению в нашей логике. Если факт **а** в воображаемом мире служит основанием для утвердительного суждения «*S* есть *A*», а факт **б** для отрицательного «*S* не есть *A*», то отношение между фактами **а** и **б** не выступает в отношении несовместимости, факты **а** и **б** могут иметь место одновременно.

Если имел место факт **а**, то суждение «*S* суть *A*» истинно, а в силу факта **б** оно ложно. В то же время в силу факта **а** ложно отрицательное суждение «*S* не суть *A*», но, поскольку имел место факт **б**, оно истинно. Таким образом, оба суждения оказываются одновременно истинными и ложными, а именно это и запрещается законом несамопротиворечия. Совместное, одновременное существование фактов **а** и **б** должно описываться каким-то третьим суждением, которое и будет принимать значение «истинно» в данном случае. Оно выражает наличие в объекте *S* противоречия и является третьей – наряду с утвердительным и отрицательным – формой суждения. Такие суждения Н.А. Васильев называет суждениями противоречия или индифферентными; они имеют вид «*S* есть *A* и не *A*». Стало быть, в воображаемой логике принято не двух-, а трехкачественное деление суждений. Это кардинально меняет характер отношений суждений различного качества и количества по истинности, да и вообще все учение о суждении. Например, одно из суждений оказывается ложным, когда истинны два остальных суждения.

Классификация общих суждений производится следующим образом.

Если все *S* обладают свойством *P*, то можно сформулировать общеутвердительное суждение; если все *S* не обладают свойством *P*, то можно сформулировать общеотрицательное суждение; если же все *S* обладают и не обладают свойством *P*, то можно сформулировать общеиндифферентное суждение «*S* есть *P* и не *P*». В том случае, если свойство *P* распространяется не на все элементы *S*, получают акцидентальные суждения, которые могут быть четырех видов. Так, акцидентальное суждение первого вида образуется, когда одни *S* суть *P*, а все остальные не суть *P*; акцидентальное суждение второго вида получается, когда одни *S* суть *P*, а все остальные *P* и не *P* одновременно, и т.д.

Помимо указанных форм, считает Н.А. Васильев, возможны подготовительные формы, относящиеся к самому началу познавательного процесса, когда еще не ликвидировано колебание между альтернативными ответами (они аналогичны неопределенным суждениям и иначе могут быть названы исключаящими формами). Скажем, в воображаемой логике ложность утвердительного суждения исключает утвердительное суждение, но оставляет открытым вопрос об истинности отрицательного или индифферентного суждения; ложность индифферентного суждения означает колебание между утвердительным и отрицательным суждениями и т.д. [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 224].

В воображаемой логике претерпевает изменение и теория умозаключений, силлогистика.

Правила первой фигуры силлогизма не зависят от закона противоречия, но за счет добавления нового суждения – индифферентного – количество модусов этой фигуры увеличивается с четырех до шести.

Значительно изменяется вторая фигура. Четыре модуса аристотелевой силлогистики в этом случае не допускают однозначного заключения. Относительно заключения здесь можно только сказать, что оно не может быть утвердительным.

В третьей фигуре шесть модусов аристотелевой логики обогащаются тремя новыми индифферентными модусами.

Н.А. Васильев видит пути обобщения воображаемой логики с тремя качественно различными видами суждений (о чем он уже говорил в своем докладе в Казанском физико-математическом обществе). За время, прошедшее с момента доклада, эти пути им уточняются.

Аристотелева логика представляет собой систему двух измерений, воображаемая логика без закона противоречия – систему трех измерений и т.д. В логической системе n измерений с n формами качественно различных суждений налагается условие на невозможность существования $n+1$ формы. Частными случаями закона исключенной $n+1$ формы являются законы исключенного третьего в логике Аристотеля, закон исключенного четвертого в воображаемой логике без закона противоречия, который утверждает, что, помимо утвердительных, отрицательных и индифферентных, в ней не имеется четвертого вида суждений.

Что касается отношения закона исключенного третьего и закона противоречия, то первый закон обладает более широкими «полномочиями» – он запрещает любую третью форму суждения независимо от ее происхождения, включая и противоречие, а закон противоречия, также запрещая образование третьей формы мышления, касается совершенно определенной, конкретной формы – противоречия. *«Таким образом, – заключает Н.А. Васильев, – закон противоречия есть частный случай и следствие из закона исключенного третьего, а не наоборот, как это думали мно-*

гие» [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 231]. Отсюда становится понятным ход мысли Н.А. Васильева от первой публикации, посвященной, в основном, критике закона исключенного третьего [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910], до достаточно детального и обстоятельного исследования следствий исключения закона противоречия из «скрижали мысли».

Чтобы продемонстрировать принцип построения воображаемой логики, Н.А. Васильев дает беглый абрис ситуации, которая предполагает также воображаемую логику, но «несколько отличную» от воображаемой логики без закона противоречия (ее можно было бы условно назвать воображаемой логикой с абсолютно ложным отрицанием). Если понятие A подразумевает признаки a , b , v и т.д., то можно представить понятие не- A , которое состоит из признаков не- a , не- b , не- v и т.д., всецело замещающих признаки понятия A . При этом «обычное» отрицание понятия A образовано из отрицания не всех его признаков, а только некоторых. Тогда имеются три возможности: суждение « S есть A » истинно (1); при ложности « S есть A » оно может быть абсолютно ложным (2), так что у S не имеется ни одного признака A , или просто ложным (3), так что отрицались бы лишь ряд признаков A . В первом случае получается утвердительное суждение, второй описывает абсолютное отрицание, а третий – «обычное» [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 240]. Класс суждений, ложных по отношению к утвердительному, расслоился на классы суждений абсолютной и простой сложности. В логике такого рода, например, первая фигура силлогизма допускала бы на месте малой посылки суждения с абсолютным отрицанием.

Н.А. Васильев держал в поле зрения возможность еще одной разновидности воображаемой логики. Наш мир устроен так, что в нем сеть несовместимые предикаты. Мир

воображаемой логики без закона противоречия таков, что в объектах этого мира совпадают основания для утверждения и отрицания, один и тот же объект способен быть одновременно «А и не-А». Вместе с тем в нашей фантазии может существовать мир, в котором все предикаты были бы совместимы между собой. «Это предположение, – размышляет ученый в рукописном «Отчете за 1911–1912 гг.», – конечно, в высокой степени абсурдно с нашей точки зрения, но если его развить в логическую систему, то мы... не встретим внутренних противоречий. Этот случай особо разработан мной, и он дал особый вид воображаемой логики, отличный как от нашей аристотелевой логики, так и от воображаемой логики без закона противоречия. Нетрудно установить путем рассмотрения различных групп несовместимых предикатов, путем индукции, что несовместимость предикатов каким-то образом связана с пространственностью, что внешний мир служит источником несовместимости предикатов... Эти исследования об отношении отрицания и вообще воображаемой логики к пространству и времени мной только еще начаты...» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 18–19].

К сожалению, замысел Н.А. Васильева о воображаемой логике мира, где все предикаты были бы совместимыми, и исследование об отношении воображаемой логики к пространству и времени, не были доведены до уровня публикации.

Сквозь исследования Н.А. Васильева красной нитью проходит идея, что в логике существует слой эмпирических, а следовательно устранимых, элементов. Если «очистить» от них логику, то останется уже неустраняемая «рациональная логика», которую Н.А. Васильев назвал металогикой. Понятие «металогика» выбрано не случайно. Выбор обусловлен тем соображением, чтобы явственно выступила аналогия понятий «металогика» и «метафизи-

ка». Понятие метафизики употреблялось в русской философии примерно до 20-х годов XX в. (а в западной философии часто встречается и поныне) как учение о внеопытном бытии, о том, что пребывает за пределами эксперимента, о различных мирах, которые, однако, на уровне бытия проявляются через одну сущность. Соответственно «миру опытной логики противостоит металогика» [Васильев Н.А. Логика и металогика, 1912–1913, с. 73]. Металогика – это, согласно Васильеву, логика, освобожденная от всех опытных, эмпирических элементов, это «наука о чистой мысли, о формальной стороне мысли» [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 242], это, в буквальном смысле «формальная наука логики», «чисто теоретическая наука», «наука о суждении и выводе вообще», это то, что «обще всем логикам». Металогика относится к эмпирической логике как абстрактное к конкретному, общее к частному. Поэтому металогика пригодна для любого мира, но она слишком абстрактна, бедна для целей познания и должна быть обогащена материальными принципами. От суждения вообще необходимо перейти к конкретным формам суждения: без дополнения металогии эмпирическими элементами она не способна быть орудием познания реальности.

В нашей земной логике, рассуждает Н.А. Васильев, воедино слиты эмпирические и металогические компоненты; она становится смесью, гибридной формой, конгломератом рационального и эмпирического. Она вырабатывается в процессе жизни и борьбы, взаимодействия между средой и человеком и является органом жизни, орудием борьбы. Ученый-естествоиспытатель обязан пользоваться этой логикой, двойственная природа которой обусловлена тем, что познание есть взаимодействие среды и человека, познаваемого и познающего. Эмпирическая, да и любая воображаемая логика богаче, конкретнее металогии; каж-

дая из логик содержит некоторый логический минимум, то, что, собственно, и делает логику логикой, т.е. металогику. Металогика сродни всеобщим положениям геометрии, которые Я. Больяи именовал абсолютной геометрией. Использование эмпирической логики предполагает использование металогических принципов. Законы противоречия и исключенного третьего принадлежат эмпирической, земной логике, а законы несамопротиворечия, тождества и достаточности основания — металогики.

Металогика — чисто формальная наука в том плане, что введение материальных принципов влечет введение отрицательных суждений, а значит — возможность ошибки. Впрочем, всякое отрицательное суждение может быть представлено в виде утвердительного, что говорит в Пользу возможности свести нашу аристотелеву логику к системе металогической, и обратно. Посредством металогики можно построить эмпирическую логику и, в свою очередь, с помощью эмпирической логики можно воссоздать мир логики воображаемой. Это, пишет Н.А. Васильев, «закон логической трансгрессии, гласящий, что при помощи более простой системы можно построить более сложную, и объясняет нам то абсурдное, на первый взгляд, положение, что мы, земные логики, можем якобы перенестись в сферу чуждой нам мысли, в мир воображаемой логики» [Васильев Н.А. Логика и металогика, 1912–1913, с. 77]. Этим положением Н.А. Васильев отвечал на замечание А.П. Котельникова, которое было сделано на заседании Казанского физико-математического общества.

Металогики присущ один вид суждений — утвердительный, и потому она является логикой раскрытия истины, а эмпирическая, Аристотелева, логика выступает орудием не только открытия истины, но опровержения ложного. Следовательно, в металогики действителен закон исключенного второго.

*Отчет приват-доцента по кафедре философии
Императорского Казанского Университета
о ходе его научных занятий за время с 1/2
по 1/2 1913*

Кому, кто отправляется за границу для научных занятий в самом начале своего учебного года приходится остерегаться усиленно бдительности, впрочем, усиленно бдительности прямо противоположной опасностей, свойственных, впрочем, усиленным занятиям вообще. Пребывание за границей должно дать ему возможности для самостоятельного научной работы, с другой стороны оно должно дать ему возможности расширить свой научный горизонт, который неизбежно суживается у каждого ученого, работающего в узком кругу над какими-нибудь одним вопросом, а тем более у ученого молодого, еще не овладевшего вполне всеми содер. фран. своей науки. Не трудно видеть, что оба эти задачи прямо противоположного характера, и что они легко могут мешать друг другу.

Страница научного отчета Н. А. Васильева

Итак, Н.А. Васильев различал следующие виды логик: аристотелеву логику (логика двух измерений), воображаемую логику без закона противоречия (логика трех измерений), вообще логику n измерений, воображаемую логику мира, в котором все предикаты совместимы, воображаемую логику с абсолютно ложным отрицанием, металогику, математическую логику, индуктивную логику. Понятие воображаемой логики носило у Н.А. Васильева, в известном смысле, собирательный характер.

Утверждая факт множественности логических систем, Н.А. Васильев специально подчеркивал философское и гносеологическое значение открытия новой – воображаемой – логики. И не только потому, что «в XX веке началась эмансипация логики от Аристотеля» [Васильев Н.А. Воображаемая логика, 1912, с. 1]. Ее открытие он рассматривал в контексте общих тенденций развития научного познания в начале XX в. «Воображаемая логика, – писал он, – вносит в логику принцип относительности, основной принцип науки нового времени. Логик может быть много; смешным сомнением мне представляется убеждение, что все мыслящие существа связаны логикой Аристотеля» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 25] (см. также: [Васильев Н.А. Логика и металогика, 1912–1913, с. 77–78]).

Между тем Н.А. Васильев вовсе не преувеличивал значение факта множественности логик. Он достаточно отчетливо видел его реальный смысл и категорически возражал против того, чтобы идею множественности логических систем использовать в качестве аргумента в пользу философского релятивизма. «Отдавая должное принципу относительности в логике, – писал ученый, – излагаемая мной теория не впадает, однако, в тот беспочвенный и самоопровергающий релятивизм, крайним выражением которого

был прагматизм. Пусть логик много, но во всех них есть нечто общее, именно то, что делает их логиками. Это общее, эти логические принципы, общие между всеми мыслимыми логическими системами, действительной и воображаемой, я называю металогики. Логика относительна, металогика абсолютна. Таким решением вопроса... мы избегаем как крайнего абсолютизма, так богато представленного в современной логике (например, Гуссерль и все те, кто находится под его влиянием), так и от крайнего релятивизма, тоже богато представленного в современной логике» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 25].

ГЛАВА 9

ВООБРАЖАЕМАЯ ЛОГИКА

Н. А. ВАСИЛЬЕВА

И ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕОМЕТРИЯ

Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Едва ли не главной эвристической «подсказкой», своего рода стимулом к развитию неаристотелевой (воображаемой) логики без закона противоречия после статьи (брошюры) «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого» для Н.А. Васильева являлось открытие его великим земляком Н.И. Лобачевским неевклидовой геометрии, которую он сам называл «воображаемой». В возможности иной, нежели аристотелева, логики, по Васильеву, убеждает нас возможность иной геометрии (см. также: [Bazhanov, 1994]). Но не только факт возможности «иной» геометрии вдохновлял и придавал силы ученому. В геометрии он находил неизмеримо большее. «Воображаемая логика построена методом воображаемой геометрии... Для этого мне пришлось изучить неевклидову геометрию... Из всех систем неевклидовой геометрии я больше пристально занимался геометрией Лобачевского, которую я штудировал по его сочинениям...» – писал Н.А. Васильев [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 20 – 21].

В аналогии названий своей логики и геометрии Лобачевского Н.А. Васильев усматривал и наличие внутренней аналогии между ними, обусловленной логическим тождеством методов их построения [Васильев Н.А. Воображае-

мая (неаристотелева)..., 1912, с. 208]. Подобно тому как исходным пунктом геометрии Лобачевского являлся отказ от попытки доказать знаменитый пятый постулат Евклида о параллельных линиях, и он строил геометрию, «свободную» от этого постулата, так и отправной точкой логики Васильева выступает отбрасывание одного из важнейших положений аристотелевой логики, принимавшегося за постулат – закона противоречия, – и построение логики, свободной от этого закона. Именно единством метода и объясняются аналогии между неевклидовой геометрией и... воображаемой (неаристотелевой) логикой» [Васильев Н.А. Воображаемая логика, 1912, с. 5].

И неевклидова геометрия, и неаристотелева логика, рассуждает Н.А. Васильев, представляют собой замкнутые системы, возможность которых открылась при отбрасывании соответствующих аксиом; обе они лишены самопротиворечий, обе возмущают здравый смысл и непосредственную интуицию.

В евклидовой геометрии прямые линии на плоскости либо пересекаются, либо параллельны. В геометрии Лобачевского прямые линии на плоскости являются либо «сводными» (пересекаются), либо «разводными» (не пересекаются), либо «параллельными», отделяющими «сводные» линии от «разводных». В аристотелевой логике имеются два класса суждений, различных по качеству, которые характеризуют отношение субъекта и предиката, – суждения утвердительные и отрицательные. В логике Васильева имеются уже три класса суждений, характеризующих тройное отношение между субъектом и предикатом, – суждения утвердительные, отрицательные и индифферентные. Таким образом, «дихотомия нашей логики и нашей геометрии переходит в трихотомию воображаемых дисциплин» [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 233], (ср.: [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 21]).

Почти полвека спустя после создания Лобачевским своей воображаемой геометрии, была найдена ее интерпретация на поверхностях с постоянной отрицательной кривизной – на так называемой псевдосфере. Воображаемая логика, по мысли Н.А. Васильева, действительна не только в некотором воображаемом мире с двумя родами «ощущений»; она находит интерпретацию и в нашем мире, в логике понятий, которая отлична от логики земных вещей. Напомним, что в своей первой логической работе Н.А. Васильев показал, что в логике вещей действуют законы противоречия и исключенного третьего, а в логике понятий необходимо принять уже законы несамопротиворечия и исключенного четвертого. Состояние вещей может описываться утвердительными или отрицательными суждениями, а для понятий оказываются необходимыми три класса суждений – класс отрицательных, класс утвердительных и класс акцидентальных суждений. Закон исключенного четвертого – закон воображаемой логики – в то же время является законом логики понятий. Индифферентному суждению воображаемой логики соответствует акцидентальное в логике понятий. «Воображаемая логика есть реализация логики понятий; воображаемый мир есть мир осуществленных понятий. Платон гипостазировал мир идей; таковой мир был бы подчинен воображаемой логике», – писал Н.А. Васильев [Васильев Н.А. Логика и металогика, 1912–1913, с. 64].

Псевдосфера – в некотором смысле идеальное образование, но воображаемая геометрия Лобачевского при определенных физических условиях во Вселенной становится геометрией реального пространства. Также «при известном устройстве мира или нашей ощущающей способности логика должна быть обязательно неаристотелевой» [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 238]. Наш мир и наши ощущающие способности устроены таким об-

разом, что все непосредственные ощущения имеют положительный характер. «Отрицательное» ощущение у нас на самом деле вовсе не отрицательное, оно вторично по отношению к положительному и возникает, когда один признак «замещается» другим, несовместимым с ним. В мире, в котором были бы возможны два вида ощущений, непосредственно данных живым существам, необходимо царствовала бы неаристотелева логика. Иначе говоря, логические законы и принципы, по Васильеву, в первую очередь определяются природой познаваемых объектов; они зависят от характерного для них опыта, в который включен субъект, т.е. они эмпиричны.

Соотнося генезис логических законов с некоторой «воображаемой» реальностью, Н.А. Васильев настойчиво проводил мысль о примате онтологического аспекта логики, о том, что материальные условия дифференцируют логику на подчиненные ей частные логики. Изменяя онтологию, комбинируя свойства реальности, можно получать различные «воображаемые» логики, поскольку «метод воображаемой логики позволяет экспериментировать в логике, устранять известные логические положения и смотреть, что из этого выйдет» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912. ОРРК, с. 20]. Этот метод аналогичен «сравнительному и экспериментальному методам естествознания» [Васильев Н.А. Логика и металогика, 1912–1913, с. 78]. Такая трактовка метода воображаемой логики в контексте идей о множественности логических систем инициирует мысль, что дух исследований Н.А. Васильева подводил к предельно широкому пониманию сущности и природы логики – логики как науки о приемлемых способах рассуждений, – к такому пониманию, которое было систематизировано и обосновано на достаточно «продвинутом» этапе развития математической логики, отличающемся известным смягчением позиций представителей различных альтернативных

направлений в основаниях математики — логицизма, формализма, интуиционизма и т.д. (см.: [Новоселов, 1973]).

Несмотря на внешнюю несхожесть логик, которые могут быть получены методом Лобачевского, в них обязательно есть нечто общее, сохраняющееся от логики к логике и ответственное за их двойственность. Это общее — металогика, являющаяся тем логическим минимумом, который не зависит от разнообразия содержания мысли, но задает способность к логическому, доказательному мышлению.

В неевклидовой геометрии содержался еще один исключительный по своей важности урок для развития неаристотелевой логики, да, впрочем, и для логики в целом. Этот урок заключался в том, что наряду со значительным влиянием неевклидовой геометрии на судьбы развития математики, благодаря ее становлению и развитию, в геометрии со всей остротой был поставлен вопрос об основаниях. Д. Гильберт произвел аксиоматизацию геометрии, в результате чего прояснились основания этой науки, стали очевидными предпосылки геометрического знания, которые ранее использовались учеными неявно. Н.А. Васильев высоко ценил деятельность Д. Гильберта по аксиоматизации геометрии и отметил его приоритет в постановке проблемы оснований, причем «замечательная по точности разработка этого вопроса» казалась ему «образцом для логики» Васильева Н.А. [Отчет приват-доцента..., 1912, с. 22] (см. также: [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 245]).

Для логики, убеждал Н.А. Васильев, настал момент, когда необходимо обратить самое пристальное внимание на основания, на ее аксиоматизацию. Всякий логик чувствует, в каком «хаотическом» состоянии находится учение о законах, о принципах мышления, об аксиомах и постулатах логики, выступающих ее фундаментальными положениями. Среди логиков, например, нет единства в суждении

о числе и природе основополагающих законов своей науки и даже об их формулировке; о том, какие из них действительно являются аксиомами, а какие — производными положениями; до сих пор никто не доказал, что в основе логики не лежат еще какие-то принципы, в явном виде еще пока не сформулированные.

Метод построения воображаемой логики, по Н.А. Васильеву, должен служить надежным и эффективным оружием в вопросах исследования оснований логики, поскольку этот метод дает возможность упорядочить, привести в систему отношения различных элементов логики, проникнуть за внешне однородную «поверхность» логики и отделить друг от друга складывающиеся эту дисциплину «пласты» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 22].

Метод воображаемой логики, по мнению Н.А. Васильева, позволял выделить аксиомы, которые являются фундаментальными для логики и лежат в ее основе; дать им точные формулировки; исследовать независимость аксиом друг от друга; выяснить, какие логические положения и операции зависят от тех или иных аксиом; провести классификацию логических аксиом. В итоге логика приняла бы «строгую доказательную форму, аналогичную форме математики», и «формулы... логики можно было бы обобщать и излагать в самом общем виде» [Васильев Н.А. Логика и металогика, 1912–1913, с. 78] (см. также: [Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 245]). Кроме того, открылся бы путь для сравнения логических систем между собой; в частности, можно было бы сопоставить аристотелеву и воображаемую логики.

Усматривая в математике безусловный образец для логики, Н.А. Васильев был далек от того, чтобы проводить чисто внешние переллели между этими науками. Достаточно хорошо осведомленный в вопросах математики (в чем всемерно помогал ему отец — А.В. Васильев), Н.А. Василь-

ев был прекрасно информирован и об успехах математической логики, которая оказала на «содержательную» логику (а именно ее концептуальный аппарат применял ученый) большое, даже решающее влияние. математическая логика позволяет, по мысли Н.А. Васильева, установить тесную связь логики и математики [Васильев Н.А. Логика и мета-логика, 1912–1913, с. 79]. При этом она является тонким инструментом изучения оснований.

Логика опирается на геометрическую интуицию. Основным логическим отношением, как и в геометрии, является отношение между целым и частями целого, к которому, между прочим, сводится отношение между основанием и следствием. Основание есть целое, а следствия – его части. Это отношение «мы должны, – подчеркивал Н.А. Васильев, – считать в сущности математическим» [Отчет приват-доцента..., 1912, с. 23]. На нем покоится принцип силлогизма. Знаменательно, что, по мнению Васильева, взаимосвязь между математикой и логикой отнюдь не является односторонней: методы обеих наук обогащают содержание каждой из них. Поэтому «не только неаристотелева логика является приложением к логике метода неевклидовой геометрии; можно сказать, что и неевклидова геометрия является частным случаем, приложением метода неаристотелевой логики» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 21].

Идеи о характере взаимоотношений между логикой и математикой Н.А. Васильев обсуждал с рядом математиков, прежде всего с видным математиком профессором Н.Н. Парфентьевым. Результатом начала сотрудничества Н.Н. Парфентьева и Н.А. Васильева явился совместный курс лекций «Пограничные области логики и философии математики», который читался студентам Казанского университета в 1914 г. Именно изучение математических теорий пробудило у Н.А.Васильева глубокий интерес

к проблеме взаимоотношения между логикой и математикой.

Этот интерес стимулировался и тем, что связь логики и математики по-разному трактовалась среди представителей логической науки. Н.А. Васильев считал, что на рубеже XIX и XX вв. в логике оформились два главных направления – «математическое, которое старается привести логику в связь с математикой», и, как он называл «гносеологическое, стремящееся привести ее в связь с теорией познания». Ряд представителей второго направления позволили себе резкий и, как выражался Н.А. Васильев, насмешливый выпад против логики (этот термин, напомним, использовался для обозначения математической логики. – В.Б.), «который сопровождается огульным и необоснованным осуждением формальной и психологической логики» [Васильев Н.А. Рец. на кн.: Encyclopadie der philosophischen..., 1912, с. 387, 388]. Этим формам логики Б. Кроче, например, противопоставляет так называемую философскую логику, но его знание об этой логике «довольно скудно и спутано». В. Виндельбанд, также поддреживающий «гносеологическое» направление, противодействовал процессу математизации логики и пытался доказать, что только логика имеет значение для математики, но не математика для логики.

Какой путь выберет в своем дальнейшем прогрессе логика – обогащение математическими методами или следование традиционным канонам игнорирования успехов математики, – в этом Н.А. Васильев усматривал «геркулесово распутье» логической науки. Симпатии ученого безусловно были на стороне первого пути, именно в математизации логики он видел гарантию ее блестящего будущего. «Кто станет отрицать специфическую связь между логикой и геометрией, выражающуюся хотя бы в геометрических кругах логики?» – задавал риторический вопрос оппонен-

там процесса математизации логики Н.А. Васильев. И сам же отвечал, что «самая возможность алгебраической логики... указывает на эту связь между логикой и математикой» [Васильев Н.А. Рец. на кн.: *Encyclopadie der philosophischen...*, 1912, с. 389].

Сегодня считается уже бесспорным, что «встреча математики и логики в прошлом столетии привела к таким же последствиям, что и приход принца в зачарованный замок спящей красавицы: после столетий глубокого сна логика вновь расцвела плодотворной жизнью» (цит. по: [Математика в афоризмах..., 1983, с. 234]).

Н.А. Васильев осознавал глубокую органическую связь между математикой и логикой и с целью более успешных логических исследований настойчиво пополнял математические знания, что особо подчеркивается в его «Отчете за 1911–1912 гг.». Кроме того, он «основательно» занимался математической логикой. Стимулом к этим занятиям, в частности, служило убеждение, что «при помощи математической логики можно дать особое доказательство возможности воображаемой логики», которое со временем ученый был намерен опубликовать [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с. 24], но его намерениям не суждено было осуществиться.

Математическую логику Н.А. Васильев изучал по монументальному труду Э. Шредера «Лекции по алгебре логики» [Schroder E., 1905], который он оценивал как «самую совершенную форму математической логики на тот момент. В списке книг, возвращенных Н.А. Васильевым в библиотеку Казанского университета, значится еще одна работа Э. Шредера [Schroder E., 1909], а также Б. Рассела [Russell B., 1903]. В собственных статьях и рукописях Н.А. Васильева упоминаются многие видные представители математической логики. Н.А. Васильев считал поучительным и процесс становления математической логики,

историю которого он изучал по книге А. Ширмана «Развитие символической логики» [Shearmen A.T., 1906].

В связи с развитием во второй половине XX в. интенциональной логики, небезынтересно отметить, что Н.А. Васильев еще в начале века указал на перспективность попытки Ф. Кастильона «построить математическую логику, исходя из принципов логики содержания (тогда как все другие системы исходят из логики объема)» [Васильев Н.А. Отчет приват-доцента..., 1912, с.24]. В конце 20-х годов, уже будучи в клинике, Н.А. Васильев, несмотря на тяжелую болезнь, делает некоторые шаги для разработки «математической логики содержания»¹.

Как уже говорилось, призыв в армию и последующий душевный кризис привели к тому, что в 1916–1921 гг. Н.А. Васильев отошел от активных логических исследований. Во всяком случае, сведений о логических работах или каких-либо активных занятиях логикой в этот период не найдено. Косвенные соображения, однако, в пользу этого достаточно веские. И вот почему.

В 1924 г. Н.А. Васильев посылает доклад на Пятый Международный философский конгресс в Неаполе. Тезисы этого доклада «Воображаемая (неаристотелева) логика» опубликованы в материалах конгресса [Vassilieff N. Imaginary logic..., 1925]. Таким образом, основной массив публикаций по воображаемой логике и эту работу отделяют 12 лет (материалы увидели свет в 1925 г.). Материалы конгресса являются весьма редким изданием, поэтому тезисы Н.А. Васильева не были известны советским специалистам-логикам. Автору данной книги удалось все же их разыскать (см. приложение). При знакомстве с ними невольно возникали вопросы: в каком направлении развивались идеи Васильева, какими новымиложе-

¹ Об этом пишет Н.А. Васильев в одном из своих писем к сыну.

ниями обогатилась концепция воображаемой логики в 1914–1924 гг.?

В начале тезисов приводилась библиография ранее опубликованных логических работ Н.А. Васильева [Васильев Н.А. О частных суждениях..., 1910; Воображаемая (неаристотелева)..., 1912; Логика и металогика. 1912–1913], а далее кратко излагались положения, которые уже обсуждались, и обсуждались подробно, Н.А. Васильевым в его основных логических публикациях. Очевидно, что принципиально новых идей за двенадцатилетний период у автора воображаемой логики не возникло. Это обстоятельство можно, по-видимому, считать достаточно весомым аргументом в пользу того, что действительно Н.А. Васильев примерно с 1914 г. систематически логикой заниматься был не в состоянии (хотя такие попытки им время от времени предпринимались). Тезисы в материалах конгресса в Неаполе явились последней научной публикацией Н.А. Васильева.

ЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОДЫ В ЭТИКЕ

Думается, что характеристика научных взглядов Н.А. Васильева будет неполной, а специфика его подхода к построению воображаемой логики недостаточно раскрытой, если хотя бы кратко не обратиться к одной не логической, а этической работе ученого. Сопоставление образа мышления Н.А. Васильева в двух различных областях — логике и этике — позволит рельефнее обнажить его отличительные черты, глубже проникнуть в творческую лабораторию ученого.

В 1913 г. в Казани вышел сборник, посвященный известному историку профессору Д.А. Корсакову. В этом сборнике помещена статья Н.А. Васильева «Логический и исторический методы в этике (Об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловьёва)» [Васильев Н.А. Логический и исторический ..., 1913]. В статье анализируются две значительные этические системы, созданные великим русским писателем Л.Н. Толстым и известным философом В.С. Соловьёвым, исходя из некоторых весьма общих положений о методах, которыми данные системы были построены, по терминологии Васильева — абстрактно-логическом и конкретно-историческом методах.

Первый метод построения этики, по мнению Н.А. Васильева, был использован Л.Н. Толстым, второй — В.С. Соловьёвым. Оба мыслителя убеждены, что христианство должно быть тем цементирующим материалом, который придает прочность всем элементам общественной жизни,

что «общественная, правовая и государственная жизнь должны основываться на моральных началах; оба делают нравственный критерий, абсолютный идеал Добра единственным критерием для решения всех вопросов общественной жизни. Для обоих политика без остатка растворяется в нравственной философии» [Васильев Н.А. Логический и исторический..., 1913, с. 449]. Но методы, которые служат невидимыми лесами для создаваемых Толстым и Соловьёвым концептуальных конструкций, вынуждают их сделать диаметрально противоположные выводы из, казалось бы, общих посылок: «Толстой пришел к отрицанию культуры, государства, поземельной собственности... вообще всей нашей общественной действительности. Соловьёв же пришел к оправданию всей этой действительности, увидел во всех ее проявлениях глубокий нравственный смысл» [Васильев Н.А. Логический и исторический..., 1913, с. 451].

По какой же причине могли так резко разойтись этические системы, имеющие общий источник? Только и только по причине различия методов, с помощью которых осмысливается исходный нравственный материал, – такова суть ответа Н.А. Васильева.

Метод построения этической системы Толстого ученый сравнивает с геометрическим методом. Для Толстого на первом плане стоит «последовательность в морали», он стремится вывести всю мораль из единственного принципа «со всей силой логического принуждения». При этом ему безразлично, существуют ли в действительности те нравственные реалии, моральные «фигуры», о которых он пишет, – главное для него, согласно Н.А.Васильеву, чтобы сохранилась логическая целостность и последовательность всей системы. Отсюда проистекает «нравственный макси-

мализм» Толстого, а его этическая конструкция носит вне-временной, внеисторический характер.

В.С. Соловьёв пишет свои работы в форме скрытой полемики с Л.Н. Толстым, с теми истинами, которые провозглашает великий писатель; Соловьёв противопоставляет им истины иной материи, иного качественного содержания. Им «оправдываются все социальные учреждения, культура, наука...» [Васильев Н.А. Логический и исторический..., 1913, с. 452]. Более историческое толкование морали, размышляет Н.А.Васильев, принуждает его провозгласить мораль иезуитского толка, когда цель оправдывает средства. Последнее положение опять-таки представляет собой резкую антитезу с убеждением Толстого.

Абстрактно-логический и конкретно-исторический методы Толстого и Соловьёва не предполагают, считает ученый, различного понимания идеала и сущности добра – добро оба мыслителя видят одинаково; данные методы предполагают другое, а именно совершенно различные подходы к сущности зла.

Если Толстой, логик в морали, рассуждает Н.А. Васильев, не замечает переходных оттенков от добра к злу, то Соловьёв, историк в морали, допускает факт рождения добра из зла, признает возможность «пользоваться злом как средством для добра».

Оба мыслителя апеллируют к догмам христианства и полагают, что их системы обоснованы заветами Евангелия. Но на самом деле решение нравственных проблем – как Толстым, так и Соловьёвым – в Евангелии вовсе не заключаются, да и в доктрине христианства тоже.

Силу концепции Толстого составляет логика; история и здравый смысл придают внушительность концепции Соловьёва, но на стороне Евангелия то, «что выше и логики

и здравого смысла – мудрость. Мудрость часто состоит в одном молчании» [Васильев Н.А. Логический и исторический методы в этике..., 1913, с. 456]. Мудрость Евангелия, продолжает Н.А. Васильев, состоит в том, что оно молчит по вопросу о регламентации морали, что оно не опутывает человека ясными и точными моральными заповедями, не связывает его «определенным решением моральной проблемы, возможно ли употреблять зло в целях добра». Старый карамазовский вопрос оказывается внешним по отношению к религии вообще. Моральная проблема, в решении которой равным счетом ничего не говорится в том источнике, откуда и Толстой, и Соловьёв черпают свои исходные принципы – в Евангелии, – потому еще неразрешима, что «решение ее не может быть общеобязательным, не может быть выражено в определенной норме и является глубоко индивидуальным» [Васильев Н.А. Логический и исторический методы..., 1913, с. 457].

Стоит оговориться: несмотря на то что Н.А. Васильев, анализируя этические системы Соловьёва и Толстого, дает своеобразную интерпретацию Евангелия, апеллирует в качестве аргумента к его содержанию, – это нельзя рассматривать как свидетельство религиозности Николая Александровича. Напротив, из писем Васильева можно твердо установить, что он отличался крайне низкой степенью религиозности, и, между прочим, на этой почве, как уже упоминалось выше, в зрелые годы у него возникают серьезные расхождения с позицией жены.

Даже достаточно поверхностный взгляд на эту – пожалуй, единственную – этическую работу Н.А. Васильева, и ее сравнение с духом логических исследований ученого, позволяют сделать вывод, что он стремился к критическому и обобщающему анализу тех областей знания, которые

попадали в его поле зрения, – будь то логика, психология или этика.

В науке Н.А. Васильев, несомненно, был стратегом. Предпосылкой к этому служила его удивительная способность как бы отстраняться от предмета и выделять в нем самое главное, самое важное, существенное; находить ту красную нить, которая пронизывает саму сущность объекта исследования. Так, характеристика Н.А. Васильевым методов, которые применялись Толстым и Соловьёвым, обнаруживает именно такую отстраненность, умение в сжатой, даже афористичной, манере схватить и выразить стержневую идею, пронизывающую изучаемую систему, передать кредо тех, кто ее построил. Эта особенность подхода ученого к предмету анализа в той или иной мере, впрочем, заметна во всех его – научных и литературных – трудах. В логике такой подход, как мы знаем, был в высшей степени плодотворным.

Г Л А В А 11

«ЖИЗНЬ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ
НАЧИНАЕТСЯ С МОМЕНТА
ИХ СМЕРТИ»¹.

СУДЬБА ЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ
Н. А. ВАСИЛЬЕВА

Логика всегда занимала в науке особое место. Особое положение логики задается ее двойственной функцией по отношению к другим научным дисциплинам. Во-первых, в логике в явном виде фиксируются и изучаются способы рассуждений, которые неявно приняты, которые невидимо «работают» во всех областях научного знания. Во-вторых, в недрах логики складываются принципиально новые типы, принципиально новые способы рассуждений и доказательств, со временем перенимаемые иными науками и приобретающие характер своего рода общенаучных норм построения и развертывания знания.

Общенаучное значение современной логики поднялось на новую ступень потому, что процесс математизации в XX в. является отличительной чертой научного познания, а современная логика, по сути, есть логика математическая². В той мере, в какой справедливо утверждение английского физика и историка науки Д. Уизема, что «математика – не что иное, как высшее развитие символической логики»

¹ Это высказывание принадлежит французскому писателю Ж.Л. Арреа.

² Мы оставляем в стороне вопрос о возрождении теории аргументации и риторики, или так называемой «неформальной логики» [Informal logic, 1980].

(цит. по: [Математика в афоризмах..., 1983, с. 202], благодаря математизации современного научного знания сократилось и продолжает сокращаться «расстояние» между логикой и наукой (точнее, наукой за вычетом логики). Компьютерная революция – следствие и, пожалуй, наиболее общезначимый пример этого процесса.

Современная наука характеризуется еще одной особенностью, которая, впрочем, также тесно связана с математизацией научного знания, – интенсивным возникновением теоретических систем, которые обычно именуется неклассическими. Рождение неклассической науки восходит, по видимому, к рождению неевклидовой геометрии. В настоящее время неклассическая наука в сфере математики и математического естествознания обогатилась целым семейством неклассических концепций и систем. Теории и концепции неклассического содержания бурно возникали и в логике, причем логика вслед за геометрией оказалась одной из первых наук, которой коснулись неклассические тенденции. Это выразилось в создании неклассических логических систем, которые базируются либо на иных, нежели классические, принципах, либо обладают языками с более богатыми выразительными возможностями, либо покрываются другими семантиками, либо им присущи все или часть указанных свойств.

Неклассические логики могут строиться с целью расширить дедуктивные и выразительные возможности классической логики. Модальные логики, языки которых оснащены специальными операторами для выражения категорий возможности, необходимости, долженствования, запрещения, временного порядка и т.д., дополняют классическую логику. Неклассические логики также строятся как альтернативные системы к классическим – системы, например, свободные от тех или иных основополагающих

принципов и (или) норм доказательности, которые присущи классическим системам и в справедливости которых ученые могли усомниться в процессе своей исследовательской практики. Альтернативные логики по замыслу их сторонников призваны превзойти в тех или иных отношениях классические или даже заменить их. Такого рода логиками являются интуиционистские, релевантные и паранепротиворечивые логики [Да Коста, 1982, с. 115].

Релевантные логики, родоначальником которых ныне считается И.Е. Орлов¹, пересматривают классическое понятие логического следования, главная особенность которого состоит в требовании истинности заключения при данных истинных посылках. Релевантное понятие логического следования прибавляет к этому требованию еще требование связи посылок и заключения по содержанию. Поэтому в релевантных логиках удается избежать парадокса материальной импликации (подробнее о релевантных логиках см.: [Dunn, 1986]).

Интуиционистская (а также близкородственная ей конструктивистская) логика строится путем отказа от ряда важнейших положений классической логики – закона исключенного третьего и снятия двойного отрицания. Отвергая ряд коренных абстракций классической математики и логики, интуиционистская логика ориентирована на проведение алгоритмических процедур, свойственных точному конструктивному рассуждению [Гейтинг, 1965].

Паранепротиворечивые логики, пожалуй, самый необычный, даже можно с уверенностью сказать – революционный, класс логик. Революционный потому, что в них отвергается стержневой принцип классической логики, математики и классической науки в целом – принцип непро-

¹ Об И.Е. Орлове подробнее см.: [Бажанов, 2001].

тиворечивости теоретических систем, закрепленный в законе (не)противоречия, прерогатива формулировки которого принадлежит аристотелевой логике (см.: [Бажанов, 1987]). Недопустимость двух утверждений в рамках одной системы, одно из которых является отрицанием другого, – даже не идеал, а норма любой, включая, прежде всего, конечно, логику и математику, классической системы знания (и, строго говоря, некоторых относимых к неклассическим, например интуиционистским, теорий). Если система противоречива, то она тривиальна, т.е. в ней всякая формула является теоремой, в ней выводимо «все что угодно» – вот логико-методологическая установка классической науки, положение аристотелевой логики, которое образно можно назвать основой ее сложного организма. Действительно, для классических систем свойства противоречивости и тривиальности совпадают и, стало быть, противоречивые системы автоматически выталкиваются за пределы классической науки, чтобы быть при необходимости переформулированными в непротиворечивом виде. Так, противоречивой была (наивная) теория множеств Г. Кантора, но известные аксиоматики теории множеств (Цермело-Френкеля, Гёделя и т.д.) уже, надо думать, непротиворечивы¹. Впрочем, несмотря на констатацию революционного характера этих логик, сами создатели этих логик подчеркивают, что паранепротиворечивые логики не замещают собой классическую логику, не являются ее соперниками, а в общем случае находятся в отношении дополтельности. Классическая и паранепротиворечивая логика становятся соперниками только в случае применения к одной и той же области [Da Costa, 1999b, с. 33].

¹ Во всяком случае, к такой точке зрения склоняются математики на том основании, что противоречий при их многочисленном использовании до сих пор (2005 г.) не встречалось.

В самом конце 1940 (в работах С. Яськовского) и в конце 1950 – начале 1960 гг. в трудах Д. Нельсона, и особенно Ньютона Да Коста, выяснилось, что вполне возможно создание противоречивых, но в то же время нетривиальных систем, – таких систем, в которых допустимы противоречивые теоремы, выраженные в форме закона (не)противоречия. Эти системы были названы паранепротиворечивыми (1976 г.), по-видимому, в некоторой степени по аналогии с паранормальными явлениями, поскольку речь идет в новых логиках о непривычном истолковании и реализации свойства (не)противоречивости.

Эти системы, крайне необычные с точки зрения общепринятой в течение многих столетий нормы непротиворечивости знания, требуют существенной модификации методов логического и математического рассуждений. Исследование паранепротиворечивых логических и математических систем, по существу, только начинается, но уже сейчас достаточно уверенно можно сказать, что они могут оказать значительно большее воздействие на всю архитектуру математики и на применяемые в ней методы, а впоследствии, вероятно, и на все математическое естествознание, нежели то, которое можно было бы ожидать со стороны логики пусть качественно новой, но исходящей из того же самого (что и другие формальные системы) концептуального требования непротиворечивости. Уже в настоящее время, например, ясно, что в области паранепротиворечивых логик – логик, толерантных к противоречию – должны быть пересмотрены стандартные методы доказательства таких фундаментальных результатов, как теоремы Гёделя о неполноте и непротиворечивости (непременным условием которых является непротиворечивость формальной системы), и не исключено, что должен быть пересмотрен даже

смысл этих теорем (см.: [Priest, Routley, 1984, с. 16; Priest, 1987, с. 49–63]. Если для ряда классов паранепротиворечивых логик доказан своего рода аналог первой теоремы Гёделя, то вторая теорема, условием которой является непротиворечивость формальной системы, уже для них не проходит [Da Costa, 1991].

Н.А. Васильев стоял у истоков едва ли не большинства разделов современной неклассической математической логики (см. также: [Бажанов, 1987а; Стяжкин, 1967]. Приоритет Н.А. Васильева в выдвижении новых логических концепций признан в мировом масштабе, однако это признание пришло спустя десятилетия после смерти ученого. Мысль П. Валери о том, что великие люди рождаются дважды (первый раз – просто как все люди, другой – как люди великие), оказалась и в данном случае провидческой. Действительно, Н.А. Васильев заслуженно считается основоположником паранепротиворечивой логики. Именно в паранепротиворечивой логике – логике, свободной от закона (не)противоречия – на формальном уровне воплощен лейтмотив воображаемой, в прямом значении неаристотелевой, логики. Идеи, связанные с критикой еще в 1910 г. закона исключенного третьего, делают Н.А. Васильева тем, кто в известной мере предвосхитил рождение еще одной альтернативной классической логики – интуиционистской. Кроме того, он является и родоначальником логики, дополнительной к классической, – многозначной. В.А. Смирнов был убежден, что Н.А. Васильева следует считать и родоначальником особого класса логик – многомерных.

Аида Арруда, активно пропагандировавшая идеи Н.А. Васильева и внесшая крупный вклад в развитие паранепротиворечивой логики, замечала, что Н.А. Васильев

является «единственным предшественником паранепротиворечивых логик» [Arruda, 1989, с. 102–103]. Ряд ученых полагают, что родоначальниками паранепротиворечивой логики следует считать Н.А. Васильева и Я. Лукасевича [Da Costa, Marconi, 1989, с. 6; Da Costa, 1999a, 1999b; Da Costa, Beziau, Bueno, 1995a, с. 2; Da Costa, Beziau, Bueno, 1995b, с. 2; Beziau, 1999; Da Costa, Krause, Bueno, 2004, с. 3; Da Costa, Krause, Bueno, 2006, с. 656–657; Marcos, 2005, с. XXIV]. Иногда в число предшественников паранепротиворечивой логики также включают И.Е. Орлова, имея в виду его логику совместности предложений 1928 г. (см.: [Da Costa, Beziau, Bueno, 1995a]), Д.А. Бочвара, имея в виду его логики, допускающие формализацию парадоксов (см.: [Priest, 1984, с. 36–37]). В связи с идеей паранепротиворечивости иногда вспоминают и убеждение Л. Витгенштейна в том, что со временем логика и математика научатся работать с противоречиями [Wittgenstein, 1968, с. 50e]. Понятно, что в этом контексте вызывают интерес идеи А. Мейнонга, касающиеся объектов особого типа, включая с противоречивыми свойствами [Meinong, 1904], которые препарируются средствами паранепротиворечивой логики (см., например: [Priest, 2003]).

Отстаивая приоритет Васильева, Аида Арруда выражала мнение, что «Я. Лукасевич, строго говоря, не является предшественником паранепротиворечивой логики, а, скорее, неклассической логики в целом» [Arruda, 1989, с. 101]. Это мнение следует признать справедливым, тем более что сам Я. Лукасевич признавался в том, что в 1910 г. он «стремился создать неаристотелевскую логику, но безуспешно...» (цит. по: Воленский, 2004, с. 143), и лишь в 1920 г. предложил вариант трехзначной (не являющейся прообразом паранепротиворечивой) логики.

Non-Classical Logics, Model Theory and Computability.
A.I. Arruda, R.C.A. de Costa and R. Chuaqui (eds.)
© North-Holland Publishing Company, 1977

ON THE IMAGINARY LOGIC OF N. A. VASIL'EV

by AYDA I. ARRUDA

1. INTRODUCTION.

Nikolaj Alexandrovic Vasil'ev (1880–1940) studied medicine and became a Professor of Philosophy at the University of Kazan, Russia. He wanted to do for Aristotelian Logic what Lobachevsky had done for Euclidean Geometry. The logical views of Vasil'ev were presented in a series of papers published between 1910 and 1913 (Vasil'ev 1910, 1911, 1912, and 1913), and in an abstract which appeared in 1924 (Vasil'ev 1924). Due possibly to the fact that the ideas of Vasil'ev were too advanced for his time or because the most important of his papers were published only in Russian, his work passed almost unnoticed until 1962. Nonetheless, some of his papers were reviewed (Hessen 1910, and K. Smirnov 1911) and mentioned (Church 1936, and Korcik 1955). Vasil'ev's conceptions began to receive their due with the paper of V. A. Smirnov 1962, its review by D. D. Comey 1965, and the paper of G. Kline 1965 where the author considers Vasil'ev as a forerunner of many-valued logic (this opinion is also supported in N. Rescher 1969, and M. Jammer 1974).

A deductive theory T is said to be *inconsistent nontrivial* if there is a formula A such that both A and its negation, $\neg A$, are theorems of T , and there is at least one formula which is not a theorem of T . If the underlying logic of T is the classical logic (or one of most of the common logics) T is trivial if and only if it is inconsistent. Then, for the study of inconsistent nontrivial theories it is necessary to construct new systems of logic (see, for example, Arruda 1967, Arruda and Costa 1970, Asenjo and Tamburino 1975, Costa 1974, and Routley and Meyer 1976).

Страница работы А. Арруды, посвященной анализу воображаемой логики Н. А. Васильева

Вплоть до 1910 г. работы Н.А. Васильева почти не замечались. Не замечались в силу ряда причин – из-за того, что они намного опережали свое время (первая логическая система, толерантная к противоречию, была построена независимо от работ Васильева Ст. Яськовским в 1948 г.; затем исследования подобных систем возобновились Н. Да Коста и Д. Нельсоном только десятилетие спустя), что они были практически недоступны ведущим зарубежным логикам и т.д. Между тем отдельные современники Васильева в какой-то мере понимали глубину замыслов ученого. Поскольку логические труды Васильева носят содержательный характер и отличаются богатством разбросанных в них идей, то каждое последующее поколение вычитывало в этих трудах то, что оказывалось созвучным новейшим тенденциям в логике и лишь входящим в сферу размышлений новаторским идеям.

На фоне продолжительного забвения работ Н.А. Васильева знаменателен «Отзыв на работы по математической логике Н.А. Васильева», который был дан в начале 1927 г. выдающимся советским математиком, одним из основателей московской математической школы академиком (а в момент написания отзыва еще членом-корреспондентом) Н.Н. Лузиным (полный текст отзыва с краткими замечаниями и пояснениями помещен в приложении; см. также: [Бажанов, 19876]). Н.Н. Лузин, в частности, писал, что «работы Н.А. Васильева по логике имеют большое значение в отношении исследования принципов мышления вообще, но... в последнее время идеи Н.А. Васильева получили самую высокую важность вследствие новых течений в математике (имеются в виду интуиционизм и эффективизм; программу последнего успешно развивал сам Н.Н. Лузин. – В.Б.). Идеи Н.А. Васильева удивительным

образом совпадают с новейшими усилиями, к которым должны теперь прибегнуть математики силою вещей»¹.

*Отзыв
о работах Н. А. Васильева
по
Математической логике
составленный проф. Н. Лузиным*

Работы Н. А. Васильева по логике имеют большое значение в отношении исследования принципов мышления вообще, но, в особенности ценны в самое последнее время идеи Н. А. Васильева получили самую высокую важность вследствие новых течений в математике.

Оценивая кратко положение современной логики математики, должно сказать следующее:

В последнее время, в связи с пересмотром основ математики, приходится отходить от

Отзыв Н. Н. Лузина на работы Н. А. Васильева

Формулировка Н.А. Васильевым идей, к которым впоследствии математики должны были прибегнуть «силою вещей», вовсе не случайность, а закономерный итог теоретико-познавательных и методологических установок ученого, подготовленный упорным преследованием стратегической цели его программы «выработки цельного и полного философского мировоззрения», – программы, которая, как уже отмечалось, оставила глубокий след на духе и содержании всех последующих, и в первую очередь логиче-

¹ Автор выражает признательность Е.Ар. Кречетовой и Н.К. Григорьевой за передачу в его личный архив этого документа.

ских, исследований ученого. Это итог буквально виртуозного владения Н.А. Васильевым аппаратом традиционной логики и его особой исследовательской позиции относительно критики центральных пунктов аристотелевой логики.

К любой области исследований – будь то логика, психология, этика или история – Н.А. Васильев подходил с точки зрения ученого-философа, для которого на первом месте стоит идейная сторона дела, а не технические детали (хотя, быть может, и очень важные). Это ярко проявилось в его логических изысканиях. К логике он подходил не как некоторые логики-профессионалы, для которых, прежде всего, существенны те или иные доказательные процедуры и приемы, так сказать, тактического и технического порядка, для которых особую привлекательность представляют механизмы формальных преобразований, «ближний прицел» логического мышления. К логике Н.А. Васильев подходил с позиций стратега, остро ощущающего пульс логической науки, находящейся на перепутье. Сам ученый подчеркивал, что его главной задачей является не столько «дать системы воображаемой логики», сколько «показать самый принцип, на котором она построена» [Воображаемая (неаристотелева)..., 1912, с. 231]. Поэтому, с точки зрения тех, кто находится под влиянием традиций классического математического образования, кто тяготеет к формально-математическому стилю мышления, для кого особую прелесть представляют именно формальные выкладки, а не общие концептуальные соображения, кто, другими словами, не может не подходить к логике с позиций специалиста-тактика, склонного рассматривать развитие этой науки вне исключительно важного здесь исторического контекста, – логические исследования Н.А. Васильева могут показаться содержащими «много общих рассуждений и мало результатов» [Морозов, 1973, с. 321]. К такой оценке под-

талкивает и непривычный для современного ученого стиль мышления Н.А. Васильева, архитектура его работ, использованная в них аргументация и образ изложения (сказанное, впрочем, имеет силу для оценки чуть ли не всех работ, ныне считающихся классическими, но которые давно слагают фонд, принадлежащий лишь истории науки).

Однако как раз «общие рассуждения» и оказались способными впервые обнаружить дискуссионные пункты в аристотелевой логике, нащупать ее «болевые точки» и расчислить путь к построению формальной неаристотелевой логики, а также к расширению возможностей «старой» логики. Это и побудило крупнейшего советского алгебраиста и логика академика А.И. Мальцева с высоты прошедших лет оценить логические исследования Н.А. Васильева как «замечательные» события того далекого времени [Морозов, 1973, с. 321].

В истории науки совсем не исключительны ситуации, когда какая-либо идея или концепция, в силу своего новаторского характера не находящие должного резонанса в среде ученых-современников, забывается, а через некоторый – иногда длительный – промежуток времени открывается заново, и именно с этого момента начинается отсчет работы в науке теории, в основу которой положена эта идея. Затем, зачастую случайно, бывает, обнаруживается, что данная идея уже некогда в той или иной мере высказывалась, кто-то предвосхитил ее контуры, ранее сформулировал ту «изюминку», благодаря которой теперь идея вошла в арсенал науки. Тогда точка отсчета рождения теории или ее стержневой идеи смещается вглубь по шкале истории науки. Так произошло, например, с математической логикой.

Математическая логика как активно работающая в науке концептуальная единица, как дисциплина, развиваемая достаточно многочисленным научным сообществом, по-

видимому, существует с деятельности Дж. Пеано и его школы. Труды же тех, кто раньше Пеано развивал математическую логику, скажем Г. Фреге или Ч. Пирса, оставались почти неизвестными вплоть до начала XX в. Более того, публикация ряда рукописей Лейбница отодвинула момент закладки фундамента математической логики в XVII в., и уже Лейбниц получает всеобщее признание как основоположник современной математической логики [Клайн, 1984, с. 212].

Однажды Андрей Белый заметил, что есть имена ученых, слава которых далеко опережает их труды, ибо квазинаучное обоснование общей мысли, разделяемой всеми, нравится более, чем строго научное обоснование новой и оригинальной, и если эти мысли облечены в скромную, незатейливую форму, а не в ослепляющие парадоксы, то порой получается, что этого ученого надолго постигает забвение; новая, нужная, быть может революционная, мысль долго таится под спудом, покрывается пылью обыденности, в возможном интересе нескольких специалистов к частностям исследования растворяется руководящая мысль. Но с тем большим восторгом, считал Андрей Белый, последующая эпоха видит в обычном и забытом необычное, глубоко оригинальное, искристый свет начинает пробиваться сквозь пыль архивов.

История возрождения идей воображаемой логики Н.А. Васильева где-то напоминает нарисованную картину: несмотря на то что работы Н.А. Васильева вошли в знаменитую библиографию по символической логике А. Черча, помещенную в ведущем логико-математическом журнале в 1936–1938 гг.¹, идеи и концепция Васильева в целом стали

¹ См.: Church A. A bibliography of symbolic logic // The Journal of symbolic logic. 1936. Vol.1. № 4; Additions and corrections to «A bibliography of symbolic logic» // Ibid. 1938. Vol. 3. № 4.

приобретать признание с появлением статьи В.А. Смирнова [Смирнов В.А., 1962], ее реферата в крупнейшем международном логическом журнале и статьи Дж. Клайна [Kline, 1965] (см. также: [Attuda, 1977, с.3]). Дж. Клайн объявил Н.А. Васильева родоначальником многозначной логики, и его мнение было поддержано таким авторитетным логиком, как Н. Решер [Rescher, 1969], и таким историком науки, как М. Джаммер [Jammer, 1974], а позже [Bolc, Borowik, 1992, с. V] П. Симонсом [Simons, 1998, с. 85] и А. Уркухартом в таком авторитетном издании, как Handbook of Philosophical Logic [Urquhart, 2004, с. 249].

Действительно, к классам утвердительных и отрицательных по качеству суждений Н.А. Васильев добавляет в своей воображаемой новый класс – индифферентных (аналог акцидентальных в логике понятий). Принцип двужности суждений довлел над умами математиков в течение нескольких тысячелетий. Поскольку всякий концепт истинностного значения принято считать суждением независимо от того, несет ли он смысл какого-либо предложения (см.: [Черч, 1960, с. 32]), то набор истинностных значений, состоящий лишь из двух значений – «истинно» или «ложно», – введением индифферентного суждения, по сути, расширяется до третьего («колебание между утвердительным и отрицательным суждениями»). Понятно, что введение нового класса суждений было сопряжено с существенным пересмотром многих логических принципов, а также истолкования природы законов логики.

Академик А.И. Мальцев писал, что, хотя в России до Великой Октябрьской социалистической революции не имелось устойчивых алгебраических школ, в нашей стране был выполнен ряд «первоклассных алгебраических исследований, оставивших большой след в истории математики. В первую очередь мы хотим здесь отметить замечательные работы Е.И. Золоторёва, Е.С. Федорова, Ф.Э. Молина,

а также Н.А. Васильева [Мальцев, 1976, с. 473]. А.И. Мальцев разъяснил, какие моменты исследований Н.А. Васильева представляют особую ценность в связи с развитием и современным состоянием математической логики. «Некоторые разделы современной алгебры, – указывал он, – посвящены изучению алгебраических структур, возникших в математической логике. Работа этого рода в России была начата в Казанском университете... Здесь Платон Сергеевич Порецкий ...прочитал в 1987/88 г. первый в нашей стране курс математической логики¹... Уже после смерти П.С. Порецкого Казанский университет снова стал родиной яркой новой идеи – идеи многозначных логик, выдвинутой Н.А. Васильевым... Логика Васильева была вариантом трехзначной логики, хотя и без достаточно разработанной ее «алгебры». Это дает Н.А. Васильеву почетное место в истории науки в ряду основателей многозначных логик» [Мальцев, 1976, с. 474–475]. Добавим, что Н.А. Васильев не ограничивался признанием возможности одной только трехзначной логики. Согласно Васильеву, допустимо «какое угодно число качественно различных суждений», т.е. мыслимы k -значные логики. Первые формализованные системы многозначной (а точнее – трехзначной) логики были построены Я. Лукасевичем и Э. Постом десять лет спустя после выхода работ Васильева.

С современной точки зрения воображаемую логику Васильева можно интерпретировать, в частности, как четырехзначную логику, подобную той, которая была предложена В.К. Финном (см.: [Аншаков, Скворцов, Финн, 1993; Бирюков, Шуранов, 1998]).

Введение нового класса индифферентных суждений сопровождалось у Н.А. Васильева последовательной и об-

¹ На самом деле П.С. Порецкий читал курс математической логики один семестр осенью-зимой 1888 г. (см.: [Бажанов, 2005]).

стоятельной критикой закона исключенного третьего, непосредственно связанного с отказом от принципа двузначности логических суждений, причем им различаются «определенно-числовые суждения» и «неопределенно-числовые суждения». Это придает его работам содержание, которое справедливо расценивается как предвосхищение ряда положений не только интуиционистской, но и конструктивной логики [Стяжкин, 1967]. Как раз на это содержание обратил внимание академик Н.Н. Лузин. Критика закона исключенного третьего проводилась Н.А. Васильевым почти одновременно с родоначальником интуиционизма Л.Э.Я. Брауэром, разумеется, совершенно независимо от него. Однако идеи Брауэра в дальнейшем имели более счастливую судьбу, отчасти благодаря такому ученику и последователю, как А. Гейтинг, представившим эти идеи в формализованном и привычном для логического сообщества виде.

А.И. Мальцев, естественно, не мог быть информирован о том, что начаты исследования формальных систем, толерантных к противоречию, известных ныне как паранепротиворечивые. А между тем, по мнению Н.А. Васильева, воображаемая логика представляла собой именно такую систему. «Возможно, еще с большим основанием, чем в случае многозначных логик, Н.А. Васильев может считаться предшественником неклассических логик, построенных для исследования противоречивых, но нетривиальных теорий», – подчеркивала Аида Арруда [Arruda, 1977, с. 4; см.: также: Priest, Routley. 1984, с. 5]).

Мнение А.И. Арруды о том, что Н.А. Васильев «еще с большим основанием», чем в случае многозначных логик, должен считаться основателем паранепротиворечивых логик, обосновано тем обстоятельством, что центральный пункт воображаемой логики – это отказ от закона противоречия, находящегося в самом ядре развития логических традиций Аристотеля, а именно данное положение выражает и суть паранепротиворечивых систем. В этих системах A и $\neg A$ могут одновременно иметь статус теорем,

и их конъюнкция, значит, тоже теорема. Освобождая логику от закона противоречия, Н.А. Васильев осознавал, что в результате открывается перспектива создать в высшей степени оригинальные, с классической точки зрения, логические системы. И хотя автор воображаемой логики утверждал, что «каждому пункту нашей (т.е. Аристотелевой. – В.Б.) логики соответствует определенный пункт» воображаемой логики, содержание каждого из соответствующих «пунктов», конечно, оказалось весьма различным. Так, и паранепротиворечивая логика и математика, развитие которых по историческим меркам можно сопоставить с порой младенчества, достаточно существенно отличаются от привычных нам логики и математики не только по своим результатам и концептуальной базе, но и по нормам рассуждений, доказательств и, вероятно, пока даже по канонам строгости. Уже построен ряд систем в паранепротиворечивой теории множеств, делаются шаги на пути создания паранепротиворечивой теории моделей, алгебраических структур, арифметики, ведутся исследования различных паранепротиворечивых логик, в том числе модальных и временных, причем одна серия паранепротиворечивых формальных систем получила название васильевских¹. Кроме того, расширяется поле приложений новой концепции, в рамках которой имеется серьезная надежда формализовать наивную теорию множеств, ньютоно-лейбницева версию математического анализа, ранние варианты квантовой механики и другие противоречивые, содержащие антиномии теории. Сторонники паранепротиворечивой логики говорят даже о формализации некоторых «урезанных» фрагментов диалектического мышления. Главная привлекательность (и вместе с тем необычность) паранепротиворечивых систем заключается в возможности

¹ Для тех, кто знаком с математической логикой, технические подробности можно найти, например, в изданиях: [Arruda A.I., 1977; Arruda A.I., 1980; Da Costa, Marconi, 1989; Marcos, 2005].

их использования для формализации такого рода ситуаций, в которых стандартные методы классической математики порождают теории, неизбежно сопровождаемые парадоксами, антиномиями (см.: [Mortensen, 1995]).

Говоря о паранепротиворечивой математике и логике, стоит еще раз упомянуть о том, что во многом благодаря их развитию среди ученых западных стран наблюдается своего рода «переоткрытие» диалектики и находятся новые моменты в критике позитивизма. Как известно, позитивизм считает диалектику несостоятельной потому, что в диалектике признается существование истинных противоречий, а наличие противоречия в теории якобы тривиализирует ее в силу разрушительного действия закона Дунса Скотта («из противоречия следует все что угодно»). Подобный аргумент, в частности, неоднократно выдвигал К. Поппер, чем пытался обосновать свое неприятие диалектического способа мышления. Этот же аргумент, кстати, был положен К. Поппером в основу крайне низкой умозрительной оценки возможностей паранепротиворечивой логики. «Удивительно, – писал Н. Да Коста, – что философ может так же настаивать на своем мнении относительно возможностей паранепротиворечивой логики, как в этом упорствовал К. Поппер. В действительности... существуют паранепротиворечивые системы, значительно более сильные, чем классические... Можно с соответствующими оговорками выдвинуть положение, что диалектика не поддается критике с логической точки зрения» [Да Коста, 1982, с. 16; см. также: Priest, 2002].

Значение паранепротиворечивой логики и математики, конечно, не ограничивается лишь моментами, касающимися распространения диалектики. Оно шире и, думается, затрагивает судьбы теоретического уровня знания в целом, имеет глубокие философские последствия. На самом деле противоречивость внешнего мира является едва ли не общезначимым положением. Тем не менее противоречивый в своей сущности мир отражался посредством непротиво-

речивых теорий. Возникновение паранепротиворечивой математики и логики, вероятно, в конечном итоге может привести к ликвидации этого несоответствия и ныне часто истолковывается в свете поисков новой интерпретации диалектики. Недаром ведущие паранепротиворечивые логики связывают развитие своей концепции с торжеством диалектической традиции, берущей свое начало у Гераклита и продолженной Кантом, Гегелем и их последователями (см.: [Arruda, 1980]), а в качестве своего рода девиза паранепротиворечивого направления в логике и математике избрано изречение Гегеля, что противоречие есть принцип истины, но не принцип лжи. Впрочем, ряд видных ученых в области паранепротиворечивости стараются подчеркнуть качественное отличие идеи паранепротиворечивости от идеи диалектического противоречия и диалектической традиции в духе Гегеля в целом и поэтому употребляет понятие *Dialetheism* (в первую очередь Г. Прист [Priest, 1987], [Priest, 2002]), а не понятие *Dialectics* (на русском языке пока нет эквивалента термина *Dialetheism*, который позволял бы воспроизвести отличие стоящего за ним содержания от диалектики в традиционном понимании).

Н.А. Васильев стоит у истоков концептуального, идейного ядра паранепротиворечивых систем, но в них нашли свои «образы» и отдельные положения воображаемой логики. Например, это касается двух видов отрицания, введенных Васильевым.

Помимо идейных предпосылок к созданию многозначных и паранепротиворечивых логик, труды Н.А. Васильева включали элементы исследований, позже оформившихся в самостоятельные исследования и получивших название метатеоретических. Разработка Н.А. Васильевым концепции металогии как науки, которая описывает общие структуры и свойства всех возможных логик, рассмотрение вопроса о зависимости друг от друга исходных логических законов, подчеркивание настоятельной необходимости развернуть с помощью метода воображаемой логики ис-

следования, аналогичные исследованиям по основаниям геометрии, его мысль об упорядочивающей роли воображаемой логики для учения о принципах и законах мышления, о необходимости аксиоматизации логики, наконец, сам синтетический и критико-рефлексивный характер его подхода к анализу особенностей и недостатков аристотелевой логики, его аргументации – все это говорит в пользу того, что в работах Н.А. Васильева делается шаг на пути к метатеоретическим исследованиям, полностью оформившимся в теории доказательств Д. Гильберта.

В заключение анализа связи идей Н.А. Васильева с современной математикой и логикой отметим, что на работу ученого [Васильев, 1925] имеется ссылка, надо полагать не вполне случайная, в знаменитой книге Р. Фейса по модальной логике [Фейс, 1974]. По всей видимости, учение Н.А. Васильева об индифферентных, акцидентальных и неопределенных суждениях, в записи которых использовалась одна из алетических модальностей, было созвучно некоторым исходным концептуальным посылкам современной модальной логики.

Возможно, что в воображаемой логике Н.А. Васильева могут обнаружиться и другие, пока не замеченные, но небезыңтересные с точки зрения современной логики и математики, положения. Идея противоречивых, но нетривиальных (паранепротиворечивых) систем представляет – несмотря на свой «младенческий» возраст – уже не только академический интерес. Большие надежды на системы такого рода возлагаются в связи с комплексной программой создания искусственного интеллекта и вообще задачами информатики.

Необходимость обращения к системам типа паранепротиворечивых объясняется противоречивостью изучаемого в теории искусственного интеллекта процесса принятия решений, вызванного тем, что «в зависимости от ситуации одна и те же посылка может вызывать различные следствия (иногда полностью противоречивые)...». Поэтому «пред-

ставители логического направления в искусственном интеллекте и математики-логики пытаются создать математические модели диалектической (противоречивой) философской логики Гегеля и более сложной логики Канта» [Кузин, 1985, с. 8].

За последние годы методы и средства паранепротиворечивой логики стали использоваться не только в информатике и программировании (подробнее см.: [Da Costa, Subrahmanian, 1990; Grant, Subrahmanian, 2000]), но и при анализе оснований физики [Da Costa, Krause, Bueno, 2004, права [Puga, Da Costa, Vernengo, 1992] и в экспертных системах в медицине [Da Costa, Subrahmanian, 1990]. Более того, на основе паранепротиворечивой логики в начале 2000-х гг. был сконструирован и действует робот, нежно названный «Эмми».

В 2007 г. в Монтрё (Швейцария) состоялся первый международный конгресс, посвященный комплексу идей, связанных с логическим квадратом и развиваемых в контексте современной науки – логики, психологии, искусственного интеллекта, когнитивных наук и т.д. Идеям Н.А. Васильева, который впервые поколебал уверенность в незыблемости жёсткой структуры логического квадрата, заменил его на логический треугольник и тем самым положил начало разработке современной неклассической логики, на этом конгрессе уделялось значительное внимание (см.: [Bazhanov, 2007]).

«Я прекрасно сознаю, – писал Н.А. Васильев в 1912 г. в статье “Воображаемая (неаристотелева) логика”, – что защищаемая здесь мысль об иной логике противоречит тысячелетнему убеждению человечества...» [Васильев, 1912а, с. 246]. Прошло более полувека. Идеи воображаемой логики восстали из пепла, подобно легендарной птице Феникс, и их судьбу можно выразить словами Эмиля Верхарна – поэта, столь ценимого Николаем Александровичем:

*Сегодня всему наступает пора,
Что чуть ли не бредом казалось вчера.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всякий человек есть история, не похожая ни на какую другую. Неповторима и жизнь Николая Александровича Васильева, его история как человека, как разностороннего мыслителя и ученого. Диапазон его интересов был чрезвычайно широк. Он простирался от поэзии до логики, математики, психологии, этики, медицины. Какой бы области ни касался Николай Александрович, всюду он выбирал новую, никем еще в должной степени не развитую точку зрения; появление его в любой сфере мышления отмечалось печатью оригинальности, особого, свойственного только ему подхода, который отличался стремлением обобщить проблему, придать ей новое звучание, взглянуть на нее под непривычным углом зрения, критически оценить предшествующие решения и выбрать свое – синтетическое по характеру – мнение.

Сравнительно немногочисленны творчески активные годы Н.А. Васильева и драматичен последний период его жизни. Однако оставленное им наследие, и в первую очередь логическое? ярко и нетрадиционно.

Н.А. Васильев стоял у колыбели современной неклассической математической логики. Пытаясь заглянуть в будущее, он писал: «Мы должны ввести в логику идею бесконечности, великую идею нового времени... Нужно расширить ее пределы, удостовериться в бесконечности возможных логических систем. Тот, кто удостоверится в этом, будет испытывать ощущение Джордано Бруно, когда в его воображении предстала бесконечность физической вселенной... Все современное движение в логике есть восстание против Аристотеля... Трудно предсказывать будущее. Можно только сказать словами, сказанными Людовику XVI, что будущие поколения решат, было ли это современное движение в логике бунтом против Аристотеля или научной революцией» [Васильев, 1913а, с. 80–81].

Н.А. Васильев пережил ощущение Джордано Бруно, а будущее со всей очевидностью показало, что движение, о котором писал ученый, явилось исходной точкой научной революции в логике.

БИБЛИОГРАФИЯ

Опубликованные труды Н.А. Васильева

1904

Тоска по вечности. Казань: Типолитограф. В.М. Ключникова, 1904. – 155 с.

1906

Перевод с английского гл. III–VI книги Бэна А. Психология. Т. 2 / Под ред. В.Н. Ивановского. М.: М.Н. Прокопович, 1906. – XIV. 301. 104 с.

1907

а) Верхарн Э. Обезумевшие деревни / Пер. Н.А. Васильева. Казань: Изд. Казан. Ком. Общ-ва помощи голодающим, 1907. – 95 с.

б) Э. Верхарн // Верхарн Э. Обезумевшие деревни. Казань, 1907. – С. 74–95.

1908

а) Программа по психологии. Казань, 1908. – 5 с.

б) Лекции по психологии, читанные на Казанских высших женских курсах. 1-е изд. Казань, 1908. – 228 с.

в) Третий Международный философский конгресс в Гейдельберге, 31 августа–5 сентября 1908 года нового стиля. Спб.: Сенат. тип., 1909. – 35 с.

1909

а) О Гоголе // Камско-волжская речь, 1909. 20, 25 марта.

б) Свинберн. Переводы из О.Ч. Свинберна // Творчество. Казань: Типолитограф. И.С. Перова, 1909. – С. 121–148.

в) Грезы старого дома // Там же, – С. 99–107.

г) Поэзия Свинберна // Вестник Европы. 1909. Август. – С. 507–523.

д) Значение Дарвина в философии // Камско-волжская речь. 1909. 30 января.

1910

О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого // Учен. зап. имп. Казан. ун-та, 1910. Октябрь. С. 1–47.

1912

а) Воображаемая (неаристотелева) логика // Журн. мин-ва нар. просвещения. Нов. сер. 1912. Август. – С. 207–246.

б) Воображаемая логика. Конспект лекции. Казань, 1912. – 6 с.

в) Рец. на кн.: Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften in Verbindung mit W. Windelband herausgegeben von A. Ruge. I band: Logic. Verlag. Von I.C. Mohr. Tubingen, 1912 // Там же. – С. 387–389.

г) Рец. на кн.: Prof. I. Geysler. Lehrbuch der allgemeinen Psychologie. Munster, 1912. XIX. 336 // Там же. – С. 392.

1913

а) Логика и металогика // Логос. 1912–1913. Кн. 1/2. – С. 53–81.

б) Рец. на кн.: Fr. Paulhan. La logique de la contradiction. Paris: Felix Alcan edit, 1911. – 182 P. // Там же. 1913. Кн. 3/4. – С. 363–365.

в) Рец. на кн.: Henri Poincare. Derniers pensees. Paris: Ernest Flammarion edit, 1913 // Там же. – С. 365–367.

г) Из О.Ч. Свинберна // Чтец-декламатор. Киев, 1913. Т. 2. – С. 377–380, 393–394.

д) Логический и исторический метод в этике (Об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловь'ва) // Сборник в честь Д.А. Корсакова. Казань: Изд-во М.А. Голубева, 1913. – С. 449–457.

1915

а) Лекции по психологии, читанные на Казанских высших женских курсах. 2–3 изд. Казань, 1915. – 226 с.

б) Программа по психологии. Казань. Типолитограф. имп. ун-та, 1915. – 6 с.

1921

а) Рец. на кн.: Радлов Э. Очерк истории русской философии. Петроград, 1921 // Казан. библиофил. 1921. № 2. – С. 98–100.

б) О некоторых задачах воспитания слепых // Вестн. просвещения. 1921. № 4/5. – С. 53–55.

г) Вопрос о падении западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества // Изв. общ-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. 1921. Т. 31. Вып. 2/3. – С. 115–247.

д) Рец. на кн.: Сборники Ассоциации общественных наук. Т. 1. Казань: Госиздат, 1921 // Казан. библиофил. 1922. № 3. – С. 56–57.

1925

Imaginary (non-aristotelian) logic // Estratto dagli Atti dei V Congresso internazionale di Filosofia. 5–9 maggio, 1924. Napoli. Naples, 1925. – P. 107–109.

1989

Воображаемая логика. М.: Наука, 1989. – 262 с.

Неопубликованные труды Н.А. Васильева

Отчет о первом годе занятий (1907 г.) профессорского стипендиата по кафедре философии. Казань, 1907 // Науч. б-ка КГУ. ОППК. Рук. № 5669. – 9 с.

Отчет приват-доцента по кафедре философии императорского Казанского университета Н.А. Васильева о ходе его научных занятий с 1 июля 1911 г. по 1 июля 1912 г. // Науч. б-ка КГУ. ОРПК. Рук. № 6217. – 34 с.

Краткая автобиография (1916 г.) // Архив автора.

Курс общей психологии // Науч. б-ка КГУ. ОРПК. Рук. № 4857. – С. 113–115.

Архивные материалы

Архив РАН, фонд 518, оп. 3, письма А.В. Васильева к В.И. Вернадскому от 12.01.1927, 14.01 и 27.01.1928.

Барановская (Керенская) О.Л. Воспоминания // Архив Е. Hudson (Great Britain). См. также: Kerenskij O. I Morti non Parlano: Tre Anni e Mezzo della Mia Vita. Rome: Edizione Paoline, 1977.

Васильева Е.С., Васильев Ю.Н. Краткая биография Н.А. Васильева // Архив автора.

Лиознер С.А. Выписка из истории болезни Н.А. Васильева д-ра С.А. Лиознера. 10 августа 1916 г. // Архив автора.

Лузин Н.Н. Отзыв о работах Н.А. Васильева по математической логике (1927 г.) // Архив автора.

Кислицын П. Воспоминания о пребывании Н.А. Васильева в психиатрической больнице // Архив автора.

Красновский А.А. Краткие биографические справки о Н.А. Васильеве // Архив автора.

Крушинская А.А. (урожд. Васильева). Воспоминания // Архив Н.Л. Крушинской.

Крушинская А.А. (урожд. Васильева). Очерк жизни заслуженного профессора Казанского университета Александра Васильевича Васильева // Архив Н.Л. Крушинской.

НА РТ, фонд 977 (Фонд Казанского университета (до 1918 г.)).

НА РТ, фонд 1337 (Фонд Казанского университета (1918–1924 гг.)).

РГИА, фонд 1606 (Фонд А.В. Васильева).

Glendon M. Letter by A.V. Vasiliev (1922) // Family Archive of M. Glendon.

Vasiliev S.A. Correspondence with A.F. Kerensky // Harry Ransom Research Center Archive (The University of Texas).

Литература

Аверинцев С.С. Император Юлиан и становление «византизма» // Традиции в истории культуры. М.: Наука, 1978. С. 79–84.

Аншаков О.М., Скворцов Д.П., Финн В.К. Об аксиоматизации многозначных логик, связанных с формализацией правдоподобных рассуждений // Логические исследования. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 292–297.

Бажанов В.А. Становление и развитие логических идей Н.А. Васильева // Филос. науки. 1986. № 3. С. 74–82.

Бажанов В.А. Николай Александрович Васильев. М.: Наука, 1988. 144 с.

Бажанов В.А. Прерванный полет: История «университетской» философии и логики в России. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1995. 109 с.

Бажанов В.А. Ученый и «век-волкодав»: Судьба И.Е. Орлова в логике, философии, науке // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 125–135.

Бажанов В.А. Очерки социальной истории логики в России. Ульяновск-Симбирск: Изд-во Средневолжского научного центра, 2002. 124 с.

Бажанов В.А. Владимир Керенский: жизненный путь и академическая карьера // Вече. 2003. Вып. 14. С. 88–99.

Бажанов В.А. Жизнь и научная деятельность пионера исследований в области математической логики в России П.С. Порецкого // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 4. С. 64–73.

Бажанов В.А. Каинки – территория любви // Родина. 2006. № 6. С. 105–107.

Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. М.: «Канон+», 2007. 336 с.

Бажанов В.А. Васильев Н.А. // Большая российская энциклопедия. М. Т. 4. 2006. С. 642.

Бажанов В.А. Логическая мысль России // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – М.: Алгоритм, 2007. С. 301–303.

Бирюков Б.В., Шуранов Б.М. В каком смысле «воображаемую логику» Н.А. Васильева можно считать многозначной? // Вестник МГУ. Сер. 7. 1998. № 5. С. 74–84.

Болгарский Б.В. Казанская школа математического образования. Казань: Изд-во КГПИ, 1966. Ч. 1. 260 с.

Васильев А.В. К истории землевладения в Свияжском уезде // Известия археологии, истории и этнографии при имп. Казанском ун-те. 1895. Т. 12. Вып. 6. С. 603–612.

Васильев А.В. Университет и национальное воспитание (речь, произнесенная при открытии Педагогического общ-ва при Казан. ун-те 8 дек. 1900 г.) // Вестник воспитания. 1900. С. 68–80.

Васильев А.В. Математика. Казань: Типолитограф. имп. Казан. ун-та, 1916. 58 с.

Васильев А.В. П.Л. Лавров – историк и философ математики // Сб. памяти П.Л. Лаврова. Пг.: «Колос», 1922. С. 373–384.

- Васильев А.В.* Письма к Г. Миттаг-Леффлеру // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1992. № 4. С. 48–60 (публикация С.С. Де-мидова и Т.Н. Токаревой).
- Васильев В.П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Спб.: Акад. наук, 1857. Ч. 1: Общее обозрение. 356 с.
- Васильев В.П.* // БСЭ. 3-е изд. 1971. Т. 4. С. 324.
- Васильев Н.В.* В семидесятые годы. М.: Мол. гвардия, 1931. 125 с.
- Васильев С.* «Великая железнодорожная держава» // *Новый журнал (США).* 1951. № 26. С. 237–251.
- Веселовский С.Б.* Подмосковье. М.: Моск. рабочий, 1962. 582 с.
- Вишняков А.* Император Юлиан-Отступник и литературная полемика с ним св. Кирилла архиепископа Александрийского в связи с предшествующей историей литературной борьбы между христианами и язычниками. Симбирск: Губерн. тип., 1908. 247 с.
- Воленский Я.* Львовско-Варшавская философская школа. М., 2004. 472 с.
- Вригт Г.Х. фон.* Логика и философия в XX веке // *Вопросы философии.* 1992. № 8. С. 80–91.
- Гейтинг А.* Интуиционизм. М.: Мир, 1965. 200 с.
- Гессен С.И. (С.Г.)* [Рецензия] // *Логос.* 1910. Кн. 2. С. 287–288. – Рец. на кн.: Васильев Н.А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого. Казань, 1910.
- Гессен С.И. (Sergius).* [Рецензия] // *Речь.* 1910. 11 (24) окт. С. 3. – Рец. на кн.: Васильев Н.А. О частных суждениях... Государственный Совет. Петроград, 1915.
- Григорьев В.П.* Будетлянин. М.: Языки русской культуры, 2000. 816 с.
- Григорьев В.П.* «Безумный, но изумительный». Велимир Хлебников – наш Эйнштейн от гуманитарии? // *Общественные науки и современность.* 2005. № 6. С. 135–146.
- Да Коста Н.* Философское значение паранепротиворечивой логики // *Филос. науки.* 1982. № 4. С. 114–125.
- Демидов С.С.* Русские математики в Берлине во второй половине XIX – начале XX века // *Ист.-матем. иссл.* 2000. № 5. С. 71–83.
- Дорофеева А.В., Чернова М.Л.* Карл Вейерштрасс. М.: Знание. 1985. 46 с.
- Дуганов Р.Ф.* Велимир Хлебников. Природа творчества. М., 1990. 350 с.
- Иванов Ю.* [Рецензия] // *Казан. библиофил.* 1921. № 2. С. 169–174. – Рец. на кн.: Васильев Н.А. Вопрос о падении... // *Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те.* 1921. Т. 31. Вып. 2/3. С. 115–247.
- Избранные вопросы алгебры и логики: Сб., посвященный памяти А.И. Мальцева. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 339 с.
- Известия Казанского физико-математического общества. Вторая сер. 1911. Т. 17. № 1–2.
- Изотов Г.Е.* Казанское физико-математическое общество. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 32 с.
- Кант И.* Критика чистого разума. Спб., 1907. VI. 464 с.

- Кареев Н.И.* [Рецензия] // *Анналы.* 1923. Кн. 3. С. 240. Рец. на кн.: Васильев Н.А. Вопрос о падении... // *Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те.* 1921. Т. 31. Вып. 2–3. С. 115–247.
- Клайн М.* Математика: Утрата определенности. М.: Мир, 1984. 446 с.
- Клини С.К.* Математическая логика. М.: Мир, 1973. 480 с.
- Колмогоров А.Н., Юшкевич А.П.* Послесловие // Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. С. 373–381.
- Копнин П.В.* О логических воззрениях Н.А. Васильева // *Копнин П.В. Диалектика, логика, наука.* М.: Наука, 1973. С. 405–448.
- Крушинская А.А.* Василий Павлович Васильев // *Природа.* 1968. № 3. С. 97–100.
- Кузин Л.Т.* Состояние и перспективы развития научно-технического направления «искусственный интеллект» // *Искусственный интеллект: итоги и перспективы.* М., 1985. С. 4–9.
- Левитин К.Е.* Мимолетный узор. М.: Знание, 1978. 80 с.
- Лосский Н.О.* Логика. Пг.: Наука и школа, 1922. Ч. 1. 228 с.
- Лурия Е.* Мой отец А.Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994. 221 с.
- Максимович П.П.* Друг детей: Книга для первоначального чтения. 13-е изд. Спб., 1878. 313 с.
- Максимович П.П.* Тверская женская учительская школа. Тверь, 1878. 86 с.
- Мальцев А.И.* Избранные труды. М.: Наука, 1976. Т. 1. 484 с.
- Маркин В.И., Зайцев Д.В.* Воображаемая логика–2: реконструкция одного из вариантов знаменитой логической системы Н.А. Васильева // *Труды научно-исследовательского семинара логического центра Института философии РАН.* Вып. 13. М., 1999. С. 134–142.
- Математика в афоризмах, цитатах, высказываниях. Киев: Вища шк., 1983. 278 с.
- Математика XIX века: Математическая логика. Алгебра. Теория чисел. Теория вероятностей / Под ред. А.Н. Колмогорова, А.П. Юшкевича. М.: Наука, 1978. 255 с.
- Мир Велимира Хлебникова* / Под ред. Вяч. Вс. Иванова и др. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.
- Морозов В.В.* Взгляд назад // *Избранные вопросы алгебры и логики: Сб., посвящ. памяти А.И. Мальцева.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. С. 314–322.
- Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский. М.: Наука, 1982. 488 с.
- Нагорный Н.М.* Абстракция актуальной бесконечности // *Мат. энцикл.* 1977. Т. 1. С. 43.
- Новоселов М.М.* Эффективизм // *Филос. энцикл.* 1970. Т. 5. С. 591–592.
- Новоселов М.М.* Логика // БСЭ. 3-е изд. 1973. Т. 14. С. 595–596.
- Очерки истории партийной организации Татарии. Казань: Тат. кн. изд-во, 1973. 711 с.
- Парфентьев Н.Н.* А.В. Васильев как математик и философ // *Изв. физ.-мат. о-ва при Казан. ун-те.* 1930. Сер. 3. Т. 4. Вып. 1.

- Письма советских ученых руководителям партии и государства // Вестник АН СССР. 1990. № 10. С. 110–118.
- Порецкий П.С. О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1884.
- Пушкин А.С. Начало автобиографии // Соч. М.: Наука, 1965. Т. 8. С. 77.
- Путята Т.В., Лаптев Б.Л., Розенфельд Б.А., Фрадлин Б.Н. Александр Петрович Котельников. М.: Наука, 1968. 122 С.
- Розенталь Н.Н. Юлиан-Отступник: Трагедия религиозной личности. Пг., 1923. 112 с.
- Семашко Н.А. Прожитое и пережитое. М.: Госполитиздат, 1960. 120 с.
- Скачков П.Е. Очерки истории русского Китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.
- Слепеский В.У. Тверская женская учительская школа П.П. Максимовича // Учен. зап. Калнин. пед. ин-та. 1946. Т. 10. Вып. 2. С. 3–31.
- Смирнов В.А. Логические взгляды Н.А. Васильева // Очерки по истории логики в России. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 242–257.
- Смирнов В.А. Многомерные логики // Логические исследования. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 259–278.
- Смирнов В., Стяжкин Н. Васильев Н.А. // Филос. энцикл. 1960. Т. 1. С. 228.
- Смирнов К.А. [Рецензия] // Журн. мин-ва нар. просвещения. Нов. сер. 1911. Март. С. 150–154.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1962. Т. 14. 726 с.
- Сорокин П. [Рецензия] // Экономист. 1922. № 4–5. С. 259. – Рец. на кн.: Васильев Н.А. Вопрос о падении... // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. 1921. Т. 31. Вып. 2–3. С. 115–247.
- Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
- Стяжкин Н.И. Формирование математической логики. М.: Наука, 1967. 508 с.
- Сыромятников А. Студенческие волнения в 1901–1902 гг. // Красн. Арх. 1938. № 4/5. С. 258–308.
- Тер-Оганесян В. Несколько мыслей о диалектике // Под знаменем марксизма. 1922. № 9–10. С. 209–215.
- Ученые записки имп. Казанского университета. 1912. Кн. 12.
- Фейс Р. Модальная логика. М.: Наука, 1974. 520 с.
- Харджиев Н. Новое о Велимире Хлебникове // День поэзии. М.: Сов. писатель, 1975. С. 201–211.
- Харджиев Н. Статьи об авангарде. Т. 2. М., 1997.
- Черч А. Введение в математическую логику. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. Т. 1. 484 с.
- Хохлов А.Н. В.П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая. М.: Наука, 1974. С. 28–70.

- Юшкевич А.П. Советские исследования по истории математики за 60 лет (1917–1977) // Ист.-мат. исслед. 1979. Вып. 24. С. 9–87.
- Щелкачев В.Н. Письмо автору данной работы от 12.10. 1998.
- Albeis D.A., Alexanderson G.L., Reid C. (eds.). International Mathematical Congresses: an Illustrated History, 1893–1986. Berlin, Heidelberg: Springer, 1987.
- Arruda, A.I. On Imaginary Logic of N.A. Vasiliev // Nonclassical Logics, Model Theory, and Computability / Eds. Arruda A.I., Da Costa N.C.A., Chuaqui R. Amsterdam; N.Y.; Oxford: North-Holland, 1977. P. 3–24.
- Arruda A.I. A Survey of Paraconsistent Logic // Mathematical Logic in Latin America / Eds. Arruda, A.I., Chuaquai, R., Da Costa, N.C.A. Amsterdam; N.Y.; Oxford: North-Holland, 1980. P. 1–41.
- Arruda A.I. Aspects of the Historical Development of Paraconsistent Logic // Paraconsistent Logic. Essays on the Inconsistent. Munich: Philosophia Verlag, 1989. P. 99–130.
- Bazhanov V.A. The Fate of One Forgotten Idea: N.A. Vasiliev and His Imaginary Logic // Studies in Soviet Thought, 1990, Vol. 39. № 4. P. 333–344.
- Bazhanov V.A. The Imaginary Geometry of N.I. Lobachevsky and the Imaginary Logic of N.A. Vasiliev // Modern Logic, 1994. Vol. 4. № 2. P. 148–156.
- Bazhanov V.A. Toward the Reconstruction of the Early History of Paraconsistent Logic: the Prerequisites of N. A. Vasiliev's Imaginary Logic // Logique et Analyse, 1998. Vol. 161–163. P. 17–20.
- Bazhanov V.A. The Origins and Emergence of Non-Classical Logic in Russia (Nineteenth Century until the Turn of the Twentieth Century) // Zwischen traditioneller und moderner Logik. Nichtklassische Ansätze. Mentis-Verlag, Paderborn, 2001. S. 205–217.
- Bazhanov V.A. 2006. Vasiliev N.A. (http://www.isfp.co.uk/russian_thinkers/nikolay_vasiliev.html)
- Bazhanov V.A. «Non-Classical Stems from Classical: N.A. Vasiliev's Approach to Logic and His Reassessment of the Square of Opposition». (<http://www.square-of-opposition.org>, May–June, 2007) // Logica Universalis, 2008. Vol. 2. № 1. P. 71–76.
- Bendegem J.P. Van. Alternative Mathematics: the Vague Way // Synthese, 2000. Vol. 125. № 1–2. P. 19–31.
- Beziau J.-Y. The Future of Paraconsistent Logic // Logical Studies, 1992. № 2 (<http://www.logic.ru>).
- Bobenrieth A.M. ¿Inconsistencias. Po Que No? Bogota, 1996. XIX. 567 P.
- Bole L., Borowik P. Many-Valued Logics. Berlin: Springer-Verlag, 1992. X. 292 p.
- Carus P. (Editor). The Nature of Logical and Mathematical Thought // Monist. 1910. Vol. 20. P. 33–75, 158–159.
- Chwistek L. The Limits of Science. N.Y.: Harcourt, Brace and Co., 1948. XIX. 347 p.
- Da Costa Newton C.A. Письмо автору от 5 мая 1991.

- Da Costa Newton C.A.* Letter of Thanks // *Logic and Logical Philosophy*, 1999. Vol. 7. P. 7–10.
- Da Costa Newton C.A.* Opening Address: Paraconsistent Logic // *Logic and Logical Philosophy*, 1999. Vol. 7. P. 25–34.
- Da Costa Newton C.A., Doria F.A.* Undecidable Hopf Bifurcation with Undecidable Fixed Point // *International Journal of Theoretical Physics*, 1994. Vol. 33. № 9. P. 1885–1901.
- Da Costa Newton C.A., Marconi D.* An Overview of Paraconsistent Logic in the 80s // *The Journal of Non-Classical Logic*. Vol. 6, № 1. 1989. P. 5–32. (См. перевод В.А. Бажанова этой статьи, опубликованный в: *Философские науки*. 1989. № 1989. С. 54–63).
- Da Costa Newton C.A., Beziau J.-Y., Bueno O.* Aspects of Paraconsistent Logic // *Bulletin of the Interest Group in Pure and Applied Logics*, 1995a. Vol. 3. № 4. P. 597–614.
- Da Costa Newton C.A., Beziau J.-Y., Bueno O.* Paraconsistent Logic in a Historical Perspective // *Logique et Analyse*, 1995. Vol. 150–152. P. 111–125.
- Da Costa Newton C.A., Krause D., Bueno O.* Paraconsistent Logics and Paraconsistency: Technical and Philosophical Developments. Preprint, 2004. 111 p.
- Da Costa Newton C.A., Krause D., Bueno O.* Paraconsistent Logics and Paraconsistency // *Handbook of the Philosophy of Science*. Vol. 5 (Philosophy of Logic). Vol. ed: Dale Jacquette. Handbook eds: Dov M. Gabbay, Paul Thagard, John Woods. Elsevier, 2006. P. 655–781.
- Da Costa Newton C.A., Henschen L.J., Lu J., Subrahmanian V.S.* Automatic Theorem Proving // *Paraconsistent Logics: Theory and Implementation*, Proceedings of the Tenth International Conference on Automated Deduction, Springer-Verlag, Lecture Notes in Computer Science, Kaiserslautern, FRG. 1990. Vol. 449. P. 72–86.
- Da Costa Newton C.A., Henschen L., Lu J., Subrahmanian V.S.* Reasoning in Paraconsistent Logics // *Automated Reasoning: Essays in Honor of Woody Bledsoe*. Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 181–210.
- Da Costa Newton C.A., Subrahmanian V.S.* Paraconsistent Logics as a Formalism for Reasoning About Inconsistent Knowledge Bases // *Journal of Artificial Intelligence in Medicine*. 1990. Vol. 1. № 4. P. 167–174.
- Dalla Chiara M.L., Giuntini R.* Paraconsistent Ideas in Quantum Logics // *Synthese*. 2000. Vol. 125. № 1–2. P. 55–68.
- Dauben J.W. Georg Cantor.* His Mathematica and Philosophy of the Infinite. Camb. (Mass.): Harvard University press, 1979.
- Dieudonne J.* *Geschichte der Mathematik. 1700–1900.* Ein Abriss. Berlin: VEB Deutscher Wissenschefthen, 1985. 942 s.
- Dunn J.M.* Relevance Logic and Entailment // *Guentner F., Gabbay D.* (eds.) *Handbook of Philosophical Logic*. Vol. 3. Dordrecht: Reidel, 1986. P. 117–224.
- Fehr H.F.* Alexander Vasiliev // *L'Enseignement Mathematique*, 1929, T. 29. P. 317–318.
- Ginsberg S.* Note sur le sens equivoque des propositions particuliers // *Revue de Metaphysique de Morale*. 1913. Vol. 20. № 1. P. 101–106.

- Grant J., Subrahmanian V.S.* Applications of Paraconsistency in Data and Knowledge Bases // *Synthese*. 2000. Vol. 125. № 1–2. P. 121–132.
- Informal logic* / Eds. J.P. Blair, R.H. Johnson. Inverness (Calif.): Meen and Anwin, 1980. XVI. 172 p.
- Jammer M.* *Philosophy of Quantum Mechanics*. N.Y.: Wiley, 1974. XI. 536 p.
- Kerenskij O.* *I Morti non Parlano: Tre Anni e Mezzo della Mia Vita*. Rome: Edizione Paoline, 1977.
- Kline G.* N.A. Vasiliev and the Development of Many-valued Logic // *Contributions to Logic and Methodology in Honor of J.M. Bochenski* / Ed. Tymieniecka. Amsterdam: North-Holland, 1965. P. 315–326.
- Korzybski A.* Alexander Vasilievitch Vasiliev (1853 – 1929) // *Science*. 1929. Vol. LXX. № 1825. P. 598–600.
- Loria G.* Alexandre Vasilievic Vasilieff // *Archeion*, 1930. Vol. XII. P. 46–47.
- Lukasiewicz J.* On the Principle of Excluded Middle // *History and Philosophy of Logic*. 1987. Vol. 8. P. 67–69.
- Marcos J.* *Overture: Paraconsistent Logics* (<http://logica.rug.ac.be/WoPaLo/>).
- Marcos J.* *Logics of Formal Inconsistency*. Campinas. SP, 2005. 304 p.
- Meinong A.* 'Gegenstandstheorie' // *Meinong A.* (ed.). *Untersuchungen zur Gegenstandstheorie und Psychologie*. Leipzig, 1904.
- Mortensen C.* *Inconsistent Mathematics*. Kluwer Academic press. 1995. IX, 168p.
- Pierce C.S.* The Logic of Relatives // *Monist*. 1897. Vol. 52. № 2. P. 161–217.
- Poli R. Nicolas A.* Vasiliev (1880 – 1940) // *Axiomathes*. 1993. № 3 (dicembre). P. 325–328
- Priest G.* In Contradiction. A Study of Transconsistent. Dordrecht: Nijhoff Publ., 1987. 278 p.
- Priest G.* Vasiliev and Imaginary Logic // *History and Philosophy of Logic*. 2000. Vol. 21. P. 135–146.
- Priest G.* Paraconsistent Logic // *Handbook of Philosophical Logic*. Vol. 6. Dordrecht-Boston-London, 2002. P. 287–393.
- Priest G.* Meinongianism and the Philosophy of Mathematics // *Philosophia Mathematica*, 2003. Vol. 11. P. 3–15.
- Priest G., Routley R.* Introduction: Paraconsistent Logics // *Studia logica*. 1984. Vol. 43. № 1–2. P. 3–16.
- Priest G., Routley R.* First Historical Introduction: a Preliminary History of Paraconsistent and Dielethic Approaches // *On Paraconsistency*. Canberra: Australian National University press, 1984. 235 p.
- Puga L., Costa Da. N.* On the Imaginary Logic of N.A. Vasiliev // *Zeitschr. F. math. Logik und Grundlagen d. Math.*, 1988. Bd. 34. S. 205–211.
- Puga L.Z., Da Costa Newton C.A., Vernengo R.J.* Normative Logics, Morality and Law // *Expert Systems in Law*. Elsevier, 1992. P. 345–365.
- Rainoff T.* Alexander Vasilievic Vasiliev // *Isis*, 1930. Vol. XIV (2). № 44. P. 342–348.
- Raspa V., Vergauwen R.* Possible Worlds with Impossible Objects: the Imaginary Logic of N.A. Vasiliev // *Logique et Analyse*. 1997. Vol. 159. P. 225–248.

- Rescher N. Many-Valued logic. N.Y.: McGraw-Hill, 1969. XV. 359 p.
- Russell B. The Principles of Mathematics. L., 1903. XXXIX. 534 p.
- Russell B. Collected Papers / Ed. J.S. Slater, with assistance of B. Frohmann. L.: Allert Unwin, 1988.
- Schroder E. Vorlesungen uber die Algebra der Logik. Lpz., 1890. Bd. 1. XII. 717 s.; 1897. Bd. 2. XIII. 430 s.; 1905. Bd. 3. VIII. 649 s.
- Schroder E. Abriss der Algebra der Logik. Lpz.; B. 1909. T. 1. V. 50 S.; 1910. T. 2. VI. 51–159 s.
- Shearman A.T. The Development of Symbolic Logic. L., 1906. XI. 242 p.
- Simons P. MacColl and Many-Valued Logic: An Exclusive Conjunction // Nordic Journal of Philosophical Logic, 1998. Vol. 3. № 1. P. 85–90.
- Smirnov V.A. The Logical Ideas of N.A. Vasiliev and Modern Logic. In: Logic, Methodology and Philosophy of Science, VIII (Proceedings of the Eighth International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science). Amsterdam, 1989. P. 625–640.
- Sielzner W. Vasil'ev, Psychologism, and Another Foundation for Tautological Entailments // The Role of Pragmatics in Contemporary Philosophy. Vol. 2. Kirchberg am Wechsel, 1997. P. 920–925.
- Subrahmanian V.S. Paraconsistent Disjunctive Deductive Databases // Theoretical Computer Science. 1999. Vol. 93. № 1. P. 115–141.
- Suchon W. Sylogistyki klasyczne. Krakow: UJ, 1999a. 194 S.
- Suchon W. Vasiliev: What Did He Exactly Do? // Logic and Logical Philosophy. 1999. Vol. 7, 1999. P. 131–141.
- Tsuji M., Da Costa Newton C.A., Doria F.A. The incompleteness of Theory of Games // Journal of Philosophical Logic. 1998. Vol. 27. P. 553–568.
- The Comparative Reception of Relativity / Ed. Th. F. Glick, Dordrecht, Reidel, 1987.
- Urquhart A. Basic Many-Valued Logic // Handbook of Philosophical Logic. Vol. 2. Dordrecht-Boston-London, 2002. P. 249–296.
- Vassiliev A. Henry More, Newton et Berkeley // Estratto dagli dei V Congresso internazionale di Filosofia, 5–9 maggio. 1924. Napoli. Naples, 1925. P. 1045–1049.
- Wittgenstein L. Philosophical Investigations. N.Y.: MacMillan Publ., 1968. 250 p.
- Zarnecka-Bialy E. Truth and Logic in Vasil'ev Imaginary Worlds // Типы логических систем и проблема истины. София, АН Болгарии, 1988. С. 11–19.
- Zarnecka-Bialy E. Noises in the History of Logic. Krakow: UJ, 105 s.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. ВАСИЛЬЕВ

Воображаемая (неаристотелева) логика¹ [Imaginary (non-aristotelian) logic, 1924]

1. Эмансипация логики от влияния Аристотеля началась только в XIX в. Важнейшими этапами этого движения являлись: 1) метафизическая логика Гегеля; 2) открытие законов научной индукции и критика учения о силлогизме (Дж.С. Милль); 3) критика учения о модальности и суждении (Зигварт); 4) создание математической логики (Буль, Пеано, Фреге, Рассел).

2. Сейчас становится все более ясным, что необходимо пересмотреть доктрину классической логики о законах мышления, углубиться в природу четырех фундаментальных законов мысли.

3. В споре между Бенно Эрдманом, который утверждает относительность всех законов логики, и Гуссерлем, для которого они являются идеальными истинами, обязательными для любого мыслящего субъекта, Н.А.Васильев занимает промежуточную позицию: некоторые законы относительны, а другие – нет. Он исследует закон противоречия и закон исключенного третьего.

4. Закон противоречия имеет два различных смысла: одно и то же суждение не может быть одновременно истинным и ложным; если отказаться от этого закона, то логика становится невозможной потому, что мы не способны отличить истину от лжи.

5. Но этот закон обладает и иным смыслом. Обычно он формулируется как невозможность одновременного утверждения и отрицания.

¹ Перевод с английского выполнен автором данной книги.

Вещь не может быть одновременно белой и не белой. Тело не может одновременно находиться в покое и не в покое. Если придать закону противоречия этот второй смысл, то он относится не к суждениям, но к вещам или фактам, и, таким образом, нетрудно разглядеть эмпирический базис данного второго значения закона противоречия.

5. (Именно так в оригинальном тексте; мной намеренно сохранена опечатка. – В.Б.) Мы можем представить иной мир (или другую физическую организацию) и новую логику, которая ему соответствует. В этой новой воображаемой логике мы имеем три вида (формы) суждения.

I. Обычное утвердительное: S есть P (A).

II. Обычное отрицательное: S есть не P (E).

III. Комбинацию утвердительного и отрицательного (индифферентное суждение: S суть P и не-P(In).

6. Очевидно, что новая логика богаче по числу модусов различных фигур. Например, можно показать, что к четырем модусам первой фигуры (Barbara, Darii, Gelerent, Ferio) в новой логике добавляется два индифферентных модуса Mindalin и Kindirimp. Также можно показать, что в новой логике пропадает вторая фигура силлогизма, а третья фигура новой логики опять-таки богаче, чем третья фигура нашей логики (9 модусов, а не 6).

7. Новая логика постоянно нарушает второе значение закона противоречия, постоянно говорит об одновременном утверждении и отрицании, т.е. постоянно нарушает эмпирические законы нашего мира, но вместе с тем никогда не переступает через второй смысл этого закона, никогда не считает одно и то же суждение одновременно истинным и ложным, т.е. никогда не нарушает закон мысли. Следовательно, новая логика является связанной и гармоничной (согласованной) системой мысли, которая нарушает законы окружающей реальности, но никогда не нарушает законов мышления.

8. Логика зависит от свойств окружающей реальности или наших ощущений. Все наши ощущения положительны (утвердительно).

Ощущения от отрицательных причин (например, ощущение черного цвета) также положительны; если же допустить, что мы могли бы иметь отрицательные ощущения, то наша логика должна была бы быть неаристотелевой.

9. Вследствие существования трех видов (форм) суждения в неаристотелевой логике действует закон исключенного четвертого.

10. Однако тот же самый закон исключенного четвертого существует и в нашей логике: если мы возьмем некоторое понятие (Begriff) S и некоторый предикат P, то возможны следующие отношения.

1. S всегда имеет предикат P.

2. S никогда не имеет предиката P.

3. S имеет и не имеет этот предикат P, предикат P случаен (например, с понятием «человек» совместим предикат старый и предикат нестарый).

Каждый предикат может быть либо необходим, либо невозможен, либо возможен; треугольник обязательно замкнутая фигура, он не может быть добродетельным (virtuous), но может быть равносильным. Таким образом, вне этих трех возможностей четвертой не существует. Наряду с этим в нашей логике действует закон исключенного четвертого (principium exclusi quarti).

11. Воображаемая логика позволяет нам глубже проникнуть в природу нашей логики, разделить в ней эмпирические (устраняемые) элементы от неэмпирических, которые устранить нельзя. Все внеэмпирические элементы и отношения в логике составляют металогика. Она является аналогом метафизики. Метафизика есть знание о вещах вне условий опыта. Металогика есть учение о мышлении, не связанном с опытом. Закон противоречия в первом значении – это закон металогии.

Н.А. ВАСИЛЬЕВ

(Казанский университет)

Логический и исторический методы в этике¹

Предлагаемая статья ставит своей целью показать отношение между этическими системами Л.Н. Толстого и В.С. Соловьёва.

По нашему мнению, обе системы представляют собой характерные образчики двух методов, с которыми можно подходить к нравственным явлениям: абстрактно логического и конкретно исторического. Выразителем первого метода является Лев Николаевич Толстой; выразителем второго – Владимир Сергеевич Соловьёв.

С точки зрения этой антитезы мы и рассмотрим этические учения этих двух мыслителей; поэтому наше изложение, конечно, не исчерпает всего содержания этих замечательных моральных систем.

I

Прежде всего решим вопрос, в чем сходятся обе системы, что общего между моралью Соловьёва и моралью Толстого. Это общее сразу бросается в глаза. Обе моральные системы имеют своим источником христианство, основываются на заповедях Евангелия. Уже это одно сближает их, резко противопоставляет обе системы иррелигиозным моральным системам, например Ницше и Гюйо.

Но этого еще мало. Христианских моралистов было очень много, и восприятие евангельской морали есть еще слишком общая черта сходства. Более сближает Толстого с Соловьёвым другое. Толстой и Соловьёв одинаково считают, что вся наша общественная, правовая и государственная жизнь должна основываться

¹ Об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловьёва // Сборник в честь Д.А. Корсакова. – Казань, 1913. – С.449–457.

ся на моральных началах, оба делают нравственный критерий – абсолютный идеал добра – единственным критерием для решения всех вопросов общественности. Для обоих политика без остатка растворяется в нравственной философии.

Толстой поставил эпитафией к одному из своих сочинений слова Шелли: «Самой губительной ошибкой, которая когда-либо была сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной», и этот эпитафия мог бы быть эпитафией ко всем его сочинениям. Он выражает его основную мысль: «Напрасно говорят, что учение христианское касается личного спасения, а не касается вопросов общих, государственных» («В чем моя вера»). Делая нравственный идеал единственным опорным пунктом для решения «вопросов общих государственных» и считая, что государство с его принудительными нормами противоречит его идеалу о непротавлении злу, Толстой приходит к отрицанию государства, к анархизму. Видя в революции то же противление злу, которое само будет злом, Толстой отрицает и революцию. Все остальные пункты учения Толстого – отрицание поземельной собственности, космополитизм и т.д. – вытекают из его учения о нравственности.

То же самое и у Владимира Соловьёва. Соловьёв принимает триединую добродетель, на которой основывается вся этика. Первая добродетель – воздержание, аскетическое начало; оно вырастает из чувства стыда, которым человек и отличается от животного, так что человек может быть определен как животное стыдящееся. Первоначально это чувство возникает в связи с фактами половой сферы, но затем переносится вообще на всю нравственную жизнь. Эта добродетель регулирует отношение человека к его низшей животной природе, к материи вообще. Вторая добродетель – альтруизм, сострадание; она вырастает из чувства жалости и регулирует отношение человека к равным ему – ко всем живущим. Третья добродетель – религиозность, которая вырастает из чувства благоговения к высшему и регулирует наше отношение к Высшему Началу.

На этих нравственных началах зиждется, и должна зиждиться, вся общественная жизнь. Общество, согласно определению

Соловьёва, есть организованная нравственность и поэтому должно быть построено на началах добра. «Для человека нравственно настроенного, — пишет он, — важно здесь только одно: чтобы общественная жизнь в самом деле принимала к исполнению нормы добра — правду и милосердие во всех делах и отношениях между людьми, чтобы лично-общественная среда по существу становилась организованным добром» («Оправдание добра», с. 272). Во всех формах общественной жизни, в государстве, праве и т.д. Соловьёв видит проявления добра и потому вопреки Толстому оправдывает их, хотя исходная точка зрения у обоих общая.

Поэтому, по Соловьёву, Церковь есть организованное благочестие; Земство, или хозяйственный союз, есть организованное воздержание; Государство есть организованная жалость¹. Государство есть жалость, потому что его цель защищать слабых, как от нападения внешних врагов, так и от насилия и обмана внутри самого государства. Как бы безжалостна ни была государственная власть к своим подданным в отдельные исторические моменты, это не отменяет того, что по своей идее государство есть защита слабых, что государство в своем идеальном значении есть организованная жалость.

Экономическая сфера неотделима от нравственной. «Несостоятельность ортодоксальной политической экономии заключается в том, что она принципиально отделяет область хозяйственную от нравственной». Целым рядом рассуждений (правда, неубедительных) Соловьёв доказывает, что не существует никаких экономических законов. Из нравственных оснований он отрицает социализм. Нравственными побуждениями он оправдывает и существование собственности и ее наследование. «Наследственное состояние, с одной стороны, — воплощение... жалости родителей к детям, а с другой — реальная точка опоры для благочестия».

¹ Этот параллелизм добродетелей и явлений общественности у Соловьёва очень напоминает учение Платона и, очевидно, создан под его влиянием. Единство этики и политики вообще очень ясно выступает у Платона.

вой памяти об отошедших родителях». Так же Соловьёв берет под свою защиту право, суды, тюрьмы, войны.

Мы видим, что Толстой и Соловьёв имели совершенно одинаковые отправные точки в морали: нравственное учение Евангелия и убеждение в том, что вся общественная и государственная жизнь должна строиться на началах нравственных, и пришли к диаметрально противоположным выводам. Толстой пришел к отрицанию культуры, государства, поземельной собственности и т.д., вообще всей нашей общественной действительности. Соловьёв пришел к оправданию всей этой действительности, увидел во всех ее проявлениях глубокий нравственный смысл. «Оправдание действительности» было бы, быть может, лучшим названием для его сочинения, чем «Оправдание добра», ибо об оправдании добра как раз в книге и не говорится, и едва ли, с точки зрения Соловьёва, и нуждается добро в оправдании.

II

Как могло случиться такое расхождение двух систем, исходивших из того же самого основания? Мы подошли теперь к решению вопроса, в чем различие Толстого и Соловьёва как моралистов. Разница эта, как мы видели, не в отправных точках, а в методах решения моральных проблем. Моральный метод Толстого есть метод абстрактный, геометрический. Толстой ищет, прежде всего, логическую последовательность в морали, он хочет дать стогую и стройную систему морали, он хочет, чтобы вся мораль вытекала из одного принципа со всей силой логического принуждения. И такую систему он дал — последовательную, строгую, логически неуязвимую, но совершенно оторванную от жизни, от фактов истории, даже от здравого смысла. Толстой моралист-геометр. Ему все равно, существуют ли в действительности фигуры, которыми он занимается, осуществимы ли его моральные принципы в жизни, лишь бы не была нарушена логическая связь целого.

Поэтому основной лозунг Толстого: «Никаких компромиссов». Логика действительно не знает компромиссов. Отсюда

нравственный максимализм» Толстого. Он – моралист-революционер. Ведь он потому против революции политической, что стоит за революцию моральную. Толстой исходит из учения о непротивлении злу, которое он считает учением евангельским, и затем все выводит из этого основного принципа, как геометрические теоремы, – и отрицание государства, судов, смертной казни, террора и т.д.

И в личной жизни все становится ясным. Не только прошай твои личные обиды, но, если разбойник нападет на твою жену, на твоего сына, ты не можешь защищать их. Не противься злumu. Христианская мораль вообще является построением идеальным, трудно ее воплощение в жизнь. Но насколько труднее воплотить мораль Толстого? Какое дело Толстому, если ему скажут, что его мораль противоречит человеческой природе, противна здравому смыслу. Он вращается в сфере морального сознания, а не жизни.

Он занимается моральной геометрией или моральной астрономией, открывает нам звезды, которые едва ли даже могут быть «кормчими звездами».

Итак, резюмирую: моральная система Толстого есть отвлеченная система морали, логическое раскрытие единого морального принципа; она не считается с условиями осуществимости. Такая мораль вневременна, антиисторична.

Этическое сочинение Соловьёва «Оправдание добра» написано от первых своих страниц до последних в виде скрытой полемики с Толстым. Из писем Соловьёва видно, с каким негодованием и с каким интересом следил он за развертывавшейся в 80-е годы моральной системой Толстого. В противоположность отвлеченному логическому методу Толстого, метод Соловьёва является историческим и эволюционным. Абсолютное добро, нравственные идеалы сейчас не могут воплотиться в жизнь. Их воплощение возможно лишь в конце истории – в Царстве Божьем, и вся история есть не что иное, как постепенное воплощение Добра. «Исторический процесс есть долгий и трудный переход от зверечеловечества к богочеловечеству». И все, что помогает этому историческому процессу, хотя бы оно и казалось нам

злым, оправдывается, получает нравственный смысл, потому что служит средством для победы добра. Этика Соловьёва есть христианская этика прогресса. Так оправдываются все социальные учреждения, культура и наука, ибо они служат орудиями такого процесса. Толстой решает свою моральную задачу вне времени и пространства, Соловьёв – исторически. Он не геометр и не астроном в морали, он сын знаменитого историка, сам историк в морали. Он педагог. Человечество должно быть воспитано, чтобы воспринять начало абсолютного добра, а для такого воспитания необходима принудительная организация совершенно так же, как принуждение необходимо в воспитании детей. Исторический процесс не всегда (даже, может быть, сравнительно редко) совершается с помощью «чистых» средств. Мы постоянно видим, как зло приносит добрые плоды.

Это часто подчеркивает Соловьёв: «Бог допускает зло, поскольку имеет в своей премудрости возможность извлекать из зла большее благо или наибольшее возможное совершенство, что и есть причина существования зла» («Оправдание добра», с. 189). Это же выражено Соловьёвым и в поэтической форме:

*Свет из тьмы. Из черной глыбы
Вознестись не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не втиснулся погруженный,
Темный корень их.*

Таким образом, Соловьёв приходит, собственно говоря, к иезуитской морали, к положению «Цель оправдывает средства». Опять резкая антитеза Толстому, ибо ничто более не противоречит духу и букве толстовской морали, чем это положение.

Эту антитезу всего лучше проследить на каком-нибудь конкретном примере. Возьмем их отношение к войне. Для Толстого такое отношение очень просто. Война есть зло, и воевать при каких-бы то ни было условиях – значит поступать безнравственно.

Для Соловьёва дело гораздо сложнее. Война есть зло. Зло же бывает или безусловное, как например смертный грех, или же относительное, т.е. такое, которое меньше другого зла и сравнительно с ним должно считаться добром (например, хирургическая операция для спасения жизни). Таким относительным злом и являются войны. Войны в истории человечества служили прогрессу. Государства возникали в истории вследствие войн между родами, заканчивавшимися договорами и федерациями, положившими начало государствам. Войны способствовали развитию могущественных государств, а это развитие способствовало культуре. Единство римской державы было немаловажным условием для широкого распространения христианства. То же самое и в наше время. «Известно, как революционные и наполеоновские войны могущественно способствовали тому движению и распространению общеевропейских идей, которыми обусловлен научный, технический и экономический прогресс XIX в., объединивший человечество». Этим оправдывается война, в этом ее смысл. Война нравственно дозволена, убийство на войне не есть убийство.

Теперь мы можем сформулировать основное различие между Толстым и Соловьёвым. Различие это не в идеале добра – он у них одинаковый, а в их отношении к злу. Толстой, логик в морали, резко разграничивает добро от зла, не допускает между ними никаких переходов, потому что он имеет дело с понятиями добра и зла, которые в корне различны. Соловьёв, историк в морали, допускает эволюцию добра из зла, потому что он имеет дело с конкретным историческим добром или злом. Поэтому мы можем пользоваться злом как средством для добра, ибо, как мы видели выше, сам Бог пользуется им.

Таким злом, как средством для добра, злом относительным, и будет противление злу злом или насилию насилием, которое отвергается Толстым и признается Соловьёвым. Абстрактный метод Толстого привел его к признанию невозможности, чтобы зло (например, нападение с оружием в руках на разбойника) было средством для добра (для защиты детей). Отсюда – проповедь абсолютного воздержания от зла, непротивления злу злом. Метод

Соловьёва был противоположный, а потому и выводы получились диаметрально противоположные. Так из различия методов вытекает различие результатов.

Что касается противления злу злом, то тут нужно сделать важную оговорку. Христианство ясно говорит, что человек не может сопротивляться злу, которое наносится ему лично: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Евангелие от Матфея, 5.39). Речь идет о сопротивлении злу, причиняемому твоим ближним, о зле не личном, а общественном. Церковь очень рано определенно признала, что такое сопротивление общественному злу не является чем-то безнравственным и вполне допустимо, и Соловьёв только следует церковному учению. Очень выпукло это выражено у Иоанна Златоуста: «Если и при существовании законов, при страхах и угрозах злые намерения едва удерживаются, то когда бы отнята была и сия преграда, что тогда препятствовало бы людям решиться на зло? Какие бедствия не вторглись бы тогда в жизнь человеческую... Скажи мне, если бы кто-нибудь, собрав отовсюду злых людей и вооруживши их мечами, приказал им ходить по всему городу и убивать всех встречающихся, может ли быть что-нибудь бесчеловечнее сего? Напротив, если бы кто-нибудь другой этих вооруженных людей связал и силой заключил их в темницу, а тех, которым угрожала смерть, исхитил бы из рук беззаконников оных, может ли что-нибудь быть человеколюбивее сего?»

III

И учение Толстого о непротивлении злу, и противоположное учение Соловьёва о том, что можно пользоваться злом в целях добра, – оба стараются опереться на христианство, на заветы Евангелия. Посмотрим, кто же прав. Толстой считает, что учение о непротивлении злу есть подлинное евангельское учение; он говорит: «После 1000 лет со мной случилась такая странная вещь, что мне пришлось открывать смысл учения Христа, как что-то новое» («В чем моя вера»).

Но если критически рассмотреть его ссылку на Евангелие, то едва ли из тех текстов, которые он приводит, вытекает учение о непротивлении злу. Самый главный текст, который приводит Толстой и который он называет ключом для всего, — это вышеупомянутый текст Матфея: «А я говорю вам: не противься злому». Но из этого текста вытекает только прощение личных обид, потому что непосредственно за этим следует: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Однако из этого вовсе не вытекает, что мы не можем защищать наших близких, сопротивляясь злему. Такого запрета в Евангелии нет. В Евангелии непротивление злу в понимании Толстого нигде прямо не высказано, и поэтому евангельским учением оно не является. Толстой старается вывести его косвенно. Так, он считает, что заповедь «не судите, да не судимы будете» относится к юридическому суду, а не к личному осуждению ближнего, и приводит целый ряд филологических соображений. Я в них некомпетентен, но неправдоподобным кажется, чтобы в Нагорной проповеди, которая носит характер личной морали, вдруг появилась заповедь общественного характера, относящаяся не к области этики, а к социальной политике. Единственное, что логически правильно было бы со стороны Толстого, — это придать этим словам расширительное толкование и распространить их и на общественное осуждение ближнего, на суд; но это будет именно расширительное толкование, а не точный смысл евангельской заповеди.

Размеры этой статьи не позволяют коснуться других косвенных доказательств Толстого, но все они того же рода. Итак, евангельские заповеди не заключают в себе учения Толстого, хотя не заключают в себе ничего такого, что прямо бы его опровергало. Можно, конечно, сослаться на факты из земной жизни Христа в защиту того или иного решения вопроса о противлении злу. Но факты не заповеди, они всегда допускают то или иное субъективное толкование, ибо Евангелие рассказывает нам о тех или иных поступках и действиях Иисуса Христа, но не упоминает о мотивах, а часто поступок получает свое полное освещение лишь в связи со своими мотивами. Поэтому подражание Христу будет

не тогда, когда мы стараемся подражать его действиям, а тогда, когда мы стараемся подражать и действиям, и мотивам.

Кроме того, одни поступки Христа, например изгнание торгующих из храма, могут быть истолкованы как противление злу (и притом действием насильственным). Другие же, например повеление Петру вложить меч в ножны, когда тот бросился защищать Христа (а не себя), могут быть истолкованы в смысле запрещения противления злу. Впрочем, этот факт может быть истолкован и иначе (даже сообразно с теми различными оттенками, которые имеются в его передаче в Евангелиях Матфея и Иоанна).

Таким образом, личные поступки Христа не помогают нам уяснить этот вопрос. Ясно одно: Евангелие не содержит в себе учение Толстого о непротивлении злу. Нигде в Евангелии нет отрицания государства, которое логически связано с учением о непротивлении злу. Напротив, есть слово о том, что нужно воздавать Кесарю Кесарево, а Божье Богу. Это не только утверждение государства, это, более того, может быть истолковано и в смысле независимости государства от религии. Это можно толковать как обособление социально-государственных отношений от религиозно-нравственных.

Точно так же нет в Евангелии и запрещения военной службы. В Новом Завете рассказывается история обращения сотника Корнилия. Сотник Корнилий был воином нечестивого языческого государства, и все-таки при обращении его апостол Петр не потребовал от него, чтобы он оставил военную службу.

И вместе с тем, моральное учение Толстого, не заключааясь в Евангелии, не противоречит общему духу евангельской морали, духу кротости, смирения, всепрощения. Не будучи учением евангельским, оно является расширительным толкованием учения Евангелия, своеобразным дополнением к нему, которое в нем не заключается и ему не противоречит, а потому может быть приведено с ним в связь.

Итак, ни решение Толстого, ни решение Соловьёва в Евангелии не содержится. Евангелие молчит и по вопросу о противлении злу, и по вопросу о том, может ли зло служить целям добра.

Невольно возникает вопрос, почему Евангелие, освещающее путь жизни, молчит по таким основным вопросам человеческой жизни, оставляя в потемках души верующих.

Почему? Если на стороне Толстого логика, на стороне Соловьёва – история, здравый смысл, то в решении этого вопроса в Евангелии – то, что выше и логики и здравого смысла, т.е. мудрость. Мудрость часто состоит в одном молчании. Тот, кто вполне разрешил вопрос, часто разрешил только одно – то, что вопрос этот неразрешим. Тот, кто видит лучше всех, часто видит лишь односторонность всех взглядов и потому молчит. Великие мудрецы так часто бывают людьми великого умолчания. И мудрость Евангелия в том, что оно молчит по этому вопросу. Истинная мораль никогда не должна разрешать всех вопросов до конца, все регламентировать в жизни, опутывать человека с ног до головы ясными и точными заповедями. Это значило бы отменить свободу человека, сделать невозможной нравственную жизнь, которая вырастает на почве нравственных конфликтов, на почве напряженного искания. Какие же искания там, где все ясно и определено? Какая свобода там, где все указано?

Мораль должна давать лишь общие, руководящие принципы; их дальнейшее развитие, их приложение к жизни – дело нравственной самостоятельности человека, его нравственного творчества. Нет морали там, где имеются лишь моральные скрижали и нет творящей личности. Мудро поэтому поступает Евангелие, не связывая человека никаким определенным решением моральной проблемы, возможно ли употреблять зло в целях добра.

Эта моральная проблема постоянно является источником самых глубоких нравственных конфликтов. Ибо моральное сознание как бы чувствует вековую неразрешимость этой проблемы, величайшую тайну, скрытую в ней. Нетрудно решить вопросы, следует ли воровать, брать взятки и т.д. Но нельзя решить эту проблему. Широкой известностью пользуется карамазовский вопрос: – «Можно ли на крови, на страданиях невинного младенца построить вселенскую гармонию завершения добра?»; и ответ

на него – «Нет»¹. Это и есть та же проблема о зле в целях добра, а ответ «Нет» есть, в сущности, ответ Толстого. Он грандиозен, поразителен – этот ответ, – как грандиозна моральная система Толстого, как грандиозны романы Достоевского. Но возможен и другой ответ – «Да». Можно употреблять зло в целях добра, можно на страданиях невинного младенца построить вселенскую гармонию. Тем выше будет гармония, если она является завершением трагедии. И этот ответ будет тоже грандиозен.

Тот, кто ставит себе действительно великие цели, может быть, имеет нравственное право совершить зло, если оно неизбежно для этих целей. Может быть, именно люди высокого нравственного подъема имеют право на зло, ибо они искупят его ценой невыносимой нравственной пытки, оправдают великими целями.

Может быть, эта проблема, о которой молчит Евангелие, поэтому еще неразрешима, что решение ее не может быть общеобязательным, не может быть выражено в определенной норме и является глубоко индивидуальным. Для великих целей, для людей исключительной нравственной напряженности, отдавших себя в жертву космическим целям, быть может, цель оправдывает средства (неизбежные). Для моральных будней, конечно, это правило не годится.

¹ Проблема зла в целях добра – центральная проблема у Достоевского, а решение ее Достоевским совпадает с решением Толстого. Этой проблеме посвящен и роман «Преступление и наказание».

Н. А. ВАСИЛЬЕВ**Значение Дарвина в философии
к 100-летию со дня рождения**

Свеча светит, только пока она горит; потухнет светильня – и прекращается свет. Звезда может умереть и потухнуть, а свет ее и после ее смерти будет доходить к нам миллионы лет такой же ровный и ясный, как раньше. Каждому человеку дана радость проливать свет окружающим, но этот свет прекращается с его смертью. Только свет гения переживает его смерть, как свет неподвижной звезды. Он освещает самые отдаленные закоулки вселенной, он живет и столетия после смерти в светоносных колебаниях среды – в умах людей.

В этом году культурное человечество справляет столетний юбилей со дня рождения Дарвина и пятидесятилетний юбилей появления в свет «Происхождения видов»; в этом году, что так редко бывает, совпали юбилей человека и юбилей его гения.

И при мысли о научных заслугах Дарвина мне невольно приходит на ум это сравнение со звездой. Дарвин осветил не только ближайшие к нему области знания – естественные науки, но и те, которые были от него всего дальше – науки философские и общественные.

Дарвин не был человеком разносторонним, и Бокль после разговора с ним вынес убеждение, что Дарвин, как человек, гораздо менее интересен, чем его произведения. Дарвин никогда философией не занимался, ничего не напечатал по философским вопросам, но такова стихийная сила гения, что он, не будучи философом, сделал для философии больше, чем бесчисленное множество ученых, всю жизнь ею занимавшихся.

I

Идеи Дарвина имеют гораздо более широкое применение, чем та область эволюции животных видов, к которой он их приложил. Борьба за существование и естественный подбор прежде

всего применимы к жизни человеческого общества. Человек и будучи человеком остается животным, и для него также действительны законы животной жизни, как для живого вещества – законы физики и химии.

Если мы взглянем на жизнь человеческого общества, то сейчас же увидим в ней и борьбу за существование и естественный подбор, правда не в чистом виде, а видоизмененные другими факторами: борьба за существование принимает в человеческом обществе иной характер под влиянием культуры, государства, религии, права, нравственности и т.д., естественный подбор видоизменяется существованием общественного неравенства, условий, наследственных привилегий, существованием медицины, филантропии и т.д.

Эту тесную связь видел и сам Дарвин. Сама идея его труда явилась у него под влиянием чтения «Опыта о народонаселении» Мальтуса, т.е. саму идею борьбы за существование он почерпнул в жизни человеческих обществ и уже потом применил ее к образованию новых видов животного и растительного царства. Те же процессы подбора, но, конечно, измененные, видел он в обществе цивилизованном. Этот вопрос трактуется в V главе «Происхождения человека». «У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, стараемся, по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы для бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род». Таким образом, Дарвин подчеркивает, как влияние культуры, развитие знания и альтруизма искажает естественный подбор. В другом месте он указывает на задерживающее влияние социального фактора: неравномерного распределения богатств. «Человек наживает себе собственность и оставляет ее детям, таким образом дети богатых в борьбе за успех

имеют преимущества перед бедными, независимо от телесного или душевного развития».

Различные государственные институты также вредно отражаются на естественном подборе. «В каждой стране, где существуют большие, постоянные армии, цвет молодежи подпадает набору. Таким образом, он подвергается опасности ранней смерти на войне, нравственной порче и не имеет возможности рано вступить в брак и оставить потомство».

Поэтому ясно, что нельзя дарвиновские принципы без всяких оговорок переносить на социологию, тем более что сам Дарвин делает такие оговорки. Но, с другой стороны, несомненно, что и теоретическая социология, и практическая политика должны базироваться на этих принципах. Ведь целью разумной политики не может быть только стремление обеспечить «наибольшее счастье наибольшего числа человеческих индивидов (утилитаризм), но политика должна заботиться и о биологическом сохранении, процветании и прогрессе человечества, как животного вида»¹.

¹ В высшей степени интересно отношение дарвинизма к социализму. Вопрос этот очень запутан. Одни писатели пользовались дарвинизмом, как аргументом в пользу социализма. Рудольф Вирхов, сам не социалист, провозгласил в речи на собрании немецких естествоиспытателей и врачей в Мюнхене в 1877 году, что дарвинизм неминуемо ведет к социализму. Действительно, Бебель, Либкнехт, Ферри, Вольтман защищали социализм с помощью дарвинизма. С другой стороны, целый ряд дарвинистов, как Геккель, Спенсер, Гексли, Войсмани, Кидд, были решительными противниками социализма. Геккель утверждает, что обе теории относятся друг к другу, как вода и огонь, что дарвинизм оправдывает общественное неравенство, что его тенденции аристократичны и исключают демократию и социализм. Невозможно в рамках газетной статьи разобрать этот запутанный вопрос. Вернее, что не правы ни Геккель, ни социалистические писатели. Дарвинизм осуждает всякий общественный строй с задержанной борьбой за существование, т.е., с одной стороны – строй кастовый и аристократический, с другой стороны – социалистический. Поэтому политические выводы дарвинизма исключают и *ancien régime*, и социализм: они будут «либерализм и демократия».

II

Но не в одних только социологических выводах заключается широта дарвиновских идей. Не меньше их значение и в философии. Прежде всего, дарвиновская теория есть главный научный фундамент под философским зданием учения эволюции, которое раньше его было построено Гегелем и Спенсером и которое представляет из себя главное философское наследие XIX века. Только благодаря этому строго научному фундаменту это философское здание приобрело такую прочность. Влияние Дарвина на философов последних десятилетий XIX века очень сильно. Без него не были бы возможны ни Ницше, ни Авенариус. Тот же дарвинизм сказался и в «прагматизме», философии, столь модной теперь в Америке и Англии.

Но и помимо этого дарвинизм представляет из себя решение одной из важнейших проблем философии – вопрос о целесообразности. По Дарвину целесообразность устройства организмов объясняется случайными вариациями, видоизменениями организмов, причем те из них, которые были целесообразны, полезны для организма в борьбе за существование, сохранялись и закреплялись наследственностью, потому что организмы с такими вариациями выживали. Все же нецелесообразные вариации исчезали, так как такие организмы имели больше шансов погибнуть в борьбе за существование. Таким образом, ясно и просто показывается, каким образом из случайных комбинаций элементов могут возникать комбинации целесообразные. Интересно, что эту идею Дарвина, конечно в грубом виде, предвосхитил греческий философ Эмпедокл. Эмпедокл учил, что организмы образовались из чисто случайных соединений и комбинаций различных органов, которые прямо «родила земля, как бы беременная женщина»¹. Те соединения этих органов, которые были нецелесообразны, погибали; оставались такие, которые были целесообразны,

¹ Тогда «голова вышла без шеи, двигались руки без плеч, очи блуждали без лбов», а потому «члены сошлись меж собой и сплотились что в чем попало».

как в организмах. Мы видим тот же дарвиновский принцип, только в грубой фантастической форме.

Но этот дарвиновский принцип мы можем применить не только к целесообразности организмов; мы можем его применить вообще ко всякой целесообразности, ко всякой правильности и порядку. Мы можем применить его и к истории мира, к образованию вселенной. Солнечная система представляет из себя действительно систему, с большой правильностью движений и отношений ее элементов. Мы можем представить себе, что эта относительно устойчивая и правильная система образовалась не сразу, а только после того, как различные случайные, хаотические и неустойчивые комбинации этого же вещества распались именно вследствие своей хаотичности и неустойчивости. Та туманность, из которой, по-видимому, возникла Солнечная система, принимала самый разнообразный вид, но все эти распределения материи были неустойчивы и должны были изменяться, переходить к новому распределению материи, пока не образовалась относительно стойкая Солнечная система.

Если попытаться выводить химические элементы из комбинаций первоначального вещества (Urstoff), то неминуемо придется прибегнуть к тому же дарвиновскому принципу.

Этот же принцип должен объяснить нам в значительной мере и целесообразность нашей психической жизни. Психические элементы — ощущение и чувство — должны были в жизни человечества принимать самые разнообразные комбинации чисто случайного характера, но выживали и передавались по наследственности только те из них, которые были целесообразны и полезны, все же прочие комбинации погибали. Так росла воля, которая всегда целесообразна; так развивалась та комбинация идей, которая называется мышлением и которая поражает нас своей правильностью и целесообразностью. Совершенно так же можно объяснить и развитие языка и развитие религии. Каких только верований, вероятно, не имело человечество в различные эпохи, но большинство из них погибало; оставались те, которые способствовали сохранению и развитию человеческого вида. А такова именно и была функция религии.

Итак, в идеях Дарвина мы видим изящное решение проблемы целесообразности и универсальный принцип объяснения всяких целесообразных, правильных и устойчивых форм. *Целесообразность и устойчивость возникают из случайных комбинаций, причем все нецелесообразные и неустойчивые формы устраняются сами собой именно вследствие своей нецелесообразности и неустойчивости, так что остаются только целесообразные и устойчивые.*

Целесообразное существует, потому что все нецелесообразное и неустойчивое гибнет. Таково решение Дарвином проблемы целесообразности, — решение, взятое в его наиболее общей, наиболее философской форме. Как логично, как изящно, как правдоподобно такое решение.

Поэтому мы можем брать дарвиновский принцип в наиболее широком значении и говорить о борьбе за существование и естественном подборе чего угодно. Мы можем говорить о борьбе за существование и естественном подборе астрономических миров, можем говорить о борьбе за существование и естественном подборе идей, верований, чувств и т.д. Всюду выживают наиболее приспособленные, наиболее устойчивые формы; прочее гибнет.

Поэтому борьба за существование и естественный подбор есть не биологический только и даже не социальный, а мировой фактор.

III

Философское значение Дарвина не ограничивается обоснованием теории эволюции и решением проблемы целесообразности; оно простирается гораздо дальше, его влияние сказывается и на науке логике. Казалось бы, что может быть общего между дарвинизмом и логикой. Самое сопоставление их кажется игрой словами. Между тем знаменитый логик проф. *Зигварт* («Логика» которого выходит теперь в русском переводе) *говорит, что учение Дарвина произвело революцию также и в области логики.* И действительно, это влияние дарвинизма в области логики

нельзя назвать иначе как революционным, оно колеблет самые основы логики и грозит обосновать своего рода логический нигилизм.

Дело вот в чем. Старая логика ведет свое начало от Платона и Аристотеля. В ее основе лежит убеждение, что действительность есть воплотившиеся, выкристаллизовавшиеся идеи, или понятия, или формы, вечные, вневременные, неизменные, отдельные, не переходящие одна в другую. Отсюда главная цель логики – классификация, включение частных понятий в общие, перечисление частных понятий, заключающихся в общем. Такая классификация, такая система понятий, начинающаяся самым общим понятием и кончающаяся самыми частными, представлялась неизменной, вечной, а самые понятия – отдельными и прерывными. Нет перехода между понятием стола и стула, нет перехода между понятием овцы и коровы, человека и обезьяны. И это убеждение в неизменности понятий и в их прерывности и основывалось, главным образом, хотя может быть и бессознательно, на твердом убеждении в неизменности животных и растительных видов. Ведь несомненно, что самым лучшим примером логической классификации всегда была классификация биологическая и ботаническая. Вот эту веру в незыблемость понятий и в отсутствие переходов, в прерывность понятий, и пошатнула теория Дарвина. Вместо Линнеевской классификации неизменных животных и растительных видов, основанной на их различии, она предлагает нам родословную видов, основанную на их общем происхождении, на их физическом родстве между собой. Там, где были различия, он видит родственников. Прежнее понятие, как и прежняя концепция видов, не допускали переходов, были разделены; теория Дарвина вместо этого видит ряд непрерывных постепенно накапливающихся изменений, ведущих от одного вида к другому, от одного понятия к другому. Прерывность понятия заменяется их непрерывностью.

Понятия Аристотеля и старой логики были вечны, как вечны были понятия животных видов. Дарвин же устанавливает эволюцию животных видов, а следовательно, и эволюцию понятий. Понятие человека, как и животный вид человека, не вечно: оно

образовалось и из другого вида и потому имеет только временное значение.

Старая логика строго отличала *видовое отличие и случайные признаки*. Так, для человека разумность будет видовым отличием – тем, что отличает его от других живых существ, а белый или черный цвет волос будет только случайным признаком. Дарвиновская теория стирает это различие, и видовые отличия, например разумность, образовались в процессе эволюции случайных изменений, случайных признаков.

Такова та революция, которую, по мнению Зигварта, Дарвин произвел в логике. Сейчас еще невозможно определить, как ответит логика на эту революцию, подавит ли она ее или нет; одно ясно: что ей придется произвести коренные *реформы* в своей области. Из революционного периода логика должна выйти обновленной.

Таково в кратком очерке значение Дарвина в философии. Я был бы рад, если бы из него ясно стало, что Дарвин имеет право называться не только «Ньютоном былинки» – Ньютоном живого вещества, – но и великим философом.

Н. А. ВАСИЛЬЕВ

Программа по психологии

16. Вопрос о душе в психологии. Психология, как самостоятельная наука. Почему нельзя дать точного определения психологии? Отличие физического от психического. Связь душевных и телесных явлений. Примеры их. Методы психологии и методы естествознания. Психология, как наука дополнительная к естествознанию. Психология и социальные науки.

26. Метод самонаблюдения. Отрицание самонаблюдения Кантом. Два вида самонаблюдения. Недостатки обоих видов самонаблюдения и коррективы этих недостатков. Другие методы психологии (метод наблюдения чужой психики и экспериментальный). Классификация душевных явлений.

36. Основные силы, факты или законы сознания. Сила слияния. Психические обертоны Джемса или «чувство отношения» Спенсера. Непрерывность сознания. Выделяющая сила сознания (внимание). Внимание и сознание, их различия. Почему нельзя определить сознание? Прерывность внимания. Функции вни-

мания (суждение, сравнение, различение и т.д.). Сознание как единство многообразного от совокупного действия обеих сил.

46. Сила памяти. Ее определение. Два ее вида: ассимиляция и мультипликация. Ассоциация идей, как частный случай мультипликации. Сила целестремительности. Ее определение. Разум и воля.

56. Система психологии. Психология Джемса, Вундта, Бэна и Авенариуса. Их логическое взаимоотношение. Изложение и критика их главнейших психологических учений.

66. Физиология нервного волокна. Нервный ток и электричество. Рефлексы. Виды рефлексов. Автоматические акты. Теория Мейнерта о чувстве.

76. Локализация функции центр. нервной системы. Роль спинного мозга, продолговатого мозга; четверохолмия мозжечка. Роль коры. Голубь без полушарий Кора и интеллект. Учение френологов. Учение Флуранса. Современные учения. Афазия (Брока и Вернике). Опыты Мунка и их толкование. Двигательная область коры. Сферы различных органов чувств в коре.

86. Энергетика мозга. Опыты Шиффа и тепловая энергия. Электрическая энергия. Механическая энергия. Главный источник энергии мозга – химическая энергия пищи. Главные законы мозговой деятельности. Закон слияния и объединения мозговых функций. Угнетение. Примеры угнетения. Опыты Сеченова. Экономическая роль угнетения. Память. Память как свойство органического вещества. Взгляды Геринга. Примеры памяти в мире физико-химическом. Закон восстановления нарушенного равновесия. Пример.

96. Общее понятие об эволюции. Эволюция и прогресс. Христианское происхождение понятий эволюции и прогресса. Законы эволюции, предложенные Спенсером. Применение их к психике. Определение жизни по Спенсеру. Интеллект и осязание. Рост психики, как рост приспособления во времени и пространстве. Психика животных. Обычные ошибки психологии животных. Два взгляда на психику животных. Общие представления (рецепты) у животных. Счет у животных и у дикарей. Примеры ума животных. Психика животных и психика человека.

106. Вопрос о чужом сознании. Изложение теории автоматизма. Почему нельзя логически опровергнуть того, кто стал бы отрицать чужое сознание? Как бы стал такой скептик объяснять

действия и мимику других людей? Что такое солипсизм? Чистый опыт и метафизика. Почему мы всегда метафизики? Есть ли критерии наличности сознания? Мнение Гольца и Льюиса о спинномозговой душе. Можно ли доказать научно или опровергнуть научно это учение? Вопрос о психике простейших. Что такое хемотропизм? Можно ли решить научно вопрос о психике простейших.

116. Вопрос о психике растений. Аргументация Фехнера. Нервная система и сознание. Новейшие открытия относительно нервной системы и органов чувств у растений. Самопроизвольное движение и сознание. Взгляд Дарвина. Растения-охотники. Растение и животные. Психика растений по Фехнеру. Доказал ли Фехнер наличность сознания у растений? Прим. Этот билет не обязателен.

126. Ощущения. Классификация ощущений. Закон Гамильтона. Три момента ощущения. Обонятельные ощущения. Вкусовые ощущения. Кожные (осязательные, болевые и термические). Почему мы говорим о разных видах кожного чувства? Строение фатер Пачиниева тела. Точки тепла и холода. Боль.

136. Строение уха. Тембр, высота и сила звука. Музыкальные звуки, созвучия и шумы. Ухо, как анализирующий аппарат.

146. Строение глаза. Цвет, яркость и насыщенность. Феномен Пуркинье. Система цветов. Дополнительные цвета. Гипотезы Гельмгольца и Геринга (по Челпанову). Следы. Цветовая слепота. Ухо – аналитический орган, глаз – синтетический. Химическая природа зрения.

156. Вопрос о двигательных ощущениях. Можно ли придавать такое значение мышечному чувству, как это делалось раньше? Опыты Гольшейдера. Сочленовные и связочные ощущения. Вопрос об ощущениях иннервации. Органические ощущения. Закон специфической энергии.

166. Закон Фехнера-Вебера. Порог для различных ощущений. Разностный порог. Как формулируется закон Вебера? Математическое выведение формулы, данное Фехнером. Три толкования, данные этому закону. Их разбор. Примеры аналогичных зависимостей в других областях. Психологические аналогии закона Фехнера-Вебера.

17 б. Вопрос о пространстве в новой философии. Взгляд Декарта, Ньютона, Лейбница. Кант. Его зависимость от Ньютона и Лейбница. Пространство, как условие возможности опыта. Мате-

рия и форма познания. Пространство как форма познания. Необходимость пространственных истин. Их априорность. Что такое априорность? Пространство – интуиция, а не понятие. Бесконечность пространственного представления. Неприложимость пространства и времени к вещам в себе. Доказал ли Кант это? Влияние мистиков на Канта. Заслуги Канта.

186. Эмпиризм. Чему учит эмпиризм? Нативизм. Чему учит нативизм? Теория Беркли. Прав ли был Беркли? Как определяются расстояния глазом. Что такое фиксационная точка, зрительная линия, зрительный угол (или ретиальная величина предмета). Как мы определяем расстояние предмета до нас? Биноклярное зрение. Стереоскоп. Конвергенция. Подобные данные для определения расстояния.

196. Теория местных знаков (Лотце). Выведение пространства из времени (Спенсер).

206. Нативизм. Главнейшие аргументы нативизма. Оценка эмпиризма и нативизма. Почему не следует теперь придерживаться ни той, ни другой теории. Пространство как равновесие силы сливающей и силы разлагающей. Роль местных знаков и ощущения движения.

216. Теория Юма о природе веры во внешний мир. Теория, изложенная в трактате и исследовании. Их различия. Теория Шопенгауэра. Теория Бэна.

226. Иллюзии. Воспоминание как элемент восприятия. Воспоминание как элемент иллюзии. Иллюзия как ассимиляция. Примеры иллюзий. Два вида иллюзии по Джемсу. Галлюцинация. Исторические примеры галлюцинаций. Галлюцинация как признак мозговой болезни. Условия, благоприятствующие галлюцинациям. Зависимость галлюцинаций от мыслей и настроения больного. Псевдогаллюцинации. Их отличие от обычных образов. Их отличие от галлюцинаций. Теория галлюцинаций. Периферическая теория. Центральная теория. Центробежная теория. Что можно считать доказанным при современном состоянии науки?

236. Ассоциация идей. История этого вопроса. Сведение контраста на сходство. Вопрос о сведении сходства на смежность. Физиологическая схема ассоциаций. Условия прочности ассоциаций. Только ли одной ассоциативной смене подчиняется течение мыслей? Прогрессивное и консервативное течение мыслей.

Примеры консервативного течения мысли. Течение чувств, «навязчивые идеи», смена мотивов. Борьба представлений. Физиологическая схема консервативного течения мыслей.

246. Память. Улучшается ли память? Мнемоника. Болезни памяти. Амнезия, парамнезия и пр. Закон Рибо. Типы памяти.

256. Внимание. Непроизвольное и волевое внимание. Внимание и интерес. Значение внимания. О восприятии времени. Пространство и время. Измерение времени. Объективное измерение времени. Субъективная оценка времени.

266. Представление и понятие. Анализ. Абстракция. Ассимиляция. Синтез. Происхождение понятия. Родовой образ. Возникновение понятий у ребенка. Существуют ли родовые образы? Значение языка. Понятие и слово. Происхождение языка. Суждение. Уверенность. Умозаключение. Высшие понятия (пространство, время, число, причинность, субстанция).

276. Чувства и ощущения. Физиологические основы чувства. Классификация чувств. Низшие чувства. Аффекты или эмоции. Теория Джемса–Ланге. О воспроизведении чувств. Индивидуальные чувства. Страх. Гнев. Чувство самоудовлетворения или чувство силы. Любовь к одобрению. Переход от индивидуальных чувств к социальным.

286. Чувство симпатии. Механизм симпатического подражания. Симпатия и опыт. Развитие симпатии. Моральное чувство. Совесть. Происхождение морального чувства. Религиозное чувство. Логические или интеллектуальные чувства. Возвышенное, комическое.

296. Действия воли. Движения. Рефлексы. Импульсивные движения. Волевые или произвольные движения. Возникновение волевых движений. Отношение воли к чувству и движению. Влечение. Желание. Страсть. Моменты воли. Мотивы и побуждения. Обсуждение. Решение. Исполнение. Привычки и склонности. Власть воли над мыслями и чувствами. Развитие воли. Нравственный характер.

306. Личность. Представление о физическом «Я». Духовное «Я». Единство и тождество «Я». Сознание и самосознание. Темпераменты. Органические основы темпераментов. Наследственность психических способностей. Сон и сновидения. Гипноз.

Март 1914 года

Н. ВАСИЛЬЕВ

Из стихотворений Н. А. Васильева

* * *

Мерило истины – мгновенье,
Все изменяется, течет...
Нет бытия, а есть волнение,
Есть неутихнувший полет.

Нет бытия, и Бесконечность –
Большая глупая спираль...
Нет бытия, и даже Вечность
Для нас – пустующая даль.

Все постоянное рождается,
Все бытие – волны игра,
Что страстно хочет испариться;
А новость каждая стара.

Мелькает ложь, обман и правда
Сквозь этот выющийся туман:
Обман – исчезающая правда,
А правда – длящийся обман.

* * *

Можно женщину пылко и страстно любить
В затаенных глазах настроение пить.
Так глубоко ее презирая,
Ради блеска очей, ради странных речей,
Ради тихого шороха платья,
За волос аромат, за вползающий взгляд,
За томящую цепкость объятий.
Можно истину пылко и страстно любить
И исканию истины жизнь посвятить,
Так глубоко ее презирая,
И безумно желать уловить, разгадать
Неотвязно манящую тайну,
Разгадать темноту, уловить пустоту
Там, где все неразумно, случайно.

Можно жизнь, неприглядную жизнь полюбить
И с какой-то отчаянной жаждою жить,

Так глубоко ее презирая,
За восторг перемен, за властительный плен
Быстротающих жгучих волнений,
За иронии блеск и гармонии всплеск,
Ради тихой струи настроений.

* * *

В безумном переплете нитей,
Предвечных нитей бытия,
Во всей превратности событий
Слышна мне музыка... Но чья?

Повсюду музыка, повсюду
Для сердца нашего звучит,
Где разум внемлет только чуду,
Где все для разума молчит.

И философия стремится
Мир как симфонию познать,
В его гармонию излиться,
Его *andante* разгадать.
Томясь по вечности неупленной,
Стремясь к волнующей звезде,
Ищу я музыку вселенной,
Ищу всегда, ищу везде.

* * *

Мы вечно ищем и желаем
Припасть к заветной красоте;
Мы каждый миг себя теряем
И видим – мы уже не те.

Разочарованные бродим,
Склонясь к загадочной мечте;
Мы каждый миг себя находим,
Вглядимся: мы уже не те.

* * *

Спиноза
Сонет

Весь Амстердам кишит весельем и наживой.
Движение, говор, шум и пряностей тюки;

На чердаке Спиноза делает очки
И Бога создает душой неторопливой.

В минуту страшную непрошенной тоски
Он смотрит с радостью внезапной и игривой,
Как, сеть в углу соткав работой терпеливой,
Охотятся на мух большие пауки.

То Бога модусы друг друга истребляют
И тают в вечности, как пена у реки,
А мысли мудреца пленительно порхают,
От мух и пауков, от жизни далеки.
Необходимости властительные звенья
Царят над миром страсти, власти и стремленья.

* * *

Тени

Ах! Тени, тени, всюду тени
И на тебе и на реке,
И даже чую те же тени
В моей проснувшейся тоске.

Как вы красивы тени, тени,
И все красивое, как тень,
И сердце в мире сновидений,
И чувства нет, и чувство тень.

Мелькают тени, близки тени,
И тени бросились к волне,
И ласки девы только тени,
И только тень от них по мне.

* * *

Сонет

Минувшие скорби, былые печали,
Прожитые, вы мне совсем не страшны!
Вы тихой отрады и счастья полны,
Окутаны дымкой заманчивой дали!

Минувшее счастье, потухшие сны!
Зачем вы сейчас надо мной пролетали,
Манили, и звали, и тихо порхали,

И сбросили с сердца покров тишины?
Коварное время рукою безвестной,
Как фокусник ловкий, как шулер бесчестный
Сумело все карты в душе стасовать,

И то, что казалось родным и желанным,
Мелькает на сердце видением странным,
И сердце не может любить и желать.

* * *

Мы быстромеркнувшее пламя...

Мы – быстромеркнувшее пламя
И вновь пылающий пожар.
Вся жизнь поносится над нами
Полна тоски и новых чар.

Мы никогда не перестанем
Любить, стремиться и мечтать,
Себя никак мы не обманем,
Душа не может не желать;

Душа не может не взвиваться
Над тиной мелочных забот
И будет вечно домогаться
Недосягаемых высот.

Она стремиться будет вечно
К тому, чего на свете нет:
Ее желанье бесконечно,
Как бесконечен этот свет.

Любовь лишь отблеск вечной тайны;
В любви мы любим целый мир,
А вовсе не тебя, случайно
Нам подвернувшийся кумир.
Когда в тоске пред алтарями
Хочу я жертвы приносить,
Не все ль рано, в каком я храме
Хочу молиться и любить?

Из переводов Н.А. ВАСИЛЬЕВА

Песнь Марии Битон
(Из трагедии Свинберна «Chastelard»)

*Между закатом и волной
Моя любовь пришла за мной...
Из счастья – скорбь, из утра – ночь,
И краткий миг несется прочь;
Любовь, что сделалось с тобой
Между отливом и волной?*

*Между огнями и волной
Ты стала горем, горе – мной;
Любовь – в печаль, печаль – в пожар,
И в старом ищем новых чар;
Любви слова, любви прибой
Между песками и волной...*

*Между закатом и волной
Любовь была лишь час со мной...
Потом по золоту морей
Несется в даль погибших дней;
Они уносятся толпой
Там между пеной и волной.*

*Между утесом и волной
Ты стала грёзой, грёза – мной;
Вдвоем нас видела звезда, –
Другая всходит, и тогда
Уж я одна, одна с собой
Там между дюной и волной.*

П

*У моря сердце так жестоко
И поцелуи его грустны;
Для кораблей волна потока,
Огонь для дров равно страшны.
Блестит алмазом моря око;
То очи солнца внутри волны.*

*Летит к волне веселым светом
От солнца смех и нежный взор,
И к ласкам льнет волна, к приветам,
Что ей приносит бризов хор.
Уж бури нет. И вечным летом
Сверкает вдруг морской простор.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абеляр П., 30, 73
Авенариус В.П., 30
Адамс Б., 50
Андреев К.А., 40
Андриевский А., 29
Аншаков О.М., 196
Аристотель, 39, 43, 47, 102,
104, 115
Асмус В.Ф., 24, 60
Байрон Дж., 84
Бальмонт К., 33, 59, 83
Банзен Ю., 104
Барановская О.Л., 65–67
Беллинсгаузен Ф.Ф., 10
Белый А., 75, 79
Беранже П.Ж., 30
Бетховен Л. Ван, 59
Бирюков Ю.В., 197
Блок А., 33, 74, 75, 79, 80
Блюмберг М., 41
Бобынин В.В., 23
Бодлер Ш., 79
Боккаччо Дж., 30
Болгарский Б.В., 17, 197
Большая Я., 148
Борноволокowa Т.Т., 26
Бронте Ш., 28
Брушлинский В.К., 59
Брюсов В.Я., 79, 80
Букреев Б.Я., 14
Булгаков М.А., 58
Буль Дж., 103
Бэкон Ф., 84, 105
Васильев А.В., 13, 26, 33,
40, 55, 64
Васильев В.П., 9–11, 33
Васильев Н.В., 9, 11–13, 27,
31
Васильев П.В., 9
Васильев С.А., 64, 65, 69
Васильев Ю.Н., 34, 39, 43,
52, 58
Васильева-Максимович
А.П., 27
Васильева Е.А., 34, 43
Васильева (Завьялова) Е.С.,
37, 52, 58, 68
Вейерштрасс К.Т.В., 17
Вейль Г., 17
Венн Дж., 103, 106
Верлен П., 79
Вернадский В.И., 21–23
Верхарн Э., 36, 71, 74, 79,
83
Владиславлев М.И., 31
Виндельбанд В., 159
Волошин М.А., 80
Вундт В., 73, 90

- Гагарин Г.А., 68
 Галилей Г., 73
 Гаман Г., 104
 Гамильтон У., 103
 Гегель Г.В.Ф., 49, 104
 Гейтинг А., 198
 Гераклит, 86
 Гердер И.Г., 49
 Гессен С.И., 122, 123
 Гёте И.В., 30, 73, 79
 Геффдинг, 93
 Гильберт Д., 17, 103, 156
 Гинзберг С., 124
 Гоголь Н.В., 40, 86, 87
 Головин В.М., 26
 Гольдбах Х., 56
 Гомер, 27
 Гораций, 71
 Гордиенко И.М., 46
 Гофман Ф., 29
 Григорьев Е.И., 15
 Гуляев А.Д., 39, 44, 47
 Гуссерль Э., 138, 151
- Да Коста Н., 198
 Данте А., 30, 73
 Дарбу Г., 17
 Деборин А.М., 59
 Декарт Р., 93
 Демидов С.С., 14, 198
 Джемс У., 90
 Джини, 50
 Достоевский Ф.М., 86
 Дуганов Р.В., 15, 198
- Зейлигер Д.Н., 127, 129,
 30
 Зигварт Х., 102
- Ибсен Г., 33, 59
 Иванов-Разумник Р.И., 23
 Ивановский В.Н., 44, 94,
 130, 139
 Иксюль фон 26
 Ительсон Г., 100, 101
- Кант И. 89, 93, 99, 102,
 115, 186
 Кантор Г. 17, 171
 Кареев Н.И., 31, 50
 Карлейль Т., 30
 Карус П., 107–109
 Кастильон Ф., 161
 Керенский А.Ф., 65, 67
 Ките Дж., 84
 Клайн Дж., 199
 Клеро А.К., 29
 Клейн Ф., 17
 Ковалевская С.В., 17, 25
 Ковалевский М.М., 19
 Колмогоров А.Н., 199
 Копнин П.В., 199
 Коржибский А., 25
 Корсаков Д.А., 163
 Костомаров Н.И., 30
 Котельников А.П., 15
 Красновский А.А., 58, 59
 Кречетова Е.А., 59
 Кроллкер Л., 13

- Кроче Б., 159
 Крушинская А.А., 10, 12,
 13, 23, 26, 33
 Крылов А.Н., 21
 Кузанский Н., 104
 Купер Ф., 29
 Курнаков Н.С., 21
 Кутюра Л., 100, 103
- Лавров П.Л., 18
 Лазарев М.П., 10
 Лаланд А., 100
 Лапшин И.И., 124
 Лебедев П.Н., 21
 Леви Б., 17
 Лейбниц Г.В., 93
 Ленин В.И., 12
 Ли С., 17
 Линкольн А., 73, 30
 Лиознер С.А., 45
 Лобачевский Н.И., 14, 60
 Лопатин Л.М., 40
 Лосский Н.И., 199
 Лузин Н.Н., 22, 24, 176,
 177, 183
 Лукасевич Я., 104, 105, 174,
 182
 Лурия А.Р., 199
 Ляпунов А.М., 21
- Маковельский А.О., 47,
 127, 130–132
 Максимович В.П., 13, 14,
 33
- Максимович П.П., 14, 26,
 28
 Мальцев А.И., 179, 181–183
 Марков А.А., 21
 Маркс К., 11, 59, 80
 Матвеева А.И., 61
 Мейнонг А., 104
 Мельников П.И.
 (Печерский), 12
 Мережковский Д.С., 59
 Милль Дж., 102, 106
 Мильтон Дж., 84
 Миттаг-Леффлер М.Г., 17
 Молин Ф.Э., 181
 Мольер Ж.-Б., 29
 Монтескье Ш.Л., 49
 Морган де О., 103
 Морозов В.В., 200, 125
 Морозова Федосья, 26
 Мочалов И.И., 200
 Мусин Б.К., 55
- Некрасов В.Л., 15
 Нельсон Д., 172, 176
 Несмелов В.И., 44
 Никитин Н.Я., 62
 Ницше Ф., 49
 Никон, 26
 Новоселов М.М., 200
 Ноинский М.Э., 127
- Островский А.Н., 31
- Павлов И.П., 21

- Парето В., 50
 Парфентьев Н.Н., 13–15, 24, 43, 56
 Пеано Дж., 103
 Печникова В.Н., 55
 Пирс Ч., 103
 Платон, 154, 182
 Плеханов Г.В., 12
 Поппер К., 185
 Порецкий П.С., 103, 200
 Пост Э., 182
 Прист Г., 186
 Пуанкаре А., 17
 Пушкин А.С., 200, 26, 58
- Рабинович Ю.Г.**, 43
 Радлов Э., 133, 134
 Райнов Т., 24
 Рассел Б., 17, 103
 Решер Н., 181
 Рид Томас Майн, 30
 Риман Б., 108
 Рони Ж.А., 29
- Свинберн (Суинберн) О.Ч.**, 83
 Семашко Н.А., 200
 Сеченов И.М., 21
 Симонов И.М., 33
 Симонова (Васильева) С.И., 10
 Симонс П., 181
 Синцов Д.М., 15
 Смирнов К.А., 201
- Смирнов В.А., 201
 Соловьёв В.С., 32, 163
 Соковнин П.А., 26
 Соковня А.П., 26
 Сорина Г. В., 201
 Сорокин П., 50
 Софокл, 30
 Спенсер Г., 84
 Спиноза, 93
- Тейяр де Шарден П.**, 83
 Тер-Оганесян В., 24
 Титов А.А., 61
 Токарева Т.А., 7
 Толстой А., 59
 Толстой Л.Н., 32, 163
 Тычина П., 58
- Уайтхед А.**, 17
 Уизем Д., 168
 Ульянов А.И., 16
 Ульянов И.Н., 16
 Урусова Е., 26
 Уркухарт А., 181
- Федоров Е.С.**, 181
 Фейербах Б., 85
 Фейс Р., 201
 Фер Г., 25
 Фехнер, 90
 Финн В.К., 182
 Фогт К., 91
 Фреге Г., 103
 Френкель А., 171

- Харди Г., 20
 Харджиев Н., 201, 16
 Хвостов М.М., 38
 Хлебников А.И., 26
 Хлебников В., 15, 16
 Хлебникова А.А., 25
 Хохлов А.Н., 10, 201
- Цермело Е.**, 171
 Цыклер И., 26
- Чебышев П.Л.**, 21
 Черч А., 180, 181, 201
- Шатуновский С.О.**, 14
 Шелли П.Б., 84
 Ширман А., 161
- Штурм Ж.Ш.Ф., 13
 Шредер Э., 103
- Щелкачев В.Н.**, 22
 Щербина А.М., 40
- Энгельс Ф.**, 24
 Эрмит Ш., 17
- Юлиан-Отступник**, 42, 57, 59
 Юм Д., 93, 99
 Юрьев С.М., 127
 Юшкевич А.П., 201, 14, 20, 23, 24
- Яськовский Ст.**, 172, 176

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ГЛАВА 1.	
РОДОСЛОВНАЯ	9
Линия по отцу	9
Дед	9
Отец	12
Линия по матери	25
ГЛАВА 2.	
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ	27
Каинки	60
ГЛАВА 3.	
«ТОСКА ПО ВЕЧНОСТИ»	71
ГЛАВА 4.	
В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ	88
ГЛАВА 5.	
НАЧАЛО ЛОГИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Н.А. ВАСИЛЬЕВА. ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОСОФ- СКИЙ КОНГРЕСС	95
ГЛАВА 6.	
У ПОРОГА ВООБРАЖАЕМОЙ ЛОГИКИ	102
ГЛАВА 7.	
«РИСКУЮ...ПОДПАСТЬ ПОД ОБВИНЕНИЕ В ЛОГИЧЕСКОЙ ЕРЕСИ»	112
ГЛАВА 8.	
ИДЕЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ЕЁ СЛЕДСТВИЯ	134
ГЛАВА 9.	
ВООБРАЖАЕМАЯ ЛОГИКА Н.А. ВАСИЛЬЕВА И ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕОМЕТРИЯ Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО	152

ГЛАВА 10.	
ЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОДЫ В ЭТИКЕ	163
ГЛАВА 11.	
«ЖИЗНЬ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ НАЧИНАЕТСЯ С ИХ СМЕРТИ». СУДЬБА ЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ Н.А. ВАСИЛЬЕВА	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
БИБЛИОГРАФИЯ	190
Опубликованные труды Н.А. Васильева	190
Неопубликованные труды Н.А. Васильева	191
Архивные материалы	192
Литература	193
ПРИЛОЖЕНИЕ	201
Н.А. Васильев. Воображаемая (неаристотелева) логика	201
Н.А. Васильев. Логический и исторический методы в этике (об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева)	204
Н. Васильев. Значение Дарвина в философии	216
Н.А. Васильев. Программа по психологии	223
Из стихотворений Н.А. Васильева	228
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	233

Bazhanov Valentin A.

Nicolai A. Vasiliev and his Imaginary Logic. The Revival of One Forgotten Idea.

Moscow: Canon+, 2009. – 256 p.

On 18 May 1910 **N.A. Vasiliev** (born in 1880) presented a lecture at Kazan University (published in October that same year) "On Partial Judgements, on the Triangle of Opposites, on the Law of Excluded Fourth" in which he put forward for the first time ever the idea of (non-Aristotelian) logic, free of the laws of excluded middle and contradiction. Reasoning by analogy with the "imaginary" geometry of Lobachevsky, Vasiliev called his novel logic "imaginary", for he assumed it was valid for the worlds where the above-mentioned laws did not hold, worlds with beings having other types of sensations. He distinguished levels of logical reasoning, and introduced the notion of metalogic.

Vasiliev was a poet, translator of poetry, he left original works in psychology, philosophy of history, literature studies, ethics, and pedagogy.

In 1922 was forcedly retired by the new Bolshevik administration. This act aggravated his ailment: Vasiliev spent most of the following 20 years in mental hospital, and thus rescued from the Stalin regime. He died on December 31, 1940. The place where he was buried is unknown.

The highly original pioneer ideas of N.A. Vasiliev were reinvented only in the early 1960s and they formed a basis mainly for paraconsistent logic. Some well-known scholars in 1960s considered him the predecessor of multi-valued logic. For Vasiliev's works written in informal style, and conceptually rich, these works have been appraised by following generations due to their latest interests.

This book is written on the basis of Vasiliev's archive and is the only complete biography of the scholar, covering all his life and scientific legacy.

Contents

Preface

Ch. 1. Ancestry

Ch. 2. Life

Ch. 3. "The Longing for Eternity". (Poetry and Literature Works)

Ch. 4. The Search for the Foothold. (The Quest for New Ideas in Logic)

Ch. 5. The Starting Point of N.A. Vasiliev's Logical Work. Third Congress of Philosophy in Heidelberg.

Ch. 6. At the Threshold of Imaginary Logic.

Ch. 7. "I Risk... Falling under the Charge of Logical Heresy".

Ch. 8. The Idea of Plurality of Logical Systems and its Implications.

Ch. 9. Imaginary Logic of N.A. Vasiliev and Imaginary Logic of N.I. Lobachevsky.

Ch. 10. Logical and Historical Methods in Ethics.

Ch. 11. "The Life of Great Persons Starts from their Death". The Fate of N.A. Vasiliev's Logical Ideas.

Conclusions

Notes to all chapters

Bibliography

Appendices (Selected Works from Vasiliev's Logic, Poetry, Psychology, Ethics)

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте
iph.ras.ru/kanon или <http://journal.iph.ras.ru/verlag.html>
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru; bozhkoyna@mtu-net.ru

Научное издание

В. А. БАЖАНОВ

Н. А. ВАСИЛЬЕВ
И ЕГО ВООБРАЖАЕМАЯ ЛОГИКА.
ВОСКРЕШЕНИЕ
ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ ИДЕИ

Ответственный за выпуск *Божко Ю. В.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.10.2008.
Формат 84×108¹/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,6. Тираж 1000 экз. Заказ 2863.

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация».
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел/факс 702-04-57.

E-mail: bozhkoyna@mtu-net.ru; kanonplus@mail.ru
Сайт: iph.ras.ru/kanon или <http://journal.iph.ras.ru/verlag.html>

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати»».
ЛП № 02330/0131528 от 30.04.2004.
220013, Минск, пр. Независимости, 79.